

Сергей Небренчин

БИТВА КОНЦА

Москва
2016

Небренчин С.М.

Битва конца / Сергей Небренчин. М.: Издатель ФНиМБ, 2016.

ISBN 978-5-9906699-5-6

«**Битва конца**» – новое художественное произведение Сергея Небренчина. Автор продолжает историю героев его трилогии «Война под солнцем». В глобальной «битве конца», в которой сатанинские богоборческие силы в стремлении обустроить «новый мировой порядок» намерены окончательно подавить очаги сопротивления в мире и, прежде всего, в России, на одной седьмой части суши. В поддержку российского президента, бросившего вызов «мировой закулисе», но оказавшегося в плотном кольце «агентуры влияния», по всей стране начинает формироваться команда сподвижников, намеренных отстоять суверенитет и территориальную целостность страны, освободить ее от внешней зависимости. Главный герой книги – генерал спецслужбы Федор Пашин после долгих лет жизни за границей в качестве нелегального разведчика возвращается на Родину. В России он в силу разных обстоятельств попадает в самую гущу политических событий, связанных с внутривнутриполитической борьбой за власть. Вместе с ним в национально-освободительную борьбу вступают его близкие родственники и друзья, со многими из которых читатели знакомы по книге «Война под солнцем».

Произведение «Битва конца» написано на основе реальных событий и фактов. Вместе с тем, для придания большого художественного эффекта автор использовал слухи, имевшие место в тех событиях, также были вымышлены имена главных героев. Любые совпадения с реальными людьми, в том числе политиками, и фактами из их жизни являются случайными.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-44
Авт. знак Н39

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	4
Глава 1. Рукописи не горят	6
Глава 2. Из провинции в Москву.....	12
Глава 3. В застенках НКВД	19
Глава 4. Кремлевское знакомство	25
Глава 5. Рио-де-Жанейро Старого Света	32
Глава 6. Секретарша поневоле	39
Глава 7. Футбольный бунт.....	44
Глава 8. Семейство Пашиных.....	50
Глава 9. Крутой поворот судьбы.....	55
Глава 10. Драка на Манежке.....	59
Глава 11. Властный бизнес	66
Глава 12. Друг детства	73
Глава 13. Сон в руку.....	81
Глава 14. Неслучайная встреча	87
Глава 15. Любовь зла.....	95
Глава 16. Мечты сбываются	101
Глава 17. Джинн в бутылке	106
Глава 18. Не чіпай лихо, доки воно тихо	114
Глава 19. Тюремные беседы.....	123
Глава 20. Пожар.....	131
Глава 21. Найти отца.....	137
Глава 22. Дьявольский заговор	145
Глава 23. Русская весна.....	152
Глава 24. Домой из плена	160

Вместо предисловия

Представители различных рас и народов, цивилизаций и континентов с древних времен конкурируют в борьбе за выживание, ведут непримиримую войну за место под солнцем. И в этом деле все средства хороши. Но главными из них до сих пор остаются не только «горячие» войны, но и «холодные» и, прежде всего, информационно-подрывные акции, разведывательно-подрывные операции, финансово-экономические диверсии. В современном мире информация, помноженная на новейшие технологические достижения, превратилась в оружие массового поражения и стала геополитическим феноменом. Главный герой книги не просто участник афганской войны, но и боец особого фронта – информационно-разведывательного. Офицер Пашин воюет и сражается за Родину как на видимом поле брани в Афганистане, так и невидимом – чужбине, находясь в самом центре, откуда ведется «необъявленная война» против России. Вернувшись на Родину, он вновь оказывается в эпицентре борьбы мировых сил добра и зла.

Книга «Битва конца» относится к числу тех художественных произведений, которые не только способны захватить и увлечь читателя своим интересным сюжетом с первых страниц чтения. Она заставляет читателя задуматься о прошлом, настоящем и будущем страны, судьбе России в эпоху глобальных вызовов и угроз, месте и роли каждого гражданина в деле спасения и сохранения уникальной российской цивилизации. В своей книге автор, рассказывая о жизненных перипетиях простых людей, каждый из которых на своем месте по-своему понимает и печется о судьбе многострадального Отечества, показывает картину жесткой борьбы элит на самом верху российской власти, их органической связи с «сильными мира сего». Он представляет действующего президента в качестве правителя, решившегося противостоять давлению на государство извне, агентуре влияния в его ближайшем окружении, всей системе неокOLONиального управления страной. В этой деятельности президент может опираться только на своих сподвижников снизу, из народа, которые, осознанно или нет, но все более активно вступают в ряды нарождающегося в России национально-освободительного движения. Судьба вновь сводит главного героя с такими людьми, среди которых немало тех, с кем он воевал в Афганистане.

В реальной жизни Бог и дьявол, добро и зло, любовь и ненависть, подвиг и малодушие, справедливость и корысть, правда и ложь не только соседствуют друг с другом, но и ведут между собой непримиримую борьбу. Битва конца в наши дни происходит в контексте библейских и других предсказаний грядущего апокалипсиса. Герой книги – Федор Пашин – находится среди тех персонажей книги, которые вступили в жесткое противоборство с дьявольскими силами, число которым легион. Однако нет никаких сомнений в победе правых сил над тьмой, потому что с ними Бог, – так следует из прочитанного и в этом, безусловно, главный смысл романа.

Автор книги имеет за плечами неординарную военную биографию, полную неожиданных и любопытных поворотов судьбы. Он участник не только «горячих» войн, но и «холодных», информационных баталий. Его повествование содержит в себе захватывающую сюжетную линию, проникнуто объективностью и неподдельной искренностью, глубоким знанием реалий. В основу книги положены события, свидетелем и участником которых был и сам автор. В художественный сюжет книги включен политический контекст, связанный с историческими событиями и современными актуальными реалиями жизни страны и мира, что не может не вызвать дополнительный читательский интерес.

После прочтения книги «Битва конца» хочется верить, что среди нас живут и действуют герои произведения, а увлекательная, романтическая и полная опасностей история Федора Пашина продолжается в наши дни. России сегодня как никогда нужны герои, способные повести за собой тысячи и тысячи людей во имя национального освобождения, возрождения российской государственности, спасения и сохранения уникальной культурной самобытности нашей цивилизации, процветания народов России.

От автора

Глава 1

Рукописи не горят

В Россию Федор Михайлович Пашин, резидент российской разведки за рубежом, вернулся, когда ему уже был полтинник. Более 30 лет выслуги позволяли ему претендовать на пенсию военнослужащего. Однако генерал спецслужбы сохранил не только хорошую военную выправку и приличную спортивную форму, но и желание еще послужить своей Родине. Он мог спокойно подтянуться не менее 13 раз, до сотни – отжаться, резво пробежать один или даже три километра. Между прочим, его любимые сыновья, поступившие учиться в престижный военный вуз в Москве, не могли успешно соревноваться с отцом на количество «подъемов – переворотов» на перекладине. Темно-белая седина волос совсем не старила генерала. Пашин совсем не утратил привлекательности, продолжая нравиться даже молоденьким девушкам. Его жене Надежде, которая была намного моложе своего долгожданного мужа, было не стыдно пройтись «под ручку» с бравым генералом.

Однако главным достоинством экс-резидента оставалось его умение работать с «опорными» источниками новостей, вскрывать истинную подоплеку новостных лент и «дежурной» аналитики, в целом определять характер и содержание событий и явлений, информационных поводов, мгновенно оценивать изменения ситуации в мире, прогнозировать те или иные намерения геополитических конкурентов России.

Генерал-майор одной из самых влиятельных в России спецслужб по возвращении на Родину попал в резерв. По совету своего руководства занялся написанием диссертации. На памятной встрече у руководства службы Пашину так прямо и сказали:

– Должен же кто-то наконец заняться изучением информационных войн в русской военной истории. Как известно, оружие красноречия по эффективности не уступит многим видам летального оружия. Не правда ли?

– Это правда, – генерал был в растерянности. Он, не без оснований, полагал, что его опыт мог бы быть востребован и в оперативной работе.

– В русской истории перед войнами вначале вели переговоры, а потом уже воевали или мирно расходились. Тема актуальная, сначала

кандидатская, потом докторская. Со временем будешь преподавать, передавать свой опыт молодым, – особо подчеркнул первый заместитель руководителя спецслужбы.

– С Богом! – бросил он на прощание. А еще он пожелал удачи своему подчиненному, а также посоветовал нигде особо не высовываться, тем более не красоваться в СМИ.

Так, по меткому определению Федора Михайловича, у него началась «свободная служба» в Москве. Зато появилась возможность походить по московским библиотекам, покопаться в архивах, поискать исторические находки в сети Интернет. Диссертация писалась легко. За год удалось раскопать все необходимые материалы и источники. Их вполне хватало не на одну кандидатскую диссертацию.

Роясь в архивах, соискатель неожиданно обнаружил свидетельства обращения своего деда по материнской линии к Верховному главнокомандующему. Пашин потратил не одну неделю, чтобы обнаружить дедовское письмо из тюрьмы в Кремль. Оно было пространным, на нескольких страницах, написанное карандашом. Первое, что бросилось в глаза, – это короткая резолюция «десять лет тюрьмы». Письмо было на редкость грамотным и политически выдержанным. Из других материалов персонального дела, оформленного на Федора Павловича Пашина, 1900 г. рождения, коммуниста, было ясно, что о письме было доложено на самый верх, и именно там было принято окончательное решение. Письмо деда Пашин-внук прочитал не один раз, переснял и забрал с собой в семейный архив. Картина всего происходившего, в том числе как решалась судьба его деда, отчетливо возникла у него перед глазами.

Лето было в самом разгаре, когда началась война Германии против СССР. Благодатная природа, родная земля, благоухая в лучах солнечного тепла, одновременно содрогалась и стонала от разрывов падающих бомб и снарядов, лязга боевой техники и бесконечной пальбы. Вторгнувшиеся в пределы СССР немецкие колонны бронетехники и пехоты стремительно двигались на Восток. Однако скудные сводки новостей в первые дни войны с западной границы СССР не позволяли судить о масштабах беды, которая пришла на одну шестую часть света. Поэтому в московских властных кругах не хотели верить, что уже началась и идет большая настоящая война и на кону поставлено само существование государства и народа.

Иосиф Виссарионович Сталин в этот день находился в своем рабочем кабинете в Кремле. Чтобы отвлечься от невеселых мыслей о по-

ложении на фронте, он курил трубку с душистым ароматом. На его рабочем столе стоял полный бокал красного вина. Грузинскую Хванчару он особо выделял из всех других вин. В этот момент, когда дым и глоток вина обволакивали сознание, думать о войне и неотложных государственных делах как-то не очень хотелось. Однако смертельная опасность, которая нависла над Советским Союзом и угрожала кремлевской власти с началом немецкого вторжения в страну, всякий раз заставляла собирать волю в кулак, настраиваться на работу с полной выкладкой сил.

Верховный главнокомандующий еще раз полистал военные сводки и вернулся к подготовке текста обращения к советскому народу. В ближайшие дни он собирался выступить по радио. «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои! Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается», – еще раз про себя прочитал текст председатель вновь образованного Государственного комитета СССР и отложил его в сторону.

Несмотря на то что гордый сын гор по фамилии Джугашвили уже успел отойти от пережитого шока первых дней начала войны, он продолжал терзаться мыслями последних страшных потерь, о которых ему доносили с передовой. «Неужели конец? Заманили-таки в ловушку англичане! Как быть! Вот сукины сыны!» – вслух прокричал Сталин, а уже про себя выругался на грузинском языке. Ему все еще не хотелось верить, что его могли переиграть в его хитрой геополитической игре с Западом, что их агентура в его ближайшем окружении оказалась умнее.

В дверь без стука вошел человек в военной форме без знаков различия. Этот человек был одним из немногих среди ближайших соратников Сталина, кто мог к нему зайти без стука в любое время суток. На пороге стоял Лазарь Моисеевич Каганович, член ЦК партии, а в действительности партийный «серый кардинал», организатор последних сталинских репрессий. Все его родственники занимали высокие должности во властных структурах Советского Союза. «Серый кардинал» имел особое влияние в Москве еще и потому, что поддерживал тесные связи с мировым кланом Рокшильбрайтов, обосновавшимся в Англии, и теневыми правителями Америки.

К компетенции Кагановича относились вопросы выявления «врагов народа» и «чистка» партийных рядов, «еврейско-русский» вопрос, а фактически – кадровая политика партии. Один раз в неде-

лю Лазарь Моисеевич информировал Джугашвили о состоянии дел в этой весьма деликатной сфере отношений, комментировал склоки и другие внутривластные сплетни. Используя в своих интересах особенности неустойчивой психики «вождя народов», «серый кардинал» регулярно провоцировал его, вызывая нужную реакцию против своих конкурентов во власти. «У меня один брат – Сталин!» – любил повторять Каганович, когда Коба готов был растерзать очередного «врага народа».

– Мало времени, обращение к народу готовлю, докладывай, что накопал! – Джугашвили говорил с сильным кавказским акцентом. Он почему-то волновался, когда встречался с Кагановичем. Несмотря на попытки отодвинуть Лазаря Моисеевича от властных рычагов и принятия стратегических решений, ничего не получалось. «За ним вся сила кагала! Он свой для Рокшильбрайтов, а я для них был и останусь чужим!» – не раз признавался себе Джугашвили, не зная как подмять под себя «серого кардинала».

Лазарь Моисеевич, пытаясь прочитать мысли Кобы, с улыбкой на лице заметил:

– Хорошо выглядишь! Уверен в себе, молодец, Коба!

– Вино грузинское пью. Угощайся.

– Спасибо. Сначала о деле. Во-первых, как обещал, подготовлен наш вариант воззвания к народам СССР, взглянешь?

– Оставь, почитаю. С чем еще пришел? – Сталин внешне был невозмутим.

Каганович сделал краткий обзор партийной жизни, конфликтов и противоречий в партии. В конце обратил внимание на письмо бывшего коммуниста, председателя колхоза из Черноземья некто Пашина из мест заключения на имя генерального председателя Совнаркома СССР, кем в начале войны стал Сталин.

– Война пришла, а ты про какого-то Пашина мне говоришь! Что за дела, товарищ Каганович?! – Сталин сразу запомнил фамилию арестанта.

– Не простое дело. Жалоба на перспективного работника НКВД, нашего соратника.

– Что не поделили?

– Бабу, жену председателя колхоза. Энкавэдэшник упрятал ее мужа за решетку. Таких случаев хватает.

– Так и знал! Зачем тогда обсуждать?! Пусть сидит! Надо делиться! – Сталин усмехнулся в усы и взял в рот трубку. Душистый аромат

табака в легкой дымке поплыл вокруг стола Верховного главнокомандующего.

– Не все так просто! Письмо дошло до Кремля. А его копия оказалась в редакции областной газеты «Сельский корреспондент». Хорошо, проявили бдительность, вовремя перехватили. Редактор хотел опубликовать. Он оказался давним приятелем этого Пашина. Тот еще раньше пописывал в редакцию статейки не только на сельскую тематику, – подчеркнул Лазарь Моисеевич.

– Редактор еще работает?

– Я тебя умоляю, редактор уже отстранен от должности, по партийной линии наказан, отправлен на фронт военным корреспондентом.

– Это правильно. А вот Пашин не прост. Чьих кровей он будет?

– Русский, да еще из донских казаков, православный. Похоже, антисемит, заговорщик, одним словом, пособник врагов народа... – Лазарь Моисеевич выдал заранее подготовленный приговор.

– Энкавэдеэшник кто такой? – перебил его Сталин.

– Царьков Арон Соломонович. Наш, настоящий коммунист. Еврей пролетарского происхождения, из кустарей-ювелиров. Надежный, проверенный человек еще со времен революции и гражданской войны. Служил в Конной армии у Буденного, на Тамбовщине с Тухачевским мятеж подавлял, в Донбассе и Черноземье саботажников ловил. Там они с Пашиным и схлестнулись.

– Значит, дело не только в бабе. Здесь и политика... Заговором пахнет?

– Верная партийная оценка, товарищ Сталин. А Арон Царьков за партию и товарища Сталина голову готов положить. Я с ним недавно беседовал. Он проездом был. Идет на повышение. Он назначен руководителем особого отдела, убывает на фронт, кровь будет проливать за Родину. Для него, как и для меня, есть один брат – это Сталин! – особо подчеркнул «серый кардинал».

«Каков хитрец этот Каганович! Думает, не понимаю, куда он клонит. Задумал новую волну террора поднять. И это в первые дни войны, когда неизвестно, что выйдет, куда народ повернется. Террора не будет, мне русские и другие народы нужны, чтобы власть в СССР отстоять. Кто будет воевать с гитлеровцами на фронтах?!» – про себя решил Сталин, а вслух сказал:

– Межнациональные распри нам в партии не нужны. Коммунисты – это интернационалисты! Антисемитизм в СССР – это преступление перед партией и пролетариатом, несмыаемый позор! Кале-

ным железом будем прижигать головку русского национализма, так нас учил товарищ Ленин, – хозяин кабинета ошибочно приписал вождю пролетариата известные слова Бухарина, его верного сподвижника по партии. Будучи русским человеком по происхождению, он тем не менее вел непримиримую борьбу, прежде всего с русским национализмом и православной верой.

– Как скажет товарищ Сталин, Пашин заслуживает высшей меры наказания. Нужна твоя резолюция, – Лазарь Моисеевич обращался к «вождю народов» на «ты».

– Сам в тюрьме сдохнет! Нам сейчас новый террор не нужен, товарищ Каганович! – Джугашвили погладил свои пышные усы и взял в руки трубку. Она вновь задымила.

Каганович смолчал, подавив в себе недовольство решением Кобы.

– С бабой что? Кому досталась? – словно спохватившись, заметил Джугашвили. В его больших пышных усах вновь проскользнула похотливая усмешка.

– Эх, забыл спросить у Царькова! – подсадовал «серый кардинал» Кремля, ближайший сподвижник Сталина.

Глава 2

Из провинции в Москву

2008 год принес России новые испытания – мировой финансово-экономический кризис, война с Грузией, новое обострение отношений с Западом. Но жизнь брала свое, простые люди продолжали преодолевать трудности, радоваться жизни и верить в лучшее будущее. Второго августа на Красной площади громко и раскатисто звенели колокола. На Ильин день храм Пророка Илии был как всегда полон православных людей. Молебен и Божественная литургия окончились, и прихожане стали потихоньку покидать церковь. Миловидная девушка в светлом платочке и длинном платье с рукавами, выйдя наружу, еще раз перекрестилась. Она сразу оказалась в рядах сотен верующих, которые выстроились в ряды, чтобы совершить крестный ход от храма до Лобного места на Красной площади, где должен быть отслужен молебен Пророку Божиему Илие.

Девушку из провинции звали Мария. Во второй раз в своей жизни, попав на торжества Ильина дня в Москве, она все больше познавала нового о сложившейся традиции представителей армии и РПЦ совместно отмечать этот религиозный праздник. Еще узнала, что Илия Пророк является покровителем воздушно-десантных войск, а храм Пророка Илии – это один из старейших религиозных центров Москвы, в XVI веке давший название улице Ильинка – одной из древнейших улиц Китай-города. На торжествах в здании Торгово-промышленной палаты России, куда Маша попала случайно, оказавшись в составе представителей православной общественности, она впервые услышала про то, что праздник символизирует единство церкви, армии и предпринимательства, которые во все века были главными столпами российской государственности. «Интересно, никогда не могла подумать так!» – решила про себя девушка.

На праздник в Палату, которая находилась поблизости от церкви на Ильинке, Мария попала позже, а до этого она в числе других прихожан побывала на показательных выступлениях с оружием в руках курсантов Рязанского воздушно-десантного училища на Красной площади, а еще посмотрела концерт на Васильевском спуске. Курсанты покорили публику своими навыками владения оружием в строевых порядках. Буквально дух захватывал при виде стройных рядов буду-

щих офицеров, статных и бравых парней. У Маши был еще один свой интерес к показательным выступлениям. В прошлом году ей даже показалось, что один стройный высокий курсант, который исполнял упражнение не то с мечами, не то с саблями, заметил скромную девушку в платочке на голове и даже улыбнулся. «Даже смутил меня! – вспомнила девушка. «Интересно, увижу ли сегодня того голубоглазого парня из первой шеренги сегодня?» – девичья мечта проскользнула в ее обворожительной улыбке. Она сняла платок, поправила светлые волосы, в косу вплетенные. Так и не найдя глазами того самого курсанта, стройная милая и очень красивая девушка направилась на торжества в здании на Ильинке.

Провинциалка с красивым русским именем Маша в Москве обосновалась пару лет назад. Она приехала «штурмовать» столицу из небольшого патриархального городка Задонск, который приютился сразу за рекой Дон на его левом берегу. Известный далеко за пределами Рождество-Богородицкий мужской монастырь был виден издалека со всех сторон, когда едешь по дороге «Дон». Здесь у Марии жила мама. Она работала на почте. На местном кладбище был похоронен отец.

Не сумев поступить в лингвистический вуз на «бюджет», она вынуждена была изыскать средства на оплату учебы по модной специальности «PR и журналистика». Правда, как иногородней, университет предоставил Марии общежитие. Однако срочно была нужна работа. Девушка из провинции не хотела тянуть деньги из дома, от матери. Помог случай. Во время поступления в вуз Маша познакомилась с одним москвичом. Коротко стриженному, ушастому, худосочному низкорослому парню на вид было лет пятнадцать. Он имел высокие показатели ЕГЭ, а потому сразу попал на «бюджет». Впрочем, в университете и те, и другие студенты учились вместе.

Ушастик! – так мысленно окрестила своего нового знакомого Маша. Несмотря на свой невзрачный вид, москвич ей нравился. Конечно, худосочный мальчишка сильно уступал в сравнении со статным бравым курсантом-десантником, который так запал в сердце девушки. Ушастик знал, что ему надо в жизни, много читал, с ним было интересно общаться. Он прекрасно разбирался в компьютерной технике, поэтому с удовольствием согласился понравившейся однокласснице помочь осваивать ай-ти-технологии. А еще у него водились свои карманные деньжонки. «Айтишник» уже год как подрабатывал в качестве фрилансера, занимаясь SEO-оптимизацией сайтов и ремонтируя компьютеры. Поэтому всегда мог пригласить Марию посидеть в кафе,

сходить в кино или театр. Провинциалка не видела в невзрачном парне своего возможного ухажера. Однако поболтать с ним о жизни за чашкой кофе с итальянским мороженым была совсем не против. Тем более что денег из дома катастрофически не хватало.

А еще парень и девушка стали вместе заниматься в секции каратэ в Ассоциации со звучным названием «Витязи». Оказалось, что Ушастик к тому времени уже имел черный пояс и мог постоять не только за себя. Но самое главное, что в свои семнадцать лет каратист уже входил в число активистов «прокремлевского» молодежного движения «Наши». Его туда пристроила мама, которая работала главным бухгалтером в правительственном молодежном ведомстве «Росмолодежь». Так Мария стала посещать мероприятия «нашистов». Но даже эти обстоятельства не могли тронуть девичье сердце, заставить ее полюбить москвича. Тем не менее знакомство девушки с мамой продвинутого москвича состоялось. С этого момента и начались невероятные приключения провинциалки в Москве.

Ушастик вдвоем с матерью проживали в трехкомнатной квартире на проспекте Мира. Прекрасное современное жилье по льготным расценкам помог им приобрести некий Гайк Бюзандович Шаумян. В прошлом известный депутат, а ныне руководитель правительственного ведомства «Росмолодежь» был одновременно начальником и любовником симпатичной и привлекательной женщины. Их взаимной привязанности было уже около двадцати лет. Со своей избранницей, в то время молоденькой санитаркой, он познакомился еще в психиатрической клинике имени П.П. Кащенко, более известной как «Канатчикова дача». Несмотря на то что будущий депутат был психически нездоров, с заботливой и набожной сестрой милосердия он сумел подружиться. Простая русская девушка как могла жалела «психа», даже пыталась приучить его молиться Богу. Но Шаумян только хихикал, мотал головой и орал, брызгая по сторонам слюной. После года общения с медсестрой «псих» соблазнил ее, убедив, что таким образом он сможет окончательно избавиться от шизофренических навязчивостей.

Наступили смутные времена перестроечных реформ, и господин Шаумян оказался востребованным человеком. Редкостный психопат благодаря своим ораторским способностям и чрезмерной эмоциональности преуспел в политических дебатах и даже пробился в депутаты Госдумы. Шаумян стал налево и направо раздавать интервью, делать громкие заявления, наладил написание книг за своим автор-

ством. Став популярным и известным человеком, постепенно разбогател: счета в банке, квартиры, машины, акции и т.п. Вскоре завел семью, взяв женщину с ребенком, но с влиятельными родителями. Будучи одним из самых заметных фигур на политическом небосклоне, одновременно любимцем и антигероем СМИ, Гайк Бюзандович тем не менее мечтал о кресле министра. Только вот у него ничего не получалось, чтобы добиться этой заветной цели. Пришлось довольствоваться малым. Так, после долгих лет политического мытарства в депутатах он занял кресло высокопоставленного чиновника – руководителя «Росмолодежи».

Несмотря на то что Шаумян был женат, он помог своей бывшей медсестре, благодущной женщине, поступить и окончить в Москве Институт туризма и гостиничного бизнеса. Шли годы, их любовь «не ржавела». Как бедная женщина ладила с таким психопатом, было только одному Богу известно, но их тянуло друг к другу. Медсестра вначале жалела несчастного Шаумяна, а когда у любовной парочки появился внебрачный ребенок, мать всю себя посвятила сыну. На удивление спокойный и покладистый парень рос отличником и общественником, по окончании школы легко поступил в продвинутый лингвистический вуз.

В ноябре Ушастику исполнилось восемнадцать лет. Ему в этот раз удалось уговорить свою скромную и неприступную подружку прийти к нему домой, чтобы отметить день рождения. «Будут только папа и мама, не стесняйся!». Едва сели за стол, как стало ясно, что на милостивую провинциалку «положил глаз» непутевый родитель. Он беспрерывно хохмил, хвастал своими политическими и деловыми успехами, все время норовил потрогать девушку. Сын и мать недоумевали, но молчали. Мария, не выдержав назойливых ухаживаний, засобиралась восвояси. Шаумян (а это был именно он) вызвался проводить девушку на своей служебной машине. По дороге чиновник, сменив тактику, долго и мило беседовал с попутчицей о служебных перспективах, возможности иметь квартиру в столице, и, конечно же, о работе на госслужбе.

Вскоре, трудоустроив девушку к себе работать в пресс-службе, руководитель «Росмолодежи» с первого дня стал делать знаки внимания Марии. При этом он не сомневался, что стройная фигуристая провинциалка рано или поздно станет его новой любовницей. Робкие возражения сына и матери совсем не волновали Шаумяна. «Мне даже законная жена давно уже не задает лишних вопросов! Ты куда

свой нос суешь, знай свое место, медсестра!» – он был явно недоволен. Его сотрудница, любовница по жизни и мать Ушастика, в его кабинете стала вновь укорять отца своего ребенка в том, что он собрался у родного сына любимую девушку отбить. «Будешь болтать, выгоню и лишу поддержки!» – Гайк Бюзандович поставил жирную точку в коротком разговоре.

Чтобы поскорее сблизиться с новой пассией, чиновник быстро решил вопрос со служебным жильем для своей новой сотрудницы. Между тем Маша с провинциальной наивностью все еще верила в сказочные превращения в ее московской жизни. «Какие хорошие люди живут в Москве. Теперь у меня и жилье есть, и работа престижная! Но зря мама за меня беспокоится, наговаривает на москвичей. Думает, что меня мой начальник в любовницы готовит. Он отец моего сокурсника, Ушастика. А с ним ведь можно дружить!» – успокаивала себя девушка после очередного телефонного разговора с мамой.

Кроме мамы, у Марии из самых близких родственников оставалась старшая сестра. Но она год назад вышла замуж за своего одноклассника, который после срочной службы в погранвойсках остался служить по контракту. Сразу после свадьбы в родном городе, молодожены уехали на китайскую границу. Мать осталась одна без дочерей, стала больше скучать и думать об отце ее любимой дочери Машеньки. Своего первого мужа она не любила. Когда он внезапно умер, в очередной раз перебрав алкоголя, и она осталась одна с маленькой дочкой, то горевала недолго. А вот мысли о случайной встрече в поезде с незнакомым мужчиной, после которой и родилась Мария, всегда не давали покоя одинокой женщине. Короткая страстная любовь навсегда засела в одиноком сердце женщины.

Когда дочь в очередной раз начинала донимать расспросами о своем отце, матери даже нечего было ответить. Мария с самого начала не особо верила, что у них с сестрой один отец, а когда подросла, стала настойчивее требовать честного рассказа о своем рождении. Но что могла рассказать несчастная мать! О прекрасном незнакомце, о котором можно только мечтать, она знала только что он военный из Москвы, ехал к себе на побывку, на малую родину. Даже имя Федор, каким он ей представился в поезде во время их внезапного страстного порыва, могло оказаться вымышленным. Ни телефона, ни адреса незнакомец не оставил ей. Когда мать начинала рассказывать такую правду, то дочь отказывалась верить ее словам и принимала на смех давнюю любовную историю в ночном пассажирском поезде.

– Ну, ты, мама, даешь! Всю жизнь меня вразумляла блюсти себя, жить по божественным предписаниям, а тут такое прелюбодеяние – от первого встречного взяла да и залетела!

– Господи, прости меня, грешницу! – мать троекратно перекрестилась, обратив свой взор к иконе Божией Матери, расположенной в верхнем углу комнаты.

– Только не обижайся! Мне же очень интересно. Это будет нашей тайной. Извини, мамочка.

– Доченька, милая, скажу как на духу! Сама не знаю, что со мной тогда произошло. Прямо какое-то наваждение, с первого взгляда втюрилась, все тормоза сами собой отключились! После корила, последними словами себя обзывала. Даже аборт хотела сделать, но что-то сдержало меня. Прости, Господи, за такие мысли! До сих пор не могу выбросить из головы ту ночную встречу в поезде. Прости, дочка, виновата я перед тобой! Только пойми меня, как женщину пойми, честно скажу, многое бы отдала сейчас за то, чтобы одним глазом взглянуть на него, треклятого, всю мне жизнь перевернул, негодник! – перекрестившись, женщина закрыла лицо ладонями.

– Мне все больше хочется взглянуть на мужчину, который продолжает столько лет сводить с ума мою родную мать! – Мария, улыбнувшись, покачала головой, когда в последний раз прощалась с матерью на вокзале.

– Машенька, доченька, ты не болтай лишнего! Пускай это наша с тобой женская тайна будет! Береги себя, родная моя! – мать обняла дочку. Еще раз присев на дорожку, помолившись, Мария с матерью вышли из дома. Время подошло, чтобы ехать на вокзал.

Более года прожив в Москве, Мария сама себе удивлялась, как ей удалось избежать многочисленных московских соблазнов, сберечь себя от случайных встреч с мужчинами. «Через год – двадцать лет, а я все еще девственница. Скажи кому, ведь не поверят! – не зная то ли радоваться, то ли расстраиваться, не раз про себя рассуждала девушка. И это при том, что она почти сразу оказалась под опекой взрослого женатого мужчины, большого московского начальника, который сразу не скрывал своих симпатий к красивой, умной и обаятельной провинциалке. Однако как ни старался Шаумян склонить студентку к сожительству, ничего у него не получалось. Во-первых, сама девушка не давала никаких поводов и намеков, всячески избегала знаков внимания своего начальника, а посещать ресторан соглашалась только в сопровождении своего сокурсника, Ушастика. Шаумян раздражался,

не раз грозил уволить непреклонную девушку с работы и даже выгнать из института, если она будет продолжать игнорировать его ухаживания. «Вылетишь отовсюду, в том числе и из моей квартиры, поедешь в свой Захлудонск! Хватит ломать из себя целку!» – пришел в бешенство однажды чиновник, когда в очередной раз не смог обнять и поцеловать строптивую сотрудницу у себя в кабинете.

Несмотря на все перипетии судьбы, Мария продолжала прилежно учиться, ходить на работу, регулярно посещать свой любимый храм Пророка Илии возле Кремля. Появились успехи и на общественном поприще. Преуспев в молодежном движении, она вошла в комиссарское сообщество. Но конечно же провинциальная девчонка по-прежнему продолжала мечтать о своем единственном принце, который рано или поздно найдет свою избранницу и увезет с собой из Москвы в далекие края. Туда, где всегда светит солнце, плещется море и растет экзотическая зелень, подальше от Москвы, раздувшейся от новостроек и пробок, затянутой плотной пеленой смога, города, в котором соседствуют роскошь и нищета, постоянно куда-то спешит и друг друга обманывает разношерстный люд, правят краснобаи, мздоимцы и проходимцы. В отличие от многих своих сверстниц, приехавших покорять столицу, Маша так и не смогла принять этот город, так непохожий на ее родной патриархальный Задонск.

Глава 3

В застенках НКВД

Трагическая судьба деда не переставала волновать внука, генерала спецслужбы. Досконально изучив подшивки газет пред- и военного времени, другие архивные материалы, в том числе документы, хранящиеся в тайниках ФСБ, перечитав еще несколько раз письмо деда, генерал Пашин отчетливо представил последние дни и часы жизни близкого ему человека – его тезки, Федора Павловича Пашина.

Тяжелые металлические двери камеры смертников областной спецтюрьмы НКВД со скрежетом отворились. Из темноты небольшой одиночки в лица небольшой группы военных людей хлынул затхлый спертый воздух, наполненный сыростью и нечистотами человеческого тела. Тусклый свет керосиновой лампы в руках тюремщика выхватил в темноте распластанный на земляном полу силуэт человека. На лежащем мужчине повсеместно лохматились остатки военной формы. Его заросшая с бородой голова была запрокинута назад и слегка повернута набок. Человек не подавал никаких признаков жизни.

– Тащите его в коридор! – приказал чин НКВД со знаками различия на красных петлицах.

Двое рядовых тюремщиков быстро схватили безжизненное тело за худые длинные ноги и руки и вытащили его на свет в тюремный коридор. Члены комиссии, приехавшие из Москвы, подошли вплотную к лежащему на земле человеку.

– Как фамилия заключенного?

– Пашин Федор Павлович, – с явной брезгливостью и заметной картавостью процедил сквозь зубы чин из местного НКВД, который сопровождал московских гостей. Он сделал короткую паузу и тут же бодро продолжил: – 1900 года рождения, уроженец села Ивановки Хохольского района одной из Центрально-Черноземных областей. Бывший председатель колхоза. Полтора года назад был арестован за участие в антисоветской деятельности: саботаж и агитацию против власти. Две недели назад объявил пятую по счету за полгода голодовку. Даже от воды отказывается. Переведен в комнату смертников.

Чтобы скрыть взор своих злых черных глаз исподлобья, жгучий брюнет поглубже надвинул фуражку на лоб. Но она с трудом закры-

ла копну его кучерявых пышных волос. Новенькая форма плотно обтягивала полноватое тело «хозяина», надраенные до блеска сапоги и кожаный ремень слегка поскрипывали. В руках у него была папка с документами.

Царьков Арон Соломонович в столице Черноземья служил в органах НКВД, а до того отличился сначала в годы Гражданской войны, а затем в борьбе с контрреволюцией на юго-востоке Украины и в центральной России. Как он любил хвастать среди сослуживцев: «Громил мятежников в Донбассе, на Тамбовщине, занимался выявлением недобитых белогвардейцев, казаков, попов, разного рода антисоветчиков, их прихвостней, наказывал шаловливых бабенок, регулировал рождаемость...».

В стремлении поскорее вырваться в Москву на повышение Царьков ежемесячно десятками арестовывал людей по малейшему подозрению в нелояльности к советской власти, фабриковал и «шил дела», отдавал под трибунал зачастую ни в чем не повинных людей. Особую страсть он испытывал к молоденьким женщинам, особенно беременным. Будучи самцом по природе, склонным к половым извращениям и садизму, Арон Соломонович погубил не одну женскую душу. Как он сам хвастал в подпитии: «После контактов со мной редко какая русская баба способна любить, рожать, а то и просто дальше жить...»

Однажды Царьков на одной молодой женщине, которую звали Матрена, чуть было не сломал себе шею. А дело было как-то летом. Арон Соломонович обеспечивал проведение очередных сборов партийных и комсомольских активистов. В тот год троцкисты заметно активизировались в своих антисоветских провокациях. В первый день массового мероприятия в местном доме культуры во время перерыва на обед энкавэдэшник заметил невысокую слегка полноватую дамочку, явно на сносях, в темном одеянии, но в красном платке.

Матрена Терентьевна Пашина приехала в областной центр вместе с мужем, председателем небольшого колхоза под громким названием «Знамя труда». Молодая женщина, мать троих детей, была знатной дояркой на селе. И ее как ударницу коммунистического труда райком направил на сборы. Муж был изначально против того, чтобы жена, к тому же на седьмом месяце брюхатая, красовалась на публике. Но в райкоме передовую коммунистическую семью решили всячески продвигать в качестве примера для подражания другим активистам.

Пропустив мужа вперед в зал, где обедали участники сборов, Матрена отправилась в уборную. По дороге в фойе ее и остановил незнакомый человек в военном обличии.

– Ты кто такая? Зачем здесь? Документы предъяви! – Царьков осыпал женщину вопросами. Матрена явно не ожидала такого напора. Она сразу почувствовала угрозу. Злые хитроватые глаза энкавэдэшника напомнили ей того злобного чекиста, который почти двадцать лет назад вместе с полдюжиной красноармейцев прибыл экспроприровать «кулацкое добро» ее семьи на Тамбовщине. Тогда, во времена «красного террора», будучи девятилетней девочкой, она впервые испытала буквально животный страх при виде людей в форме, особенно одного из них в кожанке с большим пистолетом в кобуре.

Первый раз ее семья, которую районные большевики почти сразу после установления советской власти в районе записали в кулаки, так как отец имел свое подворье, мельницу и зернохранилище, немало скота, подверглась революционной экспроприации. Это были годы Гражданской войны. Тогда красноармейцы во главе с бравым чекистом в кожаной куртке ограничились тем, что выгнали все многодетное семейство жить на задворки поместья в заброшенный сарай на краю села. Однако этим дело не закончилось. История с «раскулачиванием» повторилась через 10 лет. Во время очередной волны гонений на русско-славянское население отца Матрены вместе с ее матерью, двумя меньшими, чем она, братьями выслали в Сибирь. Там они вскоре погибли от голода и холода.

Несчастливая девушка, которой было уже почти двадцать лет, спаслась случайно. На сборном пункте вынужденных переселенцев на нее обратил внимание охранник. Федору Пашину, а это был он, сразу запала в душу молоденькая казачка со светло-русой косой. Он и упротил начальство взять себе в жены переселенку. Отстоять других родственников Матрены, спасти их от выселения не удалось. Местный начальник НКВД был непреклонен. После демобилизации молодые уехали по разнарядке в Донбасс, где Пашин работал на шахте, а жена сидела с детьми. Через несколько лет Федор Павлович вернулся к себе в Черноземье, куда его, новоиспеченного коммуниста, прошедшего рабочую школу в Донбассе, направили работать председателем колхоза в родную деревню.

Все было хорошо, но поездка в областной центр на сборы активистов сломала все планы на жизнь семейства Пашиных. Матрена Терентьевна в фойе дома культуры столкнулась с человеком в военной

форме. Крепко схватив молодую беременную женщину за руку, Царьков потащил ее на второй этаж в кабинет руководителя дома культуры. Лысый сухощавый мужчина, приподнявшись со стула, попытался было что-то возразить, но чекист сразу оборвал его:

– Молчать! НКВД! На выход! У меня здесь будет допрос врага народа.

Он сунул в лицо хозяина кабинета свое служебное удостоверение.

– Отпустите меня! Люди добрые, помогите! – вновь закричала несчастная женщина.

Лысый было замедлил шаг.

– Пошел вон! Никого не впускать! Головой отвечаешь! Тут же схватил женщину за горло и стал душить: – Молчи, убью, сучка!

Насильник вынул из кармана свой платок, грязный от засохших зелено-красных ошметок соплей, и затолкнул его женщине в рот. Матрена как могла сопротивлялась. Царапалась и брыкалась ногами.

Царьков выхватил из кобуры револьвер:

– Пристрелю, как собаку! Лежать!

Он с силой бросил жертву на пол.

Председатель колхоза Федор Павлович Пашин стал волноваться за жену почти сразу, как только она скрылась из его глаз в проеме дверей столовой. Он сидел за столом, но кусок хлеба не лез ему в горло. Он стремительно выскочил в фойе дома культуры. Вокруг почти никого не было, спросить некого. По лестнице суетливо спускался сухощавый мужчина. В его глазах был испуг. Пашин бросился к нему:

– Где моя жена, Матренушка? Она же беременна!

В ответ руководитель дома культуры кивком головы указал на дверь своего кабинета. Пашин ринулся вперед, но дверь была заперта на ключ. Мужчина отошел назад и со всей силой выломал дверь. Жена лежала на полу на ковре. Под дулом пистолета ее пытался усмирить и раздеть энкавэдэшник. Пашин ногой выбил у насильника оружие, заломил ему руки назад, оттащил в сторону и начал жестоко избивать. Царьков дико заорал:

– Уйди, посажу, сгною!

Жена бросилась к мужу, чтобы оттащить его. Но Пашин продолжал наносить удар за ударом. В его глазах горели гнев, злоба, бешенство. Энкавэдэшник стал молить о пощаде:

– Прости, отпусти, я не хотел ей причинить зла. Твоя жена оказалась похожей на одну саботажницу. Не бей меня! Мне больно! Ой, по яйцам! Русские лежачих не бьют!

Пашин невольно приостановился. Огляделся по сторонам:

– Не дай бог еще раз обидишь Матренушку!

На крики наверху стал собираться народ. Жена Пашина спешно утащила за собой мужа вниз. Им вслед понеслись плаксивые угрозы чекиста. Не дожидаясь окончания сборов, они уехали в свой колхоз.

Как и следовало ожидать, Арон Соломонович не замедлил воплотить в жизнь свои угрозы. Как оказалось, обидчик не только набил ему морду, намял бока, но и так вдарил по яйцам, что те распухли до неприличных размеров. Знакомый врач после осмотра вынес свой приговор:

– Ни детей не будет, да и бабам уже больше не нужен!

Уже через неделю Пашин был арестован. Ему не помогло обращение в райком партии. На местах НКВД было выше партии. На председателя колхоза состряпали политическое дело по обвинению в антипартийной и антигосударственной деятельности. Попав в застенки НКВД, он оказался в лапах Царькова. Издевательства и избиения продолжались не один месяц. Однажды из уст злодея в энкавэдэшной форме Федор Павлович узнал, что его жена умерла при родах.

– Что с ребенком? – прохрипел избитый арестант.

– И детям твоим не будет пощады, русская свинья! Ты на кого руку поднять посмел, гой вонючий?!

Побои прекратились, когда Царьков почти на полгода уехал в служебную командировку. По ходатайству одного из своих приятелей – редактора местной газеты – арестанта перевели в городскую тюрьму. Находясь в заключении больше года без суда и следствия, Пашин нашел силы, чтобы собраться и написать пространное письмо самому Сталину в Кремль. Его он передал через своего приятеля. А сам, по его совету, в знак протеста, объявил голодовку. Информация о председателе колхоза просочилась в региональную прессу и дошла до Москвы.

Комиссия из Москвы, нагрянувшая в городскую тюрьму, обнаружила его безжизненное тело в камере смертников. Московских визитеров сопровождал новоиспеченный начальник НКВД города Царьков Арон Соломонович.

Почти через 70 лет внук Федора Павловича Пашина, исследовав всю подноготную трагической гибели его родных бабушки и дедушки, настолько был удручен, что долгое время не мог взять себя в руки. Первая мысль, которая пришла в голову генерала, – это намерение «достать из-под земли» кого-нибудь из родных и близких Царькова,

чтобы отомстить им за смерть родных ему людей. Жена Надежда как могла сдерживала и успокаивала мужа. «Упаси, Господи, их Бог накажет! Не рви себе душу, мой родной!». Но муж стоял на своем: «Мне бы только в глаза посмотреть этому Царькову!». Однако желанию Пашина не суждено было сбыться. Арон Соломонович Царьков, Герой Советского Союза, многозвездный генерал в отставке, пенсионер союзного значения, умер совсем недавно, дожив до 95 лет, пережив Советский Союз, который он строил, крепил и защищал.

Единственное, что оставалось генералу – подготовить очередную статью на актуальную историческую тему на основе архивных рукописей, которые, как оказалось, не горят. К тому времени под новым псевдонимом Александр Григорьев вышла уже не одна его публикация в сетевых СМИ и на интернет-ресурсах.

Глава 4

Кремлевское знакомство

Узнав Москву с самой неприглядной стороны, наша знакомая Мария, девушка из провинции, невольно заразилась оппозиционными взглядами, сначала либерально-протестными, а уже затем стала симпатизировать русским националистам. На формирование ее взглядов также повлияли чтение политлитературы и регулярный просмотр новостей в сети Интернет, где «гуляли» самые оппозиционные взгляды. Ее родная мать в разговорах по телефону и при встречах не раз удивлялась: «В кого же ты уродилась? Не политикой надо увлекаться, а мужа себе достойного искать и выбирать». На что дочь последний раз не выдержала и ответила так: «Мам, хватит тебе! Не знаешь, что нет нормальных мужиков? Они все давно выродились с тех пор, как тебе тот самый мужик подкатил, про которого ты ничего не знаешь, но дочь взрослую имеешь».

Будучи активисткой, а впоследствии даже комиссаром прокремлевской пиар-движухи, Мария несколько раз поучаствовала в протестных выступлениях оппозиции. Однажды даже засветилась в СМИ, когда оказалась в толпе футбольных фанатов, устроивших погром приезжим. Фотография с ее физиономией среди других протестантов появилась в «Московском комсомольце». Пришлось объясняться. Но выручил Шаумян, который все еще тешил себя надеждой затащить в постель свою строптивую подчиненную. Он сразу принял огонь на себя: «Мария по моему заданию ходила на молодежную тусовку, мониторила ситуацию и изучала агитационный опыт оппонентов».

Отчаявшись встретить своего принца в Москве, ей очень захотелось, чтобы ее заметили и продвинули вперед по карьерной лестнице. Казалось все шло удачно, но тут неожиданно она прокололась. На очередном летнем форуме на озере Селигер, где по традиции собрались активисты российских молодежных движений прокремлевского толка, Мария неожиданно оказалась в центре внимания. На встрече с высокопоставленным кремлевским чиновником Вениамином Ахметовичем Царьковым новоиспеченный комиссар задала ему сразу несколько вопросов. Тот даже опешил, когда услышал: «Объясните,

почему в правительстве работают агенты влияния? Почему у нас в многонациональной России есть граждане первого и низшего сорта – титульные и нетитульные народы? Почему Москва превратилась в источник всех бед и зол современной России? Как остановить отток молодежи из страны?»

– Как Вас зовут, милое создание? – в улыбке скривил губы Царьков. Девушка представилась.

– Вы задали столько много вопросов, что в оставшееся время мне не ответить. Обещаю, что я специально найду для Вас одной время, чтобы ответить, – чиновник обвел взором молодежную аудиторию.

Молодые люди, расположившиеся на зеленой поляне на берегу красивого озера, в свою очередь с нескрываемым интересом следили за реакцией высокопоставленного чиновника. Московский гость пожегил, невольно почувствовав присутствие островков отчужденности и враждебности в молодежной среде.

– Ой, какая у нас молодежь. Просто активистка, красавица, умница! С такими людьми у России большое будущее! – так закончил свое выступление кремлевский чиновник. Тем не менее, известный интеллектурал не только испытал большую симпатию к красивой и умной девушке. Некая внутренняя неприязнь к своему идеологическому противнику сразу затаилась в глубине души скрытого русофоба.

Вскоре Мария поняла, что совершила непоправимую ошибку. Через неделю ее пригласили в Кремль к самому Царькову. В высокий кабинет девушку сопровождал ее шеф из молодежного ведомства. Все происходило так быстро, что провинциалка не смогла толком оглядеться, как оказалась в просторной приемной на тот период времени главного кукловода России. Хозяин кабинета сам вышел навстречу гостям.

– Здравствуйте! – он небрежно выбросил вперед руку Шаумяну, начальнику молодежного ведомства. Тот, обхватив ее руками, склонил голову и замер в позе глубокого почтения. Тогда Царьков выхватил руку, бросил пренебрежительную улыбку и повернулся к девушке. Взял в свои руки небольшую девичью ладонь, осторожно потянул незнакомку к себе и вкрадчиво заглянул в ее большие слегка подкрашенные глаза, полные небесной синевы.

– Вениамин Царьков! – чиновник ударение сделал на последнем слоге. Эту привычку он сохранил еще с далекого детства, когда прие-

хал с Кавказа в РСФСР, со школы, где одноклассники, видимо, за яркую южную внешность его прозвали «чуркой».

– Мария, – еще больше смутившись, едва пролепетала девушка.

– Откуда родом?

– Из Задонска, там моя малая родина, – живо ответила очаровательная гостья.

– Чтобы я так жил! Получается, что мы земляки! – соврал хозяин кабинета.

Его мать была с Тамбовщины, а отец с Кавказа, где мальчик и прожил все детские годы, пока маму-учительницу не бросил отец, и они не вернулись обратно в Россию.

– Где же Вы жили, Вениамин Ахметович?

– Девочка, об этом потом, сначала дело, – чиновник, уйдя от прямого вопроса, окинул девушку сверху вниз и покачал головой. – Вах, вах, умница, красавица, патриотка!

Машенька в этот день была особенно хороша собой. В отличие от современных модниц она не была худой, но и не полной. Красивая юбка бордового цвета до колен, в тон кофточка плотно облегли ее статную женскую фигуру. Такого же цвета туфли на высоком каблучке делали Машу еще выше ростом. За время пребывания в Москве изменилась только прическа. Девушка не раз жалела, что полгода назад отрезала длинную косу. Сегодня короткая стрижка естественных русых волос с подобием косичек по бокам на голове выдавали в ней почти тательницу как спортивного, так и делового стилей. Девушки такого склада на Руси всегда притягивали к себе нормальных здоровых мужчин. Высокая девичья грудь, рельефно выступавшая вперед, тонкая талия и красивые стройные ноги не могли оставить равнодушным ни одного мужчину. Худосочная крашенная секретарша лет тридцати исподлобья бросила на очаровательную посетительницу ревнивый взор своих серо-зеленых глаз.

В московских общественно-политических кругах кремлевский царедворец слыл большим знатоком и ценителем женских прелестей. Однако его сексуальные пристрастия были более разнообразными. К тому времени в кремлевские властные коридоры проникло немало любителей острых однополюх ощущений и других порочных связей. Но могущественный чиновник и политик не брезговал и красивыми девушками и женщинами. Мария ему понравилась сразу, даже мелькнула мысль незамедлительно уединиться с ней, что происходило с чиновником крайне редко, тем более в его кремлевских рабочих апартаментах.

– Свободен! – сквозь зубы проронил Царьков мужчине в затемненных очках, который привел к нему миловидную посетительницу.

Гайк Шаумян покорно заковылял к выходу. Когда он волновался, а встречи с высоким начальством всегда напрягали его, болезненные гримасы на лице и хаотические движения рук и ног выдавали в нем психически больного человека.

Оставшись наедине в кабинете с девушкой, Вениамин Ахметович усадил ее в кресло и стал предлагать гостье на выбор восточные сладости с душистым зеленым чаем, фрукты, конфеты. Он сам выкладывал на маленький столик все угощения.

– Может, бокал вина?

– Нет, нет, ну что Вы, Вениамин Ахметович, я не пью.

– Это правильно. А меня можно называть просто Вениамин, нам ведь предстоит близкое знакомство, – вкрадчиво говорил хозяин властного кабинета. Похотливая улыбка вновь заскользила по его лицу.

На девичьем лице от удивления приподнялись брови.

– Не надо удивляться, милочка! Ваши острые вопросы на той памятной встрече на Селигере попали мне в самое сердце. Мне так хочется ответить на все твои вопросы, – чиновник неожиданно перешел на «ты». Немного театрализованно опустившись на одну ногу, упершись рукой на левое колено, он впился пронизательным взглядом в лицо своей юной гостьи. – Бывает же такая красота, ну просто неописуемая! В тебя нельзя не влюбиться, девочка!

– Что Вы? Не надо таких слов! – девушка еще больше засмушалась, спрятала глаза, стала поправлять платье, отодвинула в сторону плотно прижатые друг к другу колени. – Мне пора идти!

– Здесь я определяю, кому, что и когда надо делать! – Царьков в минуту весь преобразился. От навязчивых ухаживаний не осталось и следа. Он стал предельно строг. – Ты знаешь, кто я?

– Да. Вы...

– Нет, ты не знаешь, – кремлевский начальник резко перебил смущенную собеседницу. – Я могу тебя осчастливить, а могу раздавить. Могу ответить на твои вопросы, а могу отправить к следователю отвечать за твои провокационные публичные вопросы. Есть такая статья – 282-я. Слышала? За разжигание национальной розни – тебе грозит срок!

– Не понимаю о чем это Вы? Я ни в чем не виновата! Отпустите меня! Мне надо идти на работу.

– Успокойся! С этого дня ты будешь работать у меня в приемной, в том числе будешь поддерживать у меня хорошее настроение. В моей

работе – это особенно важно. Заодно мозги тебе вправлю, чтобы как надо могла разбираться в политике.

– Нет! Я не хочу! Что Вы себе позволяете? Вы не имеете права! – Мария бросилась к двери.

Царьков в один шаг перехватил, схватив девушку за волосы:

– Стоять, Зорька! Будешь сопротивляться, будет хуже! Поняла?

– Нет, никогда! – повторяла Мария.

Не обращая внимания на ее причитания, чиновник открыл вторую заднюю дверь в кабинете, которая вела в отдельное полузатемненное помещение, и с силой втолкнул туда гостью. Зашел сам и плотно закрыл за собой дверь. Девушка попятилась к стене, у нее по щекам текли слезы.

– Не подходи, буду плакать и кричать! – Маша сняла с себя туфли с каблуками и взяла их в руки.

– Москва слезам не верит! – бросил Царьков, хотя и остановился. Быстро подавил в себе нахлынувшее похотливое желание. На его лице появилось подобие благожелательной улыбки. – Молодец! Так держать! Вот такие активисты движения, настоящие комиссары нам и нужны. Сработаемся! – хозяин кабинета сделал серьезный вид и нажал кнопку. В комнате открылась другая дверь, что вела наружу из затемненной комнаты. Появился плотный мужчина средних лет южной наружности. – Джигит, доставь девушку по назначению в мои апартаменты. Машенька теперь будет работать секретарем в моей общественной городской приемной. Ей предстоит серьезная работа, – Вениамин Ахметович криво усмехнулся.

– Будет исполнено, хозяин.

– Я никуда не поеду. Выпустите меня отсюда! – закричала Мария.

В эту минуту неожиданно в кабинете зазвонил телефон.

– До свидания, Мария! – Царьков плотно закрыл за собой дверь.

– Не надо кричать, мне приказано отвезти тебя домой. Успокойся, попей воды, – джигит протянул стакан.

Девушка выпила. Мужчина открыл дверь и показал девушке на выход. Они почти сразу оказались возле открытых дверей лифта. Едва спустились на первый этаж, как Мария потеряла сознание. Как оказалось, южанин ей дал быстродействующее усыпляющее средство. Узкий двухметровый проход от лифта вел прямо на улицу. Возле подъезда уже стояла машина «скорой помощи» с открытыми настежь задними дверями.

Тем временем Царьков уже вел беседу со своим новым шефом по закрытой правительственной связи:

– Мой президент, я весь внимание!

«Хозяин» Кремля сначала пожаловался на усталость, что не выспался и с трудом успевает на многочисленные протокольные встречи.

– Тут без Тимы не обошлось! Она способна любого мужика утомить! – захихикал кремлевский чиновник.

Ему было хорошо известно, что с недавних пор главной фавориткой нового молодого президента стала руководительница его пресс-службы. Красивая, стройная и обаятельная Тима, как за глаза называли ее в кремлевских коридорах власти, уже через пару месяцев после инаугурации президента стала его постоянным посетителем. В комнате отдыха они не только обсуждали вопросы президентского имиджа, но и занимались любовью. Дело зашло так далеко, что Тима нередко уединялась с ним в его загородной резиденции. Парочку нередко замечали вместе, когда они уезжали или приезжали в Кремль на одной машине. Слушок о том, что Тима метит в первые леди государства прошелся по кремлевским коридорам, и даже дошел до супруги главы государства. Женщина чаще стала ходить в церковь и просить у Бога семейного благополучия.

– Будь осторожен! Как бы пресса хай не подняла!

В ответ президент дал понять, что за лояльность прессы в стране отвечает Царьков.

– Не все в моих силах, мой президент! Тем не менее сделаю все что можно и нельзя!

Затем речь зашла о деле, в частности, последствиях экономического кризиса 2008 года. Белый дом во главе с экс-президентом выступал за ужесточение финансово-экономической политики, требовал включить печатный станок и понизить ставку рефинансирования, чтобы стимулировать развитие реального сектора экономики и, прежде всего, сельского хозяйства и промышленности, а также повысить потребительский спрос и покупательную способность населения.

– Это теперь уже не его вопрос, так и ответь! Центробанк знает, что делает. Он что, хочет, чтобы Запад санкции ввел, рубль обвалил, доступ к кредитам закрыл, от платежных средств отключил?..

Собеседник продолжал плакаться, как он устал от давления Белого дома и его хозяина, бывшего президента России, не называя его имени по телефону.

– Теперь ты президент, а он премьер. Он начальник, я дурак, ты начальник, тот дурак. А вообще-то такие темы надо перетирать не по телефону. При встрече обсудим... – спохватился Вениамин Ахметович. Он не мог не знать, что даже кремлевские каналы связи могут прослушиваться силовиками, лояльными Белому дому.

Глава 5

Рио-де-Жанейро Старого Света

Жителей Швейцарии мало волновали тревожные мировые события. Вихри социальных потрясений, революций и конфликтов в мире во все времена обходили стороной территорию небольшого европейского государства. Спальный район Евразии и хранитель мировых денег одновременно оставался в стороне от потрясений даже в лихолетья Первой и Второй мировых войн. Самый беспощадный правитель XX века Гитлер Адольф Алоисович не посмел посягнуть на золотовалютные запасы властителей мировых судеб, хотя главные швейцарские банки находились на расстоянии однодневного броска германских танковых армий.

Рио-де-Жанейро Старого Света, как называют приозерный город Швейцарии, жил своей привычной размеренной и спокойной жизнью. Теплая осень неспешно вступала в свои права, привнося новые краски природы, радующие глаз. В столице италоязычного кантона всегда радовались благополучию своей безмятежной и сытой жизни. За такой жизненный комфорт они были обязаны нескольким богатейшим семействам из числа тех, кого принято называть «сильными мира сего». Их предки облюбовали уютное благодатное местечко в Альпах для своей комфортной жизни.

В нынешний информационный век, эпоху Интернета мировая аристократия уже особенно и не старалась прятаться за кулисами большой политики, избегать публичных мероприятий и назойливых журналистов с их фото- и видеокамерами. Карта мира стремительно преображалась. Мировые СМИ особо не скрывали, что уже не остановить процессы смешения рас и народов, стирания межгосударственных границ, построения нового мирового порядка. Информация ненавязчиво приучала население Земли к неизбежности пришествия новых технологических времен, тотальной роботизации и сокращения «лишнего» народонаселения, перехода территорий и народов под контроль ТНК и структур глобального управления, установления электронного контроля над умами и поведением граждан планеты. В прессе все чаще появлялись новости о жизни и планах «богоизбранных» мировых кланов. Одним из них вот уже не одно столетие оставалось семейство Рокшилбрайт. Их представителей

тоже всегда можно было встретить в благодатных местах швейцарских Альп.

Несмотря на прекрасное солнечное утро, ядреный свежий воздух и благоухание цветов, баронесса Мадлен Рокшилбрайт была не в духе. Бросив последний взгляд на бирюзовую гладь горного озера, покинула террасу и вошла внутрь своего великолепного особняка. В огромной гостиной, в которой пол был выложен плиткой с метеоритным камнем и настоящими костями тираннозавра, жившего 65 миллионов лет назад, баронессу ожидал слуга. Вытянувшись в струнку, мужчина негроидного вида поворотом головы сопровождал неторопливое степенное движение своей немолодой хозяйки.

– Что ты мне опять принес, идиот?

– Извините, мэм, но эта подборка свежих публикаций. Вы просили еженедельно готовить сводку информации по материалам английской, немецкой, испанской, китайской, русской, иранской прессы.

– Пошел прочь!

Властная хозяйка просторного овального кабинета, уставленного богатой английской мебелью, за плотно зашторенными окнами осталась наедине с собой. Мысли о том, что все больше информации о планах «сильных мира сего» по переустройству мира начинали появляться в СМИ и сети Интернет давно уже сильно беспокоили баронессу. «Что, больше не о чем писать, скоты?! Раньше только евреи лезли туда, куда не надо нос совать, а теперь на эти темы все кто ни попадя пишут. Ох уж этот Интернет, зачем придумали?» – мысленно негодовала полноватая дама лет шестидесяти. Своими пухлыми пальцами, увешанными кольцами с бриллиантами, она вновь и вновь перелистывала небольшие листочки дайджеста оперативной информации за истекшие сутки.

Хозяйка овального кабинета вновь взяла в руки планшет, легким прикосновением пальцев в две манипуляции открыла последнюю закладку в сети Интернет. Автором аналитической статьи был некто Александр Григорьев. Это была не первая его публикация. Григорьев уже не раз писал подробно о планах международных структур влияния и, что небезынтересно, сообщал некоторые пикантные подробности о баронессе Рокшилбрайт, ее влиянии на российскую политику. «Он что, в щелку моей спальни или кабинета заглядывал или подслушивал меня? Откуда такие детали? Откуда этот, так называемый независимый эксперт, может все это знать? Наверняка это лишь псевдоним, скорее всего, под именем Александра Григорьева скрывается

матерый журналист-международник, связанный с ФСБ или СВР, или он сотрудник одной из этих спецслужб. Я их чую нутром, – баронесса, слегка игриво нахмурившись, повела бровями. – Дам команду, найдут тебя, Григорьев, в лучшем случае уберут, в худшем я сама посмотрю тебе в глаза и подвешу за яйца», – вершительница человеческих судеб злорадно ухмыльнулась.

Серьезно расстроенная серией разоблачительных публикаций в Интернете, баронесса не стала откладывать разговор на эту тему с представителями России на следующем саммите группы стратегического планирования, который должен был состояться в июне следующего года в Швейцарии. И уже в конце октября встретила со своим давним знакомым Вениамином Царьковым, который вот уже несколько лет оставался главным ее человеком в России. Их встреча состоялась в теплый осенний день на берегу озера в тиши городского парка. Завораживающий вид на бирюзовую гладь горного озера, окружающая субтропическая экзотическая растительность: косматые пальмы, душистые розы, азалии, магнолии и камелии, не располагали к серьезному разговору. Однако женщина в легком светлом платье, через которые легко просматривались ее полные формы, была настроена решительно.

– Веня, что у тебя за вид такой затрапезный, когда ты наконец научишься одеваться как надо? И за что я тебя люблю, мальчишка?!

Жгучий брюнет неопределенного возраста с пышной прической, слегка небритый, одетый в джинсы и джинсовую рубашку, старался вести себя вежливо и корректно.

– Во-первых, чтобы не привлекать внимания, мэм! А во-вторых, хотел бы Вам понравиться! Надеюсь, сегодня не только о делах пойдет речь, но и, как обычно, будет возможность пообщаться в более интимной обстановке?!» – московский гость игриво плечами и изобразил подобие полного истомы мужского взгляда.

– Веня, зря надеешься, ты для меня уже стар! – поправив свою пышную прическу, кокетливо заметила шестидесятилетняя дама.

– Мэм, я умоляю тебя, не лишай незабываемых впечатлений!

– Веня, об этом забудь! О твоих грязных похождениях в Москве мне все известно. Я не терплю мужских измен! – мэм погрозила собеседнику пухлым указательным пальцем и продолжила: – А вот свою новую комнату утех я покажу тебе, противный! Я там своих мальчиков дрессирую – к потолку за ноги подвешиваю и прорезиненными цепями гоняю.

Царьков внутренне поежился и про себя подумал: «А ведь может и за яйца подвесить! Хорошо хоть от меня теперь, может, отстанет бабуля».

Баронесса продолжала развивать свою мысль:

– Они вертятся, мычат, кричат! Представление что надо, какое удовольствие, как мужики мучаются! – искренне сказала садистка. – Просто «ашура», как говорил мой последний покойный муж! Знаешь что такое?

– Согласно Корану, на этот день приходится сотворение Небес, Земли, ангелов, первого человека. Ашура – день поминовения пророков от посланников Аллаха. В этот день мусульмане истязают себя цепями! – залпом выпалил собеседник.

– Все-таки везет мне на мусульман. Ты же Ахметович по отцу, – заметила вдова.

– У нас, мэм, как вы знаете, главная линия материнская! – собеседник изобразил подобие лечебной улыбки, подняв вверх уголки губ.

– Не надо об этом! К делу! Что там у нас происходит в России, как там себя чувствует экс-президент?

– Пашет, как раб на галерах, с утра до ночи, – Царьков начал свой доклад с ответа на последнюю часть вопроса.

– У него просто нет другого выхода. Потеряет должность, его ждет международный трибунал в Гааге, – вынесла свой приговор баронесса.

– Поэтому и повышает свой рейтинг, а заодно и доверие к новому хозяину Кремля.

– Хорошо было придумано. Без привязки к самбисту нынешний правитель России абсолютный ноль! – многозначительно заметила Рокшилбрайт.

– Дзюдоист, – уточнил московский визитер.

– Какая разница! К предстоящим президентским выборам, через год, его не должно быть в Белом доме и во власти, вообще! Либо пусть уходит по добру по-здорову, на все четыре стороны, либо...! И тебе, Веня, надо решить эту задачу, и как можно скорее. Грядут тяжелые времена! Согласно предначертаниям Апокалипсиса близится «битва конца».

– Буду стараться!

– Плохо стараешься! Если так дальше пойдет, боюсь, не видать тебе тихой беспечной старости на Лазурном берегу. В нашем деле, как это у вас в России говорят, либо пан, либо пропал!

– Усвоил, моя госпожа! – москвич приготовился внимательно слушать баронессу.

– Плохо усвоил. Почему за СМИ утерян контроль? На всех каналах засилье патриотов, почти всех либералов с эфира вытеснили! С утра до ночи планы мирового правительства критикуют, заодно Бильдерберг¹! Какой-то Григорьев нашелся! Дожила, мое имя замелькало в Интернете. Что происходит, Веня? Кто за Россию отвечает, ты или я?

Царьков, потупив взор, молчал.

– Тебе что, мало полномочий? Чую, это дело рук спецслужб, стали опять голову поднимать! Надо им дать понять, кто в доме хозяин.

– Дадим!

– С этим шутить нельзя, СМИ под контроль!

– Не все так плохо, баронесса. Пар выпускаем, пусть поговорят, пока у дзюдоиста рейтинг высокий.

– Я сказала, не шути!

Баронесса на какое-то мгновение задумалась. Ей почему-то сейчас вспомнилось, что в медиаимперии ее покойного мужа работал один талантливый информационщик, менеджер и журналист в одном лице. «Как же его имя? – дама в возрасте сморщила лоб. – Точно, Пашидас, не то грек, не то турок по происхождению, а может еще кто! – вспомнила вдова. Взгляд ее усталых глаз устремился в одну точку. – Но его же устранили года три назад, – хмыкнула баронесса. – Помнится, через него как раз и утекала закрытая информация в Сеть, а мой бывший прикрывал его. Как я могла ошибаться в них?» – Рокшилбрайт недовольно качнула головой при мысли об иранце, отце своего последнего ребенка, который по ее указанию так же был ликвидирован. «Жаль, мой малыш без отца растет!» И тут она неожиданно встрепенулась. «Стоп! Пашидас! Как здорово писал: лаконичный язык, телеграфный стиль, простой, но глубокий контент, стройность тезисов и аргументов. Но ведь такой журналистский почерк, как, сравнив тексты, мне пояснили эксперты, присущ Григорьеву. Что это, совпадение?» – властелина людских судеб в поиске подтверждения своей неожиданной догадки вновь принялась листать дайджест публикаций.

Подняв глаза на своего гостя, замершего в ожидании продолжения трудного разговора, Рокшилбрайт поставила точку:

¹ Бильдербергская группа стратегического планирования мировых событий – неофициальная ежегодная конференция, состоящая примерно из 130 участников, большая часть которых являются влиятельными людьми в области политики, бизнеса и банковского дела, а также главами ведущих западных СМИ.

– Итак, в сухом остатке, Григорьева мне найди и доставь, ему подобным закрой рот, главных редакторов выстрой, чтобы лишняя запятая не проскочила...

– Сделаю, моя госпожа!

– Работаю с окружением бывшего президента-дзюдоиста, готовимся к выборам и протестам, продвигаю своих людей в силовые структуры, тормозим олигархов, душим русских патриотов. Вот где они у меня! – Царьков сжал руку в кулак и потряс им перед собой.

– Это правильно. Не забывай про миграцию – это наше главное оружие. Демографическая перезагрузка России должна идти по расписанию. Каждый год рост мигрантов должен быть не менее, чем на миллион. Надо сварить азиатско-славянский микс – опора нашей власти. Кавказцев сдерживай! Помнишь, как в свое время Джугашвили, опершись на горцев, отвязался, попытался выйти из-под контроля. Начнут зарываться, русских нацистов на них натрави.

– Разделяй и властвуй! Легко! Здесь проблем не будет, русско-славянское население просто уже закипает ненавистью к Кавказу.

– Но русского бунта бойся!

– Согласен. Это страшно.

– И последнее. Как там новый правитель?

– Народ его кличет Айфончиком.

– Метко!

– Он всего боится: и дзюдоиста, и силовиков, даже собственной жены. Одна сейчас у него радость – роман со своей пресс-секретаршей. Не прочь даже жениться!

– Вам, мужикам, нельзя государственных дел доверять. Бегаете от одной сучки к другой. Поставь его на место. Еще публичного скандала не хватало! Власть в России потерять нельзя! Иначе...

– Понял!

Дама встала со своего места:

– Разговор окончен. Я устала. Прощай и будь осторожен.

– Стараюсь. У нас есть свои люди во всех силовых структурах.

– Имей ввиду, мои люди выявили не менее трех кадров, которые тебя здесь пасут. Боишься ФСБ?

– Нет. Я здесь по государственной необходимости, приехал прорабатывать вопросы участия российской делегации в очередном международном форуме в Давосе.

– Отличная легенда! Желаю не болеть!

Вечером, вернувшись к себе в отель, Мадлен Рокшилбрайт вызвала к себе помощника и попросила принести подборку новых российских публикаций и в Интернете по интересующей ее тематике. Мысль о том, что Фаридани Пашидас мог остаться в живых и оказаться в России не покидала баронессу.

Глава 6

Секретарша поневоле

Старшекурсница Маша впервые не смогла поехать в отпуск к себе на родину. Короткая беседа с влиятельным кремлевским чиновником обернулась для девушки тем, что она почти два месяца по существу пробыла в заточении. Незнакомые люди, усыпив посетительницу высокого кабинета в Кремле, отвезли ее по неизвестному адресу. До самых последних дней своего пребывания в многокомнатной квартире пленница не могла даже представить, что весь кошмар с ней происходил в самом центре Москвы, в трехстах метрах от московского Кремля.

Бедная девушка трое суток провела в каком-то кошмарном сне. Когда проснулась, обнаружила, что лежит голой на двуспальной кровати в просторной комнате, обставленной дорогой стильной мебелью. На стене висела большая картина с изображением немолодого мужчины в генеральской форме. Мария почти сразу ощутила и поняла, что с ней произошло самое страшное – ее изнасиловали. Сперло дыхание. Кровь хлынула к голове, слезы полились сами собой. Она невольно свела ноги, согнулась, обхватив себя руками. Попыталась привстать, но тело плохо слушалось. Заметив на левой руке следы от уколов, она стала судорожно тереть эти места. Безуспешно поискав глазами одежду, опустила ноги на пол. Добралась до двери, но та оказалась закрытой. Стала громко стучаться.

Минут через десять дверь открылась. На пороге стояла полная женщина восточной внешности. На вид ей было не больше сорока лет. Она положила на пол перед пленницей прозрачный целлофановый пакет с одеждой. На русском языке с заметным акцентом попросила привести себя в порядок и ожидать своего господина.

– Какого господина? Где я? Выпустите меня! Я буду кричать! Я домой хочу! – беспомощно молила девушка.

– Машка, будешь кричать, получишь еще один укол.

– Нет, нет, пожалуйста, нет! – девушка присела на корточки, обхватив локти своих рук.

– Тебе сейчас принесут еду! – сказала женщина.

В дверях дважды повернулся ключ. Есть не хотелось. Мария никак не могла прийти в себя. Зайдя в душевую комнату, она в отра-

жении большого эллипсоидного зеркала обнаружила на своем теле множество красно-синих ссадин и синяков. Включила кран. Довольно горячая вода сильным напором стала заполнять большую овальную ванну с яркой подсветкой по краям. Неожиданно в голову пришла страшная мысль покончить с собой: «Не могу и не буду дальше жить! Что скажут родные? Мама, милая, мне плохо!» Мария тщетно пыталась обнаружить острый предмет в роскошной ванной комнате, аккуратно выложенной плиткой бирюзового цвета.

Она встала под душ. Вода зашумела. Женское красивое тело стали огибать сначала теплые, а потом прохладные бегущие струйки. Только сейчас в ее сознание стали пробиваться отрывки кошмарных видений последних суток. «Голый мужчина с заметным животиком подошел к кровати и скинул на пол одеяло. Девушка приоткрыла глаза. В мужчине узнавался кремлевский начальник. Ничего не понимая, она инстинктивно свернулась в клубок. Похотливая улыбка не сходила с лица насильника. Он что-то говорил, но девушка не понимала. Насильник пристегнул запястья рук пленницы к кружевам кровати металлической грядущи у самого изголовья. Затем он засунул в рот своей жертвы марлевый кляп. Взял в руки какой-то хлыст и стал сильно хлестать голый клубок прекрасного женского тела. Девушка то приходила в себя, переворачиваясь на кровати с боку на бок, то вновь проваливалась в беспамятство, издавая короткие и протяжные стоны.

Видимо устав махать плеткой, он взял металлический прут и резко ударил жертву по ногам. Она взвизгнула и брыкнулась. Насильник рывком вывернул одну ногу девушки так, чтобы она полуобернулась к нему округлым задом. Округлые формы манили его. Изувер принялся наотмашь бить ладонью правой руки по розовым женским половинкам. Затем он обхватил обеими руками большие упругие груди, рванув их на себя, оставил следы насилия. Хлыстом расцарапал до крови спину. Взял жертву за волосы, подтянул к себе и попытался силой разжать рот. Но ему не удалось. Испытав удовольствие от причинения боли жертве, он, пристроившись сзади, вошел в округлый зад девушки. Жертва опять вскрикнула, приоткрыв глаза, сколько могла, обернулась назад, попыталась высвободиться из своих оков, но извращенец несколько раз сильно ударил ее по лицу. Девушка замолкла».

Вода продолжала литься на голову и тело невольницы. Она не чувствовала холодной воды, мылась и не могла отмыться от грязи всего

содеянного с ней. Насухо вытершись, легла в кровать, с головой укуталась в одеяло. Тело дрожало, зубы стучали, горькие слезы ручьями текли по щекам.

Господин пришел через несколько дней. Постучался и приоткрыл дверь. Маша сидела у стены на мягком кресле. На ней были одеты юбка, кофточка, на ногах были тапочки. Челка волос слегка прикрывала красные от слез глаза. Со стороны бросалось в глаза, как девушка заметно похудела. Господин был один. Это был Царьков Вениамин Ахметович. Он вкрадчиво и вежливо, как при первой встрече в Кремле, поздоровался.

– Маша, Машенька, милая, я должен тебе сказать, что я очень соскучился. Я тебя полюбил с первого взгляда. Я хочу, чтобы ты навсегда осталась моей! – мужчина выпалил наспех придуманную речь.

Даже не пошевелившись, Мария продолжала молчать.

– Я поздравляю тебя, ты зачислена на постоянную работу. Теперь ты будешь моей секретаршей, главой общественной приемной. Твоя зарплата, не считая моих подарков, 5 тысяч баксов в месяц. Ты согласна, моя крошка?

Мария не пошевелилась. Мужчина попытался приобнять девушку, но она, вскочив с кресла, отлетела в угол комнаты. Перекрестившись, присела на корточки, обхватила руками плечи, склонила голову.

– Не дури, детка! У тебя нет выбора! Либо ты будешь моей, либо тебя ждет участь обыкновенной наложницы, проститутки, в одном из зачуханных притонов на Кавказе.

– Я лучше умру, но никогда не буду твоей, негодяй, сволочь, ненавижу! – закричала девушка, бросившись с кулаками на своего насильника. Царьков перехватил девичьи руки и с силой бросил жертву на кровать. Сорвал с ней одежду. Выхватил из-под кровати заранее приготовленный хлыст и вновь стал жестоко избивать свою пленницу. Очередной приступ садизма закончился также быстро, как и в прошлый раз. Царьков грубо, в самых извращенных формах вновь надругался над беззащитной девушкой.

– Я так люблю твою дивную попку. Ну, просто прелесть! Она каждый день меня зовет! А сейчас, когда ты похудела и стала похожа на подростка, твоя попа просто сводит меня с ума.

Издательства, насилие и надругательства над беззащитной девушкой продолжалось больше двух месяцев. Господин приходил к своей жертве не реже трех раз в неделю. Накануне девушку насильно кормили и вкалывали наркотики. Восточная женщина оставалась не-

многословна и предельно жестока. К очередному приходу господина она заставляла пленницу приводить себя в порядок. А еще требовала смириться с судьбой. Однажды принесла пленнице Коран, заставляла его читать и молиться Аллаху.

Однако Мария продолжала верить и молиться Богу. Несчастливая девушка целовала маленький крестик, чудом сохранившийся у нее, просила о помощи и спасении. Оставаясь несломленной, она мечтала о встрече с матерью и родными, все чаще задумывалась о побеге. Понимая сложность и безвыходность своего положения, Мария решила схитрить. Когда в последний раз насильник зашел к ней в комнату не один как всегда, а с тремя голыми волосатыми мужчинами в масках и с железными цепями и битами в руках, девушка изготавилась к диалогу. Сам насильник в руках держал видеокамеру.

– Ну что, девочка, вот и кончилась любовь, завяли помидоры! Сегодня тебя будут «любить» вот эти славные джигиты, а я запишу все на камеру и выложу в Интернет. Пусть смотрят твоя мама и сестра, земляки. Ну а потом, ну что потом?! Думаю, тебя в этом мире никто уже больше не найдет. Вот так, славная девочка Маша, попка моя ненаглядная!

Мария явно не ожидала такого крутого поворота событий. Тем не менее быстро сориентировавшись, она попросила остаться наедине и выключить камеру.

– Вениамин Ахметович, помилуйте, ради бога, не губите меня! Я согласно на все Ваши условия. Ради бога, помилуйте! – Мария перекрестилась. Про себя прошептала: «Прости меня, Господи, прости меня грешную! Дай силы, помоги и спаси!»

– Испугалась?

– Да, мне страшно. Не губите, – в глазах невольницы заблестели и через секунду слезы полились по щекам. Будучи в отчаянии, бедная девушка рыдала.

– Понятно, живи! Только мне ты больше не нужна! Будешь здесь работать моей секретаршей, а заодно улаживать моих гостей.

– Нет, не надо! Мне никто не нужен, кроме Вас!

– Замолчи! Решено, будешь сопротивляться, знаешь, что будет! От моих гостей мне нужна будет эксклюзивная информация: политика, финансы, партнеры. Тебя обо всем проинструктируют. Все понятно?

Пленница, опустив голову, закрыла лицо руками.

– Впрочем, если у меня на тебя поднимется, загляну. Чао, попка моя!

Так началась новая жизнь в Москве у провинциалки из российской глубинки. Теперь она могла звонить матери и общаться с ней. Оказалось, что кто-то информировал ее о том, что дочка уехала в заграникомандировку и какое-то время не может звонить. Приходилось отмахиваться или врать родной матери.

Через две недели, впервые после двухмесячного заточения, Мария смогла выйти за пределы так называемой общественной приемной. По городу ее демонстративно на расстоянии пятидесяти метров сопровождала восточная женщина. Первым делом студентка направилась в институт. Опоздав к началу нового учебного года более чем на два месяца, она была уверена, что ее уже отчислили. Однако в деканате прогульщицу сразу направили к декану. Седовласый мужчина с улыбкой на лице пригласил девушку к себе в кабинет. Жестом пригласил присесть на стул. Сам сел напротив. Беседу вел подчеркнуто вежливо и корректно.

– К ректору было письменное и устное обращение от вашего руководства, – начал мужчина.

Мария немного оторопела. Невольно отвела взгляд в сторону. Декан развил свою мысль:

– Мы знаем, что вы выполняли важные государственные задачи. Только прошу Вас в следующий раз сообщать нам о своих планах и согласовывать. А так, мы рады, что наши студенты привлекаются к выполнению особых общественных заданий. Надеюсь, вы еще поделитесь с нами и сокурсниками своим опытом.

Студентка молчала, не зная, как реагировать на сказанное. Мысли лихорадочно крутились в голове: «Царьков, это он! У них все схвачено! Секретарша поневоле – вот теперь моя женская доля!» Волю слезам она дала только тогда, когда вышла за стены института. А уже вечером она должна была встречать очередного гостя общественной приемной. В тот день им был заместитель мэра одного из крупных городов России. Вечер с очаровательной Марией входил в программу посещения столицы.

Глава 7

Футбольный бунт

Убийство в Москве болельщика футбольного клуба «Спартак» Егора Свиридова всколыхнуло не только Москву, но и многие другие города России. Осенне-зимние массовые волнения вновь напомнили властям, что в стране, кроме других многих народов и национальностей, проживают еще и русские славяне. В годы правления Айфончика, как в народе окрестили тогдашнего молодого президента России, беспредел со стороны выходцев с Кавказа захлестнул не только столицу. Несмотря на то что власти прилагали немало сил, чтобы скрыть от общественности факты кавказского шовинизма и бандитизма, не только сводки криминальной хроники были переполнены информационными сообщениями о «геройствах» гордых горцев, но и на экраны федеральных каналов стала выплескиваться подобная информация.

Дополнительное нескрываемое раздражение москвичей вызывало еще и поведение властей и милиции, которые явно попустительствовали криминальным бесчинствам выходцев с Кавказа и Средней Азии. В Москве новость о том, что из пяти задержанных по делу убийства фаната «Спартака» четыре участника драки были отпущены, а затем и вовсе покинули Москву, почти сразу привело к массовым протестам. Масло в огонь подлило сообщение о том, что один из ментов, мусульманин по происхождению, нагло отказал девушке погибшего Егора Свиридова в возбуждении и расследовании уголовного дела в отношении убийц. «Убирайся, а то будет еще хуже!» – эти слова милиционера быстро стали достоянием общественности. Уже на следующий день болельщики в количестве 1000 человек прошли маршем по Ленинградскому проспекту, фактически блокировав его.

Георгий Пашин одним из первых узнал о случившемся. Ему пришла эсэмэска от знакомого футбольного фаната. Он сразу же зашел в Интернет. Проверил новость в Сети, сильно напрягся: «Совсем охренели, беспредельщики!» Сразу после занятий Георгий пересекся со своим родным братом Ярославом, с которым они, близнецы, учились на одном курсе в военном вузе на спецфакультете по подготовке военных кадров в области информационного противоборства.

– Слышал, горцы спартаковского болельщика, Егора Свиридова, замочили, помнишь, я тебе его показывал на матче нашей сборной. Он еще с девчонкой своей был тогда на игре, в которой Россия выиграла... Ну, помнишь?

– Помню, я уже в курсе, – Ярослав хотя и не был таким уж заядлым болельщиком, как брат, но новость его тоже обеспокоила. Братья-близнецы, во многом непохожие друг на друга, тем не менее по национальному вопросу мало когда расходились в своих мнениях. Оба парня считали себя людьми русскими, славянами, православными. Они не раз сталкивались или сами были свидетелями наглости и хамства заезжих южан, с трудом удерживались от конфликтов с ними, в кругу единомышленников «плевались» в сторону властей и, прежде всего, Айфончика из Кремля.

– Брат, идешь со мной на протест завтра? – Георгий обращался к Ярославу с акцентом на слове «брат». Они оба не раз пересмотрели оба культовых фильма режиссера Алексея Балабанова «Брат» и «Брат-2» в главной роли с Сергеем Бодровым. Наверное, поэтому в общении между собой Георгий чаще называл Ярослава «братом». А вот тому больше нравилось называть родного брата Жоржем или, как мама, Гошей.

– Думаешь надо, Жорж? – близнец по характеру был более спокойным и покладистым парнем.

– А ты думал! Сколько терпеть?! Айда сразу после субботних занятий!

– Позвони отцу, посоветуйся!

– Что, я не знаю, что он скажет: «Зря не надо рисковать!» Ты же знаешь нашего батыю. Он у нас человек супер осторожный. Столько лет в разведке, за границей, по лезвию ножа...

Их отец, Федор Михайлович Пашин, словно подслушивал разговор своих отпрысков. В трехкомнатной квартире возле метро Ботанический сад зазвонил телефон. По длинному протяжному гудку можно было понять, что звонили издалека. Родители, уехав жить в провинцию на малую родину отца, куда он был отправлен к новому месту работы, оставили сыновей одних привыкать к самостоятельной жизни. Теперь курсанты, приходя домой после занятий в вузе, хотя и ощущали неожиданно предоставленную бытовую свободу, но с оглядкой на телефон и интернет-почту, по которой с ними регулярно связывались родители. Вот и сегодня звонок на московский телефон прозвенел неожиданно поздно, часы уже показывали четверть двенадцатого. Реа-

гируя на настойчивый жест Ярослава, трубку взял Георгий. На другом конце провода говорил спокойный, уверенный баритон отца:

– Как дела, что нового? Ярослав дома?!

– Ярослав здесь, дома все в порядке, батя!

– Как у вас там дела, сынок? Смотрю, Москва бурлит, болельщики бунтуют. Новости тревожные. Старайтесь зря не болтаться по городу, мать переживает, – отец словно прочувствовал настроения сыновей.

Георгий многозначительно поглядел на брата и тут же стал успокаивать родителей:

– Заданий много. Особенно по языку, некогда телевизор посмотреть, – успокоил родителей сын.

– Ярослава дай мне.

– Тять, не волнуйся, все нормально, – в разговор включился второй брат.

– Знаю тебя, футболист! Прошу, будьте осторожны, вы люди военные, форму носите.

– Так точно, товарищ генерал! – по привычке поерничал Ярослав, когда был не в силах возразить строгому родителю.

Несмотря на жесткий разговор с отцом, братья не смогли не пойти на протестную акцию. В тот декабрьский день, когда состоялся поход болельщиков «Спартака» в центр Москвы на Манежную площадь, к месту гибели Егора Свиридова на Кронштадтском бульваре собралось до пяти тысяч человек. Спартаковских болельщиков, которых, наряду с футболистами, в околофутбольной среде называли «мясо», поддержали не только байкеры и фанаты других футбольных клубов. Собрались люди разных возрастов и профессий, однако преимущественно вокруг братьев были молодые лица в возрасте до 20 лет. Еще тысячи сторонних глаз, наблюдавших за всем происходившим издали, расположились на бульваре. Люди стояли поодаль, прижавшись к близлежащим домам, толкались в подворотнях. Кто-то наблюдал за событиями на бульваре сверху вниз из окон домов.

Одетые по гражданке братья находились в самом центре огромной толпы, которая постоянно увеличивалась. Люди постоянно перемещались, активно общались между собой, переговаривались и переписывались по мобильной связи, толкались, чтобы согреться. Протестующие были сильно возбуждены. В толпе людей царили сильное напряжение, ощущение неизвестности и опасности. Одновременно чувствовались правота и уверенность в действиях собравшихся, же-

вание протестантов во что бы то ни стало добиться справедливости. «Не припомню, когда это последний раз так Москва бунтовала?» – задался вопросом Ярослав. И сам же ответил на свой вопрос: «Помнишь, отец рассказывал, что в 1993 году были массовые уличные протесты против действия властей, еще при Ельцине?»

В разговор братьев встрял неизвестный мужчина, которому на вид было около сорока:

– Нечего и сравнивать! Тогда «коммуняки» и «совки», представители старшего поколения, пенсионеры протестовали, а сегодня, глянь погляди, кругом одна молодежь. Это же настоящее восстание, парни! Пробуждается русский дух! Кто теперь скажет, что мы вата, ватники?!

Политические разговоры в толпе велись повсюду. Несмотря на грязные оскорбительные высказывания в свой адрес, на удивление милиция вела себя спокойно. «Менты, суки, поджали хвосты!» – раздавалось справа. Ярослав обернулся на девичий голос. Его встретил игривый задиристый взгляд рослой девушки. Хотя температурный столбик показывал легкий декабрьский морозец, ее голова была не покрыта. Две короткие косички, заплетенные сзади, джинсы в заплатках, светлая легкая куртка нараспашку и фанатский спартаковский шарф на шее выдавали в ней подростка. Тем не менее она, не стесняясь в выражениях, со знанием дела переговаривалась со стоявшими рядом с ней армейскими болельщиками с сине-красными шарфами, которых между собой болельщики называли «конями». Собеседники наперебой комментировали «инфу» о том, что власти, напуганные мощным общественным резонансом и, опасаясь более массовых выступлений, предостерегли милицейские чины от жестких действий против взбунтовавшейся молодежи.

После того, как была отслужена панихида, шествие направилось к центру на Манежную площадь. Милиция, следуя по обеим сторонам движения, внимательно наблюдая за протестантами, сопровождала внушительную колонну, вытянувшуюся по проезжей улице. Толпа дружно «заряжала», скандируя свои главные лозунги: «Русские вперед! Один за всех и все за одного!» Вокруг демонстрантов бесконечно сновали журналисты с фотоаппаратами и телевизионными камерами, выхватывая из толпы лица протестующих людей. Сделать это было совсем непросто, так как многие были либо в масках, либо с повязанными на лицо шарфами, так, чтобы были видны только глаза, горящие ненавистью к властям и жаждой мести к «понаехавшим». Протестан-

ты явно с неодобрением относились к активности журналистской братии. Некоторые из них, видимо особо хорошо разбиравшиеся в российских политических хитросплетениях, казалось, что «на дух не переносят» репортеров. В их адрес они посылали гневные и оскорбительные словечки, отпускали насмешки и даже норовили вытолкнуть из своих рядов.

Часам к 15.00 дня колонны протестантов достигли центра города. На улице постепенно стало смеркаться. В своих рядах толпа, по оценкам организаторов, насчитывала от 10 до 50 тысяч человек, не считая сочувствовавших горожан, которые со стороны наблюдали за всем происходящим. Обстановка накалялась. Лозунги толпы становились громче и яростней. Протестующие, достигнув заграждений и милицейского оцепления, остановились, но задние ряды продолжали напирать. Милиция, вступив в непосредственное соприкосновение, изготавилась сдерживать напор толпы. Напряжение нарастало. В толпе стали зажигать файеры, взрывать петарды, в сторону милиции кидали пустые бутылки, снежки и камни. В руках протестантов появились биты, ремни, камни, железные пруты. Отдельные стычки с милицией стали перерастать в массовые столкновения по всей линии соприкосновения с оцеплением. Стало ясно, что митинг протеста перерастает в беспорядки. Георгий и Ярослав были не в первых рядах, но активно «заряжали» вместе с другими: «Русские вперед! Один за всех и все за одного!».

После начала столкновений с милицией в толпе наметились две противоположные «движухи» людских потоков. Одна часть протестующих, прежде всего из числа молодежи, напирала вперед, лихо и жестко конфликтовала с милицейским оцеплением. Не только боевого вида парни, но и подростки, в том числе девчонки, смело бросались в драку с «блюстителем» порядка. Они кидали в них все, что попадало в руки – камни, снежки, ледышки и т.п. Между тем количество милиции на площади продолжало увеличиваться. Тем временем другая часть протестантов понемногу стала расходиться. В толпе стало известно о начале переговоров между организаторами протеста и высокопоставленными милиционерами. Прошла информация, что главный милиционер Москвы генерал Колокольцев, который вышел, чтобы утихомирить разбушевавшуюся толпу, пообещал честью офицера незамедлительно провести объективное расследование по делу Егора Свиридова, задержать и наказать всех виновных.

Курсанты не сразу оказались ближе к месту столкновений.

– Пойдем вперед на «махач», с ментами побьемся, разомнемся, один за всех и все за одного! Заодно проверимся, сдадим на практике экзамен по силовым единоборствам. Как говорится, тяжело в учении, легко в бою! – Георгий взял брата за рукав.

– Жорж, не кипятись! Там, в оцеплении, такие же двадцатилетние ребята, как мы с тобой. С кем ты собрался махаться?

– Ты не боец, брат!

– Гоша, нам не надо лезть на рожон! Тем более что результат уже есть – милицейский генерал обещал убийц упрятать в тюрьму.

– Ты прямо как отец рассуждаешь. Не поспоришь, только вот не по-пацански это, брат! – немного поостыв, расстроился Георгий.

– Главное дело сделано – народ собрался и вышел, показал, что мириться не будет. А драки с милицией – это хороший повод властям, московским властям, начать кампанию борьбы с так называемым «русским фашизмом»! Кому это надо, брат!

– Может ты и прав, брат!

Глава 8

Семейство Пашиных

После долгих, суровых и напряженных лет жизни за границей, вдали от Родины, здесь, в Москве, Федор Пашин неожиданно понял для себя, что жизнь простого человека может быть не менее интересной и полезной. В своем новом положении человека, не обремененного оперативной службой, генерал стал много заниматься семейными делами: уделять внимание жене, сыновьям, дочери и внукам. С дочкой Анной, у которой была своя семья, трое детей, двое мальчиков-близняшек и девочка трех лет от роду, виделся не так часто, как хотелось бы. Она с мужем и детьми уже несколько лет, уехав из Москвы, устроилась жить на малой родине отца, в столице Черноземья.

Анна занималась детьми и домашним хозяйством, а муж, Иван Русак, уволившись из московского управления ФСБ, занялся бизнесом. Он открыл адвокатское бюро с удивительным названием «Родная природа». Так, младший Русак решил сохранить память об одноименном эколого-культурном движении своего отца, Сергея Русака. Будучи еще в погонах, он как мог содействовал организации в деле сбережения окружающей среды, защиты прав и свобод русско-славянского народонаселения. В отношении Сергея Русака возбудили уголовное дело за экстремизм и разжигание розни по 282 статье. В тюрьме близкий человек Пашина, начиная со времени знакомства в Афганистане, волею судьбы очутился в одной компании с небезызвестным в России нефтяным олигархом по фамилии Ходор, который попал на нары несколько годами раньше.

Пашин искренне радовался тому, как складывалась семейная судьба родной дочери, ее крепкому союзу с Иваном Русаком, сыном его сослуживца по Афганистану и близкого товарища. «Бедная моя девочка, еще и не жила, а сколько чего натерпелась! – всякий раз сокрушался отец, вспоминая, как ему чудом удалось вывезти родную дочь из Лондона, где она чуть не оказалась женой небезызвестного Артема Мирского, редкого проходимца и международного авантюриста. Спецслужбы с трудом вынудили главного кукловода и горе-олигарха эмигрировать из России в Англию, где он получил политическое убежище. Старый прохвост, продав в кавказское

рабство свою жену Ольгу, решил оформить брак с ее родной дочерью, своей молоденькой падчерицей, которая к тому времени находилась на учебе в Лондоне. Судьба-злодейка, казалось, навсегда разлучила Ольгу и Федора, родителей Анны, в молодости сильно любивших друг друга, но вынужденных расстаться, но неожиданно соединила их вновь, когда надо было вызволять дочь из «лондонского плена». Первая любовь Пашина тогда погибла, а он спас и обрел дочь, о существовании которой даже не подозревал со дня ее рождения.

В гости к своим трем внукам дед из Москвы приезжал ежемесячно, когда один, а когда со своими сыновьями. «Братья и сестра, родные дяди и мои внуки должны знаться и дружить!» – считал Федор Михайлович. Сам он в глубине души очень сильно переживал за то, что его дети были рождены от разных браков. Конечно, ему было в чем оправдаться перед ними, но отец всегда подчеркивал в семейных разговорах, что жениться и выходить замуж нужно только один раз. «Семейная крепость должна быть едина и неделима. Мать – одна на всех! Прошу учиться на чужих ошибках!» – всегда внушал он дочери и ее братьям.

По субботам рано утром Пашин садился за руль своего далеко не нового немецкого автомобиля «Фольксваген Пассат». Через 7–8 часов он уже был на своей малой родине. До боли знакомые пейзажи русской лесостепи за окном спешащей машины быстро сменялись на городские картинки. Столица Черноземья, всего за пару десятков лет раздавшаяся вширь и вглубь от новостроек, крепко увязшая в автомобильных пробках, плотно обернутая в назойливую рекламу, задыхалась в бесконечных людских потоках. Город детства и юности всякий раз возбуждал в памяти дорогие воспоминания о далеких временах детства и юности, но одновременно тревожил своим непонятным внешним перерождением. До отъезда обратно в Москву в воскресенье он успевал с внуками поиграть во все известные генералу игры, сходить с ними в кино на мультики, даже побеседовать на серьезные темы. В обязательной программе было вкусенько поесть в одном из городских «рестиков», как мальчишки называли небольшой ресторан в центре города. В дни приезда деда Анна со своим мужем Иваном могли хотя бы немного отдохнуть от неугомонной детской компании. Младшей Оленьке дедушка уделял времени меньше, но любил он ее никак не меньше. Потому расставаться с внучкой было самым тяжелым делом.

– Жаль, твоя мать не может своими глазами увидеть мальчишек-близняшек и нашу маленькую Олечку, девочку, внучку, – не раз одновременно сокрушался и радовался дед, всякий раз прощаясь с дочерью.

Аня прятала слезы, улыбалась сквозь них, и переводила разговор на другую тему:

– Пап, а ведь у нас с Иваном прямо как у тебя – трое детей. И тоже двое мальчиков-близнецов и дочка.

– Моя дочка старшая, самая главная, любимая!

– А, жена твоя? – уже не в первый раз приревновала дочка.

– У Нади свое место, она верная и преданная жена, хорошая мать. В наше время это дорогого стоит! Мне с ней легко и спокойно. Да и твою тройню любит не меньше, чем своих родных сыновей! Они уже выросли, родители им уже не нужны, а твои еще маленькие...

– Родители всегда нужны, папа! – дочь перебила отца.

– Не зря говорят, что внуки дороже детей бывают!

В последний приезд дочь спросила о главном, что ее давно мучило:

– Папа, ты мне никогда не рассказывал о своих отношениях с моей мамой, мне хочется знать все о родителях. Она мне тоже про тебя почти ничего не рассказывала. Правда обмолвилась пару раз, что у нее была одна единственная любовь...

– Дочка, я тут по случаю книгу написал о событиях в Афганистане. Главный герой чем-то похож на твоего отца, а одна из героинь – на Ольгу. Допишу, дам почитать. Вот и все узнаешь.

– Интересно, а как книга называется?

– «На войне с любовью»!

– Как интересно, книгу напечатают?

– Может быть, если автором будешь ты, Анна Русак.

– Как так?

– Под моей фамилией книга пока не может выйти.

– Как все сложно и неправильно. Мне будет неловко, как это под чужим трудом подписаться?

– Я тебе не чужой, ты старшая дочь, мать моих внуков, сестра Ярослава и Георгия.

Своих сыновей, которые жили с родителями в московской квартире, Федор Михайлович держал под строгим контролем с того самого дня, как сразу после заграникомандировки неожиданно явился к ним в день принятия военной присяги новоиспеченными курсантами военного вуза. Ярослав и Георгий еще долго не могли прийти

в себя, увидев своего легендарного отца, о котором долгие годы они ничего не знали. Вначале старший Пашин настоял, чтобы Ярослав взялся изучать китайский и английский языки, а затем факультативно – украинскую «мову». Обещал сыну помочь ее освоить. За время работы в Киеве генерал сумел научиться не только хорошо «разговлять», но и читать и писать. Но особенно он любил петь на дивном по красоте звучания украинском языке. В эти минуты ему вспоминалась деревенская изба, где жили когда-то давно бабушка и дедушка по отцовской линии, по вечерам там собиралась большая компания. Соседи и родственники играли в лото, грызли семечки, про между прочим «гутарили» за жизнь, распевали старинные песни на певучей задушевной «мове».

Георгий хуже поддавался влиянию отца. Он, который до поступления в военный вуз, играл неплохо в футбол и подавал надежды на будущее, спал и видел себя в составе испанской королевской команды «Реал» из города Мадрида или, в крайнем случае, мечтал поиграть в московском «Спартаке». Однако друзья отца, во время его отсутствия, настояли, чтобы Георгий оставил футбол и пошел по военным стопам. Мать тоже не раз напутствовала сына-футболиста: «Вот, батя, вернется, будет доволен тобой, сынок. Ступай в армию с богом, и ни о чем не жале!» Бедная женщина, прожившая без мужа более 15 лет, всего натерпелась, воспитывая в одиночку двух сыновей. Все эти долгие годы Надежда, искренне веровавшая в Бога, молилась за благополучие своих двух близняшек и скорейшее возвращение домой их отца.

Гоше, как любовно называли своего сына родители, повезло с самого начала – его определили изучать испанский язык. Парень был искренне рад. Футбольная мотивация помогала ему изучать иностранный язык. Он не отставал от брата, получал четверки и пятерки. Тем не менее Георгий продолжал оставаться заядлым футболистом и болельщиком, в вузе его постоянно привлекали играть за сборную вуза. Несмотря на тяготы армейской службы, курсант находил возможность не только вырваться на футбольные матчи «Спартака» и сборной России, но и находил время по выходным, в компании таких же болельщиков, как он сам, поиграть в футбол. Любимое увлечение продолжало путать его повседневные мысли и мечты на будущее, ему по-прежнему очень хотелось попасть в «большой» спорт, где его могли ожидать карьера, деньги и слава.

Вернувшийся отец с самого начала по футбольному вопросу был неприступен и суров: «Не факт, что много добьешься. Я играл в фут-

бол, знаю что почем! А сейчас, тем более в футболе, все завязано на деньгах. Агенты, всякого рода посредники скупают на тебя все права и будут торговать тобой налево и направо, как бесправным рабом. К тому же развратят шальными деньгами. Ни семьи, ни дома, ни здоровья! К 30 годам будешь никому не нужен. А потом, сынок, запомни, что надо кому-то и Родине служить!»

Георгий не раз пробовал возражать родителю: «Если попасть в сборную России и играть за страну – это тоже что-то да значит!» Однако отец был непреклонен: «Учись, сын. Нас, Пашиных, выбрала военная судьба».

Глава 9

Крутой поворот судьбы

Неожиданно в судьбе самого генерала Пашина неожиданно произошел крутой поворот. После двух лет «свободной службы», как он иногда говаривал в узком кругу, в начале сентября его вызвали к руководству службы. В просторном кабинете навстречу Пашину вышел уже знакомый генерал-полковник. В свое время он сыграл важную роль в том, чтобы агентурный разведчик Пашин, который в силу обстоятельств утратил связи с «большой землей», перешел из ГРУ в юрисдикцию другой спецслужбы, а впоследствии стал резидентом сразу в нескольких ключевых странах Европы.

– Садись, садись, рад видеть в добром здравии. На вид больше сорока не дашь, на бывшего генерала совсем не похож. Рассказывай как дела, как в семье, как сыновья? Что дочь и внуки?

Приготовившись внимательно слушать своего шефа, Пашин не удивился его информированности, скорее удивился многословию, веселому нраву и доброму расположению духа. Раньше, когда приходилось с ним встречаться, тот вел себя подчеркнуто строго и серьезно.

– Федор Михайлович, с таким количеством детей и внуков мужчина должен себя чувствовать богатым и счастливым человеком. Эх, мне бы такое богатство! Одна дочь, да и та до сих пор не может выйти замуж. Уже заместитель генерального директора в бизнесе, а мужа и детей все нет. Машина есть, квартира, деньги, а живет с кошкой, правда персидской, – попытался пошутить старший начальник.

– Еще успеет, какие ее годы! – гость кабинета как мог посочувствовал своему начальнику.

Но тот не слыша своего подчиненного, продолжил развивать простую житейскую мысль:

– Люди, видишь ли, привыкли измерять свои успехи в количествах счетов в банке, акций и денег, квартир, коттеджей и машин, жен и молоденьких любовниц, размерами бизнеса, а на самом деле гораздо важнее другое. Дети – вот главное богатство любого человека, сколько их у тебя, кем выросли, как относятся к родителям. Так было, так должно и остаться!

– Хорошо, если бы еще о человеке добрая память слыла в народе, заслуги имел перед страной, – встрял собеседник.

– Вот этого всего у генерала Пашина как раз и не отнять. Тогда давай о себе! – рассказчик кинул взор на стенные часы.

Однако собеседник был немногословен. За пять минут он поведал о семейных заботах, научных делах, своих оценках информационных будней в стране.

– Так говоришь, СМИ забиты антигосударственными информацией, мнениями, оценками и выводами. Это точно! Так и есть! Думаем, что делать с этим. Сможешь подготовить свои предложения?

– Так, точно! В какие сроки?

– Вчера. Но сейчас речь пойдет не об этом, хотя и имеет прямое отношение к начатому разговору. Так вот, потребовался специалист по информационным и айтишным вопросам. Сошлись на вашей кандидатуре, Федор Михайлович! Поедете работать в администрацию небезызвестной Вам области, на малую родину, – улыбнулся генерал-полковник.

Сердце екнуло, кровь хлынула к лицу, немного сперло дыхание. Почти сразу резанула неприятная мысль, что предстоит увольнение. Мозг разведчика начал автоматически отрабатывать возникшую задачу: «А как отнесется к переезду Надя? Опять же ребята вновь останутся без отца. Сколько можно? Квартиру начал ремонтировать. Что теперь делать. Диссертацию надо бы успеть защитити!» Тем не менее следом возникло и ощущение радости. По возвращению на Родину после длительной заграничной командировки и после переезда в Черноземье дочери и любимых внуков Пашина все больше тянуло туда, где он сам родился, прошли его годы детства и юности. Однако в эту минуту беседы с начальником генерал по привычке постарался скрыть свои внутренние чувства.

– Как быть с диссертацией?

– Как я понял, она уже у тебя готова. Слышал даже, что книгу успел написать.

– Так, воспоминания о службе в Афганистане, для детей полезно будет.

– Не скромничай, в писатели метишь?! Только вот издавать книгу под своим именем пока рановато. Под псевдонимом можно. Дашь почитать? – заулыбался собеседник.

– Не думал.

– А почему нет? Мы здесь с удовольствием читаем публицистику Александра Григорьева в СМИ и Интернете. Кстати, а почему выбран этот литературный псевдоним.

– В юности моей настольной книгой было произведение Вениами-на Каверина «Два капитана».

– Несколько раз сам смотрел сериал по этой книге, – шеф спецслужбы на секунду задумался, а затем заговорил подчеркнуто серьезно: – Последняя публикация Александра Григорьева о планах «мировой закулисы» интересная, но из нее «торчат уши» автора, а значит, – нашей службы. В частности, там идет речь о баронессе Рокшильбрайт. Такие подробности, словно автор «со свечкой стоял». Такие вещи недопустимы! И это еще одна причина, почему отправляем «с глаз долой» в провинцию.

– Есть и другая причина? – спокойно спросил гость высокого кабинета.

– Есть. Россия страна многонациональная. Вам предстоит работать в регионе, где активно идет пробуждение русского национального самосознания. Если русские захотят равных прав в России с другими «титულными» народами, страна просто распадется. Допустить этого нельзя. Согласен?

Федор Михайлович сидел молча, немного отвернув голову в сторону и опустив глаза.

– Будем считать, что согласен и готов выполнять любую задачу!

– Мне предстоит уволиться? – Пашин перевел разговор на другую тему.

– Не горячись, генерал! Еще не время почивать на лаврах, у нас каждый штык сегодня на счету, – хозяин кабинета успокоил своего гостя. – Думаю, это не последнее задание, Федор Михайлович. Обживайся, входи в роль, приглядывайся, зря не следи, подбирай и по возможности продвигай единомышленников, – старший по званию генерал крепко пожал руку более молодому по возрасту сослуживцу.

Так Федора Михайловича Пашина неожиданно назначили советником по гуманитарным вопросам в областную администрацию центра русского Черноземья. Его начальник во время их встречи не мог сказать своему подчиненному, что со дня на день решится вопрос и о его переходе на госслужбу в администрацию президента. За время правления молодого президента страны в его ближайшем окружении произошло усиление влияния либералов, которых в СМИ давно окрестили пятой колонной. В спецслужбе тоже не боялись называть вещи своими именами. Они уже были в курсе того, что по указанию своих западных хозяев противники главы правительства, выходяца из бывшего КГБ, приступили к плану его отстранения от власти со

всеми вытекающими последствиям для страны. В высоких кабинетах секретной спецслужбы не сомневались, что устранение от власти нынешнего хозяина Белого дома может привести к схожим сценариям развала СССР.

В Кремле нынешнему шефу Пашина в борьбе за влияние во властных кругах предстояло конкурировать с самым могущественным лоббистом в России. Спецслужбисты, которые были в «теме» самого факта особой политической влиятельности Царькова, между собой за глаза называли его «тат» по принадлежности к горским татам, по национальности не то евреев, не то кавказских персов, проживающих в Азербайджане и России, преимущественно на юге Дагестана. По имеющейся информации, после неожиданной смерти опального олигарха Артема Мирского в Лондоне, Царьков Вениамин Ахметович стал практически «смотрящим» за Россией от мирового клана Рокшилбрайтов, в то время как Айфончик был лишь его послушной кретатурой в президентском кресле.

Глава 10

Драка на Манежке

Покинув место драки между восставшей русской молодежи с московской милицией на Манежной площади, братьям Пашиным так и не удалось без приключений вернуться домой. Они неспешно двинулись в сторону метро, продолжая с интересом наблюдать за всем происходившим вокруг. Мелкие стычки протестантов происходили не только с милицией. Фанаты стайками рыскали вокруг Манежной площади в поисках лиц неславянской внешности. Если им на глаза попадались «звери», как между собой болельщики величали южан, тогда тем приходилось спасаться бегством. Милиция ничего не могла поделать с агрессивной молодежью.

У станции Охотный ряд, куда направились братья, их внимание привлекла драка возле разбитой витрины дорогого магазина. Стайка из 6–7 подростков 15–16 лет и среди них две девочки, повалив на землю трех черноволосых молодых людей неславянской внешности, избивали их ногами, битами и железными прутами. Девочки таскали за волосы по асфальту брюнетку, ярко покрашенную, с блестящими украшениями на пальцах рук и в ушах, в модной дорогой одежде. Вдобавок они с размаху пинали ее ногами. Жертва дико визжала, молила о помощи, тщетно пытаясь укрыться от ударов сорванной с нее норковой шубой. В одной из девчонок, с косичками, в рваных джинсах и светлой куртке, Георгий сразу признал незнакомку, которая во время движения колонны на Манежную площадь, последними словами ругала милиционеров.

Один из спутников брюнетки, такой же чернявый хорошо одетый молодой человек, попытался защититься ножом. Однако его умело ногой выбил подросток, что был покрепче и повыше ростом, чем его сподвижники. Сделал это он так ловко, что лезвие, отлетев в сторону второго попутчика модной «дорогой» дамы, рассекло ему лицо до самой крови. Другие нападавшие с еще большей яростью набросились на молодых людей, катавших от ударов по тротуарной плитке. Со стороны казалось еще мгновение, и подростки забьют до смерти своих жертв. Но военные парни в гражданской одежде подбежали вовремя.

– А ну стоять, отставить! Охренели, русские лежачих не бьют! – заорал Ярослав, вырвав биты у одного из нападавших подростков. В

эту минуту Георгий бросился спасать от злобных девчонок брюнетку, распластавшуюся на асфальте. Модница в порванных колготках и задранный до трусиков юбочке сжалась в комок и закрыла лицо руками.

– Кыш, пошли прочь, саранча! – кричал он, преградив путь агрессивным малолеткам. Курсант крепко схватил девчонок за руки и, стараясь не причинить боль, вывернул их назад. Тем не менее девчонки завизжали от боли. Другие подростки слегка замешкались, но тут же собрались, чтобы быстро рассчитаться с теми, кто только что помешал им расправиться с инородцами. Они чуть не кинулись на курсантов с кулаками и битами. Однако к месту «махача» уже спешило с поддюжины омонцев с дубинками наперевес.

– А ну бегом отсюда! Менты вон уже бегут за вами, сейчас похвалят и заберут в милицию! Вам надо своих родителей подставлять? – блоками рук отбиваясь от подростков, Ярослав в один момент отрезвил всю стаю драчунов.

Ребята стали разбегаться. Ярослав успел поднять на ноги всю избитую и в слезах, дрожащую от перепуга брюнетку. Парень улыбнулся, подмигнул глазами, попытался приободрить:

– Не плачь, красавица, до свадьбы заживет!

– Больно! – только и произнесла брюнетка.

Только сейчас Ярослав обратил внимание, что одна из девчонок-подростков, поднимая с тротуарной плитки свой маленький рюкзак, замешкалась и могла оказаться в лапах плечистого омонца. Он первым прибежал к месту драки. Однако на пути сержанта возник Георгий. В результате девчонка с рюкзаком успела убежать, а мент набросился на ее спасителя:

– Соппротивление милиции, под статью пойдешь! – он попытался вывернуть парню руку назад. Однако Ярослав умело отскочил назад да так, что омонцев чуть не упал. С трудом удержавшись на ногах, мент схватился за автомат, в страхе передернув затвор.

– Стоять, б...дь! Убью на х...!

На помощь брату рванулся Ярослав, но ему быстро заломили руки сзади двое других подоспевших милиционеров. Курсантов окружили четверо омонцев и под дулами автоматов повели в сторону, где стояли милицейские автозаки.

В этот момент за Георгия неожиданно решительно вступилась брюнетка:

– Отпустите его! Он спас меня, нас!

– Иди на х...! А то и тебя закроем!

– Хам! Будешь иметь дело с моим отцом! – за девушку вступился брюнет, один из двух парней, сильно потрепанных дракой.

– Разберемся, кто из вас кто! Всех забирайте, в отделение поедут! – командовал плечистый омоновец. Несмотря на резкие возражения избитых спутников брюнетки, милиционеры профессионально скрутили и их. Более благосклонно они отнеслись лишь к пострадавшей девушке, которую под руку вежливо повели в сторону стоявших поодаль милицейских машин. Брюнетка обернулась назад, ища глазами своего спасителя. Их взгляды на мгновение встретились, хотя Георгию с вывернутыми вверх руками было непросто поднять голову. «Красивая», – успел подумать про себя курсант, поймав нежный взгляд незнакомки. «Какой смелый парень, мужчина!» – девушка слегка поправила свои растрепанные волосы. Несмотря на все произошедшее с ней, она чувствовала себя в приподнятом настроении, даже попыталась улыбнуться.

В отделение отвезли далеко не всех. Автозак, в котором вместе с другими задержанными лицами оказались и курсанты, отправился к месту назначения минут через десять. Георгий успел заметить, как брюнетка, сильно жестикулируя, о чем-то долго переговаривалась по телефону. «А нам не дали позвонить менты!» – подумалось ему. Он переглянулся с братом. «Это залет, курсант!» – скорее по губам Георгий понял мысль Ярослава. Тот невольно вспомнил любимую фразу начальника факультета, когда он отчитывал нерадивых курсантов перед строем. Не сговариваясь, больше всего Пашины сейчас переживали за то, что придется объясняться с отцом. «Батя, если узнает, будет конец!» – решил про себя Георгий.

Как оказалось, пострадавшая троица, случайно оказавшаяся на Манежной площади в день массовых фанатских протестов, имела серьезных покровителей в Москве. После того как один из спутников девушки дозвонился по телефону, уже через несколько минут отношение ментов к ним сразу изменилось. Троицу отвели в сторону и посадили в милицейский «Форд», стоявший поодаль от автозак. Через полчаса в зону, куда проезд неслужебного транспорта был строго запрещен, за троицей приехали два крутых авто. Подполковнику, который вышел встречать важных персон, один из них предъявил удостоверение сотрудника администрации президента РФ. Человек без головного убора, в черной дубленке с фиолетовым шарфом, с подчеркнутой вежливостью, но с особой строгостью в голосе попросил незамедлительно возбудить уголовное дело

по факту нападения и избиения гостей столицы из дружественной Украины.

– Товарищ подполковник, пострадали дети известных и влиятельных людей в России и Украине. Вопрос на контроле в Кремле, – представитель президентской администрации показал большим пальцем назад в сторону кремлевской стены.

– Уже звонили! – проявил свою осведомленность милиционер.

– Надо избежать громкого скандала. Необходимо будет обо всех обстоятельствах произошедшего рапортом доложить на имя начальника московской милиции! И никаких комментариев прессе! – словно пароль заученную фразу произнес посланец Кремля.

– Главное найти виновных и задержать, – попытался рассуждать подполковник.

– Желаю удачи, будьте осторожны, подполковник! Как бы крайним не оказаться! Преступники должны быть найдены и ответить по закону!

Джипы «Мерседес» и «Лексус» рванули с места и через пару минут, выехав на Лубянскую площадь, скрылись за поворотом направо.

В милиции Ярослав и Георгий, как могли, пытались объяснить, что они оказались случайно на Манежке, ни в чем не участвовали, а наоборот пришли на помощь двум парням и девушке, которых избивали подростки.

– Спросите у них!

– Спросим! Вы за себя отвечайте. Документов, подтверждающих, что вы курсанты, нет. Воспрепятствование милиции при выполнении своих обязанностей налицо. Будем разбираться, для начала установим ваши личности. А пока, посидите в «обезьяннике» с другими задержанными.

По всему было видно, что так просто курсантов отпускать никто не собирается. В кабинет следователя вошел приземистый майор с кривыми ногами азиатской внешности. Он сразу вклинился в разговор, проявив завидную информированность:

– Избиение – это их рук дело. Сразу видно – фанаты, нацики. У них на лицах все написано. Вот видишь, у одного из них шарф болельщика «Спартака». Качки, бляха муха, – офицер рукой вытащил наружу шарф, край которого торчал из-под куртки. Хотя Георгий еще в «автозаке» по дороге в милицию старательно его запрятывал, чтобы не было видно.

– Сто процентов! Боевики! На Манежке участвовали и в протестах, и нападениях на милицию. Для профилактики их надо к «зверь-

кам» посадить! – майор хитровато подмигнул худощавому следователю с капитанскими погонами.

Молодых людей заперли в изоляторе временного содержания, где кроме них уже сидело несколько человек неславянской внешности. «Обезьянник» встретил русских настороженно. Арестанты, сидевшие на нарах и полу, напряглись. Их колючие суровые взоры пробежали по лицам спортивного вида молодых людей, вошедших за большую железную решетку от пола и почти до потолка. Георгий, поймав на себе колючий суровый взор кавказца, который даже приподнялся с нар, взгляд выдержал, глаз не опустил. Невольно коснулся плеча брата. Почти сразу пришло ощущение опасности, во всем теле появилась легкая дрожь, неприятный холодок скользнул по спине, руки налились тяжестью. Мельком переглянувшись, братья приготовились к самому худшему.

– Стоять! Кто такие? – спросил хмурый южанин. Он говорил с легким акцентом.

– Посмотри, как похожи! Да они братья! – хмыкнул другой сокамерник.

– Москвичи, живем здесь, в своем городе! – как можно спокойно, но с достоинством ответил Георгий.

– Ни хрена себе заява, бля буду! – выругался джигит, растопырив пальцы, обернулся на нары, где сидели еще четверо задержанных.

– А мы что, не в своем городе? А..., мы «понаехали»? Это кто «понаехал», свиноиды? Это русские сюда «понаехали», Москва тюркский город со времен Батыя! Истории не знаешь, б...дь! – с полуоборота завелся второй кавказец.

– Ага, Россия только для русских! Да я твою маму...! – в разговор вклинился еще один южанин.

Ярослав резко одернул брата, который уже готов было ответить на хамский вызов.

– Что ты дергаешься, свиноид! Ты попал, сука! – приблизившись вплотную, зашипел кавказец.

– Россия для всех, но и для русских тоже! – вновь спокойно произнес Георгий. Он еще надеялся, что удастся отделаться разговором на повышенных тонах. Однако брошенной фразы оказалось достаточно, чтобы «звери» скопом бросились с кулаками на курсантов.

– Вам конец, братья-славяне, Аллах Акбар, мочи их! – громко заверещали в «обезьяннике». Все до одного, пять южан, оказались солидарными в своей неприязни к братьям-славянам.

Курсанты приготовились к самому худшему. «Спаси, Господи!» – прошептал Георгий и бодрым взглядом подбодрил Ярослава. Почти на голову выше своих неприятелей, братья, став спиной к спине, не отходя от камерной решетки, стали отбиваться от нападавших на них сокамерников. Самыми активными были два коренастых горца. Их точные удары чаще всего пробивали защиту из рук и ног братьев, достигали цели. Братья-славяне больше оборонялись, чем наносили ответные удары. Хотя пару раз Ярославу удалось попасть в цель. Сначала азиат распластался на полу, а затем кавказец согнулся в три погибели, получив ударом ноги в пах. Несмотря на это «звери», окружив братьев, наседали, нанося удары в стремлении растащить курсантов. Но у них ничего не получалось. Неожиданно в руках одного из джигитов мелькнула «заточка». От первого резкого выпада Ярослав увернулся, а удар пришелся в металлическую решетку. Нападавший «зверек» взревел от боли, и в этот момент Ярослав успел предупредить, ударив южанина в живот ногой. Затем ловко вывернул тому руку. «Заточка» выпала. Ее тут же с пола подхватил Георгий, успевший пригнуться от удара кулаком в голову. Увидев перед собой острие «заточки», выброшенное навстречу нападавшим, «зверьки» дружно сразу отпрянули назад.

– У русских ножи! – громко заорал хмурый южанин, который и начал провоцировать конфликт в камере.

И тут, как по команде, к «обезьяннику» подбежали три мента с автоматами. Из коридора за их действиями внимательно следил приземистый кривоногий подполковник. Сомневаться не приходилось в том, что провокацию организовали сами менты. Курсантам заломили назад руки, одели наручники, схватили за волосы и потащили по коридору в камеру. Там беззащитных братьев стали избивать трое ментов. Мальчишки стонали, но терпели.

Через пару часов избитых курсантов вновь потащили к следователю:

– Короче, срок вам грозит, прежде всего, тебе, – капитан поднял глаза на Георгия, который был избит до неузнаваемости.

– Зачем Вам это надо, товарищ капитан? Отпустите нас, мы здесь ни при чем, – пробовал уговорить следователя Ярослав. Ему от ментов досталось меньше, так как он почти не пытался сопротивляться.

– Еще как при делах, ребята! «Заточка», противодействие милиции – уже этого хватит на срок твоему брательнику, да и тебя не пощадят за участие в групповом преступлении. Вот так, бойцы! Не х...я шататься где не надо!

- Что, уже и по Москве нельзя гулять? – вновь пробурчал Георгий.
- Родители кто, где работают?

Георгий посмотрел на брата. Братья понимающе переглянулись. Им обоим очень не хотелось, чтобы манежная история дошла до отца.

- Что молчите?
- Мы одни в Москве. Родители в другом городе живут, – бросил Георгий.

– А, гопота, значит. Сами установим родителей. Чтобы неповадно было драться в милиции, вас еще немного повоспитывают, проще говоря, отмудохают до полусмерти! А пока в камеру! – капитан ехидно захихикал. Достал из холодильника бутылку водки, тарелку с порезанным салом, луковицами и хлебом. Вызвал по телефону трех своих подельников из числа ментов, младших по званию. Приподнялся со стула и включил радиоприемник, который стоял на красно-коричневом сейфе в углу комнаты.

Радиостанция «Эхо Москвы» бурлила новостями о последних событиях на Манежной площади, массовых беспорядках на прилегающих территориях и в московском метро. В комментариях экспертов звучали тревога и обеспокоенность, призывы к поиску виновных в избиении москвичей и гостей столицы. Ведущий программы напоминал о бессмысленности и беспощадности русских бунтов в истории. Раз за разом в эфир врвался самоуверенный суровый голос молодого президента. Он требовал от правоохранительных органов наведения конституционного порядка в Москве и наказания организаторов фанатских выступлений.

Глава 11

Властный бизнес

Было уже далеко за полночь. Придорожные фонари хорошо освещали ночную дорогу в международный аэропорт под Киевом. Кавалькада из трех дорогих машин черного цвета безостановочно проскочила раскрывшиеся ворота и выехала на взлетно-посадочную полосу. Человек на заднем сиденье во второй машине, новеньком «Мерседесе-гелендвагене», уже знал, что самолет из Москвы приземлился, сбавив скорость, он неспешно выруливал на стоянку в самом конце аэродрома. Сегодня папа сам лично приехал в аэропорт встречать сына и дочь из Москвы. Он был в курсе того, что с его детьми случилась беда. Вчера в самом центре столицы, на Манежной площади, его дочь и сын, с которыми был их московский приятель, сын видного московского чиновника, подверглись нападению и избиению. Случай был из ряда вон выходящий. Как только дочь дозвонилась до Киева и сумбурно поведала обо всем произошедшем, отец пришел в ярость. Он, богатый и влиятельный человек, был готов сразу вылететь в Москву и на месте растерзать обидчиков своих детей. Едва телефон смолк, вновь зазвонил мелодией известного шлягера «Владимирский централ». Его «чел», который в свое время хорошо устроился за «зубьями», в Кремле, как мог стал успокаивать и удерживать давнего приятеля от незамедлительного вылета в Москву.

– Не рви себя, все меры уже приняты. Я позвонил в МВД. Там берут все под контроль. Виновники – два националиста. Представляешь, военные, курсанты, гопота, иностранные языки, блин, изучают. Кого армия готовит, не понимаю. Черт с ними! Главное все живы и здоровы, а остальное купишь! Правильно говорю?

– Их убить мало! – на другом конце связи в Киеве не унимались.

– Будь уверен, нацики загремят в тюрьму лет на десять, будут изучать как «по фене ботать»!

– Я бы их, гнойных пидоров, своими руками удавил, чтобы мне не жить!

– Только без эмоций, чай, по телефону общаемся!

– Кто нас подслушает, я тебя умоляю!

– Успокойся, еще раз повторяю, менты в «теме», а они знают свое дело! Кончай базар, ты что, нажрался?

– А ты как думал, детей моих москали отмудохали в этой сучьей Москве! Мы с женой перенервничали! Пришлось дозу вискаря принять, стресс снять, – лопотал по телефону украинский собеседник.

– Не переживай! Твоих детей уже отвезли в аэропорт и посадили на самолет. Выезжай, встречай!

– Хорошая новость! Оперативно. Ценю, братела! Должник твой!

– Нет базара, какой должник? Мы же не просто партнеры. Жаль, Ходора с нами нет, бедняга, какой год сидит в тюрьме, ничего не могу сделать, чтобы его вытащить на волю. Но жену и детей его в обиду не дадим!

– Нет вопросов, семью своего земляка я не оставлю. Но вытащить Ходора из тюрьмы – это наша с тобой забота! Знаю, работа идет! А когда скинем, знаешь кого, все решится автоматически!

– Еще раз прошу – не по телефону! Лучше о нашем главном событии года давай подумаем. Твоя дочка Диана и мой сын – прекрасная пара! Давай не будем тянуть, надо сразу после еврейской Пасхи свадьбу и сыграть.

– Мы же обо всем договорились. Но только в Киеве.

– Нет, в Москве, – не уступал Царьков.

– Ладно, давай в Донецке! Готовься внуков нянчить!..

На этом месте разговор по телефону о произошедшем 10 декабря инциденте в Москве закончился.

В декабрьской столице на Манежной площади пострадавшими оказались сестра и брат Колахметовы. С ними в одной компании был младший Царьков, который готовился стать мужем дочери украинского олигарха. Накануне католического Рождества, киевская невеста со своим сводным братом приехали в Москву, чтобы еще раз обсудить предстоящее событие, поговорить о будущем, заодно осмотреть новую квартиру для молодоженов, которые собирались жить в обеих столицах, посетить московские бутики, просто погулять по столице. Диана Колахметова любила Москву не меньше чем Киев. Папа не раз ее брал с собой, когда по делам политики и бизнеса ездил в Россию. Домой всякий раз она возвращалась с подарками и яркими впечатлениями от встреч и всего увиденного. Раньше, пока была жива мама, Диана могла часами рассказывать ей о Москве, где та тоже училась в молодости. И хотя мамы более трех лет уже не было в живых, а папа каждый год приводил в дом новую свою избранницу, одну моложе другой, дочка продолжала посещать город, где познакомились ее родители.

Завершив телефонный разговор с Москвой, Колахметов покинул свой офис и направился вниз к черному «Мерседесу», который стоял у входа. В составе еще нескольких дорогих иномарок с мигалками кавалькада машин резво вырулила на трассу. По дороге в аэропорт олигарх невольно вернулся к мыслям о своем друге детства Ходоре, который оказался осужденным на длительный срок. Колахметов Ринат Леонидович и Ходор Михаил Арнольдович знали друг друга с детства и дружили еще с советских времен. Вместе жили в одном шахтерском городке на Донбассе. В пятом классе решили вместе играть в одном духовом оркестре, Ринат – на флейте, Миша – на барабанах. В старших классах ребята занимались самбо, бегали на танцы, где кадрили местных красавиц. Из-за девчонок нередко приходилось участвовать в уличных драках. Первые навыки предпринимательства приобретали, занимаясь перепродажей импортного ширпотреба. А еще не по годам ушлые пареньки любили уединиться в зарослях лесной полосы на окраине города вдаль от любопытных чужих глаз в развалинах заброшенного здания. Там они травились дешевыми «солнцедаром» или портвейном, закусывая пирожками с ливером, а еще тайком, по-мальчишески, искали взаимной близости.

Сразу после школы дороги друзей разошлись. Михаил сразу поступил на учебу в Московский институт нефти и газа. После окончания вуза он какое-то время проработал в Тюмени, затем окончательно перебрался в столицу, где промышлял производством и перепродажей текстильного контрафакта, успешно торговал компьютерной техникой. А когда распался Союз, сумел устроиться в нефтяной бизнес, а заодно стал проявлять интерес к банковской сфере. Уже через несколько лет Ходор возглавил одну из ведущих нефтяных компаний страны, создал сеть банков, приобрел влиятельные медийные активы.

Тем временем Ринат Колахметов остался на Украине. Откосив по болезни от армии, кучерявый симпатичный парень удачно женился на дочке секретаря райкома, которого вскоре перевели на повышение в Киев. Затем получил западное бизнес-образование в США. После совместно с американским партнером, симпатичной дамой средних лет, начал банковский бизнес. Его частный банк вскоре стал крупнейшим на Украине. Близкие связи в киевской мэрии, где теперь трудился его тесть, бывший партократ, помогли Колахметову преуспеть в приватизации госсобственности не только в Киеве, но и других регионах страны и, прежде всего, на его малой родине – в Донбассе.

Вновь земляков судьба свела уже в начале нулевых годов, когда каждый из них достиг определенных высот в карьере, а интересы бизнеса требовали расширения связей за пределами своих стран. Сколотив хорошие капиталы, земляки стали вкладываться в политику и спортивный бизнес. Однажды их интересы на трансфертном рынке столкнулись в споре за одного украинского футболиста, которого Ходор хотел видеть в Москве в своем клубе. Появился повод друзьям детства повидаться. При личной встрече в родном городке на Донбассе, где прошли их детство и юность, земляки «ударил по рукам» и решили, что дальше надо действовать сообща. Теперь они стали партнерами не только в бизнесе и большой политике, но и спорте. Ходор помог Колахметову войти в нефтегазовый бизнес, а тот, в свою очередь, убедил москвича вложиться в банковское дело. Постепенно вместе стали расширять границы своей совместной футбольной империи на просторах бывшего СССР и за его пределами.

Прежняя юношеская однополая страсть нынешних олигархов оказалась как нельзя кстати, в рыночных условиях. Предприимчивые и удачливые партнеры вскоре обрели немало покровителей и ставленников во властных структурах России и Украины, где к тому времени появилась мода на нетрадиционные сексуальные отношения. В Москве, в администрации президента, их ставленником, близким приятелем, сподвижником и компаньоном по бизнесу стал Вениамин Царьков, скрытый педофил и сторонник ЛГБТ-сообщества. В свое время он начинал в бизнесе, работая в компаниях Ходора. Со временем, войдя в ближний круг мирового семейства Рокшилбрайтов, предприимчивая тройца властных бизнесменов ощутила себя полновластными хозяевами в пределах СНГ и Балтии.

Однако неожиданно в Кремле небезызвестного Бориса Ельцина сменил новый президент, который на словах демонстрируя свою приверженность прежнему курсу, стал постепенно его менять. Не все олигархи поджали хвосты, Ходор заодно со своим бывшим конкурентом Мирским не захотели признавать президентские новшества. Они вступили с ним в открытое противоборство. Но, видимо, не рассчитали свои силы. В результате один информационный магнат Мирский сбежал и трагически погиб в Лондоне, другие сбежали в Израиль, а нефтяной король Ходор угодил в тюрьму. Более покладистые «акулы» большого бизнеса в окружении нового президента с радостью поделили активы опальных олигархов. Через Царькова немало перепало и Колахметову.

«Конечно, надо бы помочь Ходору выйти на свободу, но ведь тогда он потребует вернуть назад его «бабки» и другие активы, – при этой мысли Ринат Леонидович невольно вздрогнул. – Лезет в голову всякая хрень!» – он попытался успокоить себя. За окном автомобиля появились темные иллюминационные контуры международного аэропорта. Вереница дорогих авто стремительно проскочила открывшийся шлагбаум и помчалась параллельно взлетной полосе. На дальней аэродромной площадке, где стоял чартер из Москвы, к самолету уже подъехал трап. Колахметов не без труда вылез наружу. На улице был небольшой морозец, однако от северного ветра казалось очень холодно. Пышная с сединой шевелюра полного мужчины, который стоял без головного убора, на ветру заметно шевелилась. Сзади от него в двух метрах стояли два охранника внушительного роста.

Диана Колахметова стала быстро спускаться по трапу самолета, следом за ней в проеме самолетной двери появился сын украинского олигарха. Он тоже радостно помахал отцу руками.

– Папочка, родной мой! – дочь обхватила отца за шею. У нее на глазах навернулись слезы. – Так было страшно, ты не знаешь, папуля! – дочь сразу начала описывать произошедшие с ней события в Москве.

– Давай по порядку!

– Представляешь, они избивали нас. Меня, твою дочь, за волосы таскали по тротуару. Их столько было на площади! Они кричали страшные лозунги. Дрались с милицией. Мою новенькую шубу всю изорвали, гады.

– Я тебе еще десять таких шуб куплю. Доченька, родная, успокойся, моя милая! Все эти подонки уже схвачены, сидят в милиции, против них возбуждено уголовное дело. Эти курсанты, русские нацики, они ответят за все и получают на полную катушку! Дианочка, славная моя девочка, только не плачь, я умоляю тебя!

– Какие курсанты, папа? – дочь неожиданно отпрянула от отца.

В эту секунду к ним уже спустился по трапу Тимур Колахметов. Он слышал весь разговор:

– Папа, при чем тут курсанты? Нас били подростки. Несколько человек.

– Двое из них – девушки, лет по 16–17, – сумбурно вторила брату сестра.

– Не путайте меня! Задержаны два мерзавца, по их показаниям они военные курсанты. Не морочьте мне голову! Быстро в машину. Темно и холодно. Едем домой!

– Папочка, дорогой, нас избili другие люди. Это были подростки, – продолжила настаивать дочь.

Отец посадил ее на первое сиденье автомобиля. Сам с трудом залез на свое привычное заднее сиденье за местом переднего пассажира. Иномарка дала по газам и быстро рванула с места.

– Какие подростки? Тогда непонятно, как ты, мой сын, и младший Царьков, два здоровых м...дака, спортсмена, каждому далеко за двадцать, фактически мужики, не могли постоять за себя и мою Дианочку? Я бы этих скинхедов на куски порвал! – отец укорил своего 25-летнего сына, игрока основного состава футбольной команды, играющей в первенстве Украины.

– Папа, пойми, на Манежной площади, в ста метрах от нас были тысячи таких же фанатов, как и эти подростки. Шум, крики, файеры! На нас напала настоящая стая агрессивных подростков с цепями, битами, еще что-то в руках было. Начали бы сопротивляться, другие нацики налетели бы. Ведь их было около десятка, – как мог оправдывался сын.

– Не болтай, две девчонки и два парня – подростки, старшему из них было не больше семнадцати лет! – возразила Диана.

– Бакланы, хотели острых ощущений получить? Какой хер вас понес туда, извини дочка!

В разговор вновь вступила Диана:

– Папочка, спасибо двое парней на помощь пришли. Они нас просто спасли. Один из них меня с тротуара поднял и на ноги поставил.

– Тьфу, черт, так кого тогда милиция арестовала, кого посадили в клетку к кавказским джигитам, их уже, наверное, отмудохали и завели уголовное дело в связи с вашим избиением? Мне же все так рассказали. Я несколько раз звонил в Москву. Вся московская милиция поставлена на уши!

– Папочка, нас спасли два смелых и симпатичных молодых человека. Один меня даже с земли поднял, успокоил. Если их посадили, то это страшная несправедливость, ошибка. И ее надо незамедлительно исправить! Папуля, милый, понимаешь, они же спасли твою дочь! – Диана знала, какими словами можно было разжалобить своего отца.

– Папа, иначе нас забили бы до смерти! Чего ты молчишь? – вновь встрял сын.

– Ты молчи, грусть! Мужик называется! Просто нет слов! Рассказывайте как было, только все по порядку.

Сестра и брат, сумбурно дополняя друг друга, нарисовали картину произошедшего в Москве на Манежной площади. Олигарх опять вскипел:

– Кто такие? Б...дь, убью б...дей! За своих детей удавлю любого, не будь я Колахметов! Всех посажу, размажу!.. Гони, что ты еле едешь? – Колахметов кулаком ткнул в спину водителя.

Через несколько секунд спидометр «Мерседеса» показывал уже 170 километров в час.

– Папочка, я прошу тебя, помоги этим ребятам, – стенала дочь.

– Па, а дочь твоя, похоже, влюбилась в курсантов, по крайней мере, в одного из них. Любовь с первого взгляда! – ухмыльнулся Тимур.

– Молчи, дурак, debil вислоухий!

Колахметов никак не среагировал на перепалку сестры и брата. Он был занят своими мыслями. «А ведь курсантов и забить могут менты!» – подумал он.

– Папочка, родимый, спаси их, они не виновны! – дочь словно угадала отцовские мысли.

За окном автомобиля было темно. Часы показывали три часа ночи. Ринат Леонидович безуспешно набирал нужный номер в Москве. Тот был заблокирован и не отвечал. Связаться с Москвой удалось уже утром по возвращении домой в Киев.

Глава 12

Друг детства

Мобильный телефон генерала Пашина сегодня подозрительно молчал. Заблокированными были и мобильники сыновей. Отец все больше волновался. По договоренности он звонил в Москву через день, чтобы справиться о делах своих детей, которые уже почти третий месяц жили одни без родителей. По воскресеньям, несмотря на свою чрезмерную занятость в областной администрации, Федор Михайлович Пашин старался каждую неделю выбираться в загородную баньку к своему давнему приятелю Святославу Юрьевичу Петрову. С другом детства и своим старшим товарищем они были знакомы более 40 лет.

Святослав Петров, уличный вожак и заводила, еще в четырнадцатилетнем возрасте взялся тренировать дворовую команду, которая стала регулярно участвовать в районных и городских соревнованиях на призы всесоюзного турнира «Кожаный мяч». Его команда даже выходила играть на республиканские состязания и занимала там высокие места. Известным футболистом Святослав Юрьевич Петров не стал, помешали травмы колена, а вот неплохим тренером быть у него получилось. Он тренировал не только детские и молодежные команды области, но и долгое время был вторым тренером областной команды мастеров, которая один раз даже вышла в высшую лигу советского футбола.

В далеком детстве Федора Пашина, соседского семилетнего мальчишку, он поставил защищать ворота в футбольной игре пять на пять «в дыр-дыр» со взрослыми парнями, которым было уже по 16–18 лет. Маленького Федора били по ногам, толкали, сбивали с ног, расстреливали в упор мячом, но он сквозь слезы терпел. «Молодец! Первый бой – он трудный самый!» – похвалил мальчишку Петров, а другие ребята в знак благодарности мужественного вратаря еще долго трепали за волосы и трясли за плечи. Так Пашин вошел в дворовое футбольное братство, которое со временем растянулось почти на десятилетие. Летом играли в любимую игру чуть ли не каждый день, редко когда уходил с поля домой без синяков, шишек и ссадин. Его мать часто ругалась с Петровым, не пускала сына на футбол, а он все равно шел и шел. «Настоящим мужиком будет, помощником!» – успокаивал

мать футбольный заводила, став студентом факультета физкультуры и спорта областного пединститута. Бедной женщине только и оставалось грозить мальчишкам вслед, не в силах удержать сына дома. В футболе Пашин прошел все ступени детского, юношеского и молодежного футбола на областном уровне, получил первый взрослый разряд, а заодно сильную физическую и морально-психологическую закалку на всю жизнь. Мечты попасть играть за сборную страны не сбылись, помешали травмы, заботы о внезапно заболевшей матери и нежданная первая любовь к красивой девчонке, что жила с ним по соседству на соседней улице, которая полностью овладела его мыслями и поступками. К тому же пришло время ехать на западную Украину сдавать экзамены в Львовское военно-политическое училище.

В послесоветские времена футбол стал стремительно превращаться в прибыльный бизнес. Старожил клуба Юрич, как любовно его величали футболисты, не был готов поступиться своими принципами, отказаться от принципов справедливости, чести и совести на футбольном поле и вне его. Ему претила сама мысль зарабатывания «бабла» на спортивной борьбе всеми доступными средствами. Поэтому новые хозяева команды, неизвестно откуда появившиеся в областном центре, от услуг опытного тренера почти сразу отказались. На прощание было попытались организовать достойные проводы и откупиться от старожила «хорошими бабками на жизнь», но Петров отказался. Святослав Юрьевич уходил с гордо поднятой головой, хотя на его душе «кошки скребли», уж очень сильно он переживал за судьбы своих бывших подопечных – футболистов, которым предстояла новая жизнь в мире футбольного бизнеса.

Как известно, 90-е годы XX века в России оказались совсем непростыми временами. По существу людям приходилось выживать, повсюду искать средства, чтобы прокормить себя и близких. Святославу Петрову пришлось содержать семью, поднимать своих мальчишек, один из которых учился в школе, а другой пошел по стопам отца, поступив в местный пединститут на факультет физкультуры и спорта. Оставшись вне футбола, Петров-старший, недолго думая, решил заняться лечебным массажем, которым он овладел еще в студенческие годы в институте, и время от времени подрабатывал себе на жизнь.

Потихоньку освоив азы акупунктуры и иглоукалывания, предписания вошедшей в моду тибетской медицины, Святослав Юрьевич стал вести прием всех желающих граждан у себя на дому. За лечение

особой платы с людей сам не требовал, если пациенты оставляли подарки и деньги, то их забирала и распоряжалась супруга. Вскоре в округе Петрова стали величать волхвом-целителем. Он не противился и даже литературой о русских волхвах стал интересоваться. Молва о проницательном народном врачевателе и искусном массажисте добралась даже до Москвы, записываться к нему надо было не менее, чем за неделю.

Святослав Юрьевич Петров со своим другом детства Федором Пашиным расстался почти 30 лет назад, когда тот ушел в армию. Сначала переписывались и даже созванивались. А потом Пашин неожиданно пропал. И вот уже лет двадцать как о своем товарище Петров не имел никаких вестей. Не раз он пробовал разыскать земляка, но безуспешно. «Его нет в России, за границу укатил, чего он там забыл?!» – сокрушался старший товарищ, в очередной раз получив один и тот же ответ из Москвы.

С тех давних времен утекло много времени. Но вот случилось так, что судьбы дворовых мальчишек вновь пересеклись в их родном городе. Они вновь встретились год назад, когда Пашин в очередной раз приехал в родной город навестить своих внуков. Как ни странно, неожиданная встреча произошла в городской бане, куда молодой дед пришел с внуками и своим зятем Иваном Русаком, отцом мальчишек. Петров уже лежал в парилке, забравшись на самый верхний жаркий ряд, когда в открывшуюся дверь вошла голая говорливая ватага из двух рослых ладно сложенных мужиков и еще двух пацанчиков.

– Дверь закрывайте, только подкинул! – пробурчал сверху Петров.

Ватага сразу смолкла, расположившись на порожках прочной деревянной лестницы, ведущей наверх парилки. Малышам было явно неуютно в жаре, они стали вертеться и шепотом просить деда и отца покинуть жаркое помещение. Иван Русак, переглянувшись с дедом, взял сразу обоих мальчишек себе по мышки и вышел наружу. Следом за ними вышло еще несколько человек. Сверху вновь послышалось:

– Земляк, поднимайся наверх, здесь теплей!

Голос показался очень знакомым. Его обладатель наверху остался один. Федор сел на противоположную лавку и отчего-то устремил взор на фигуру человека, лежавшего совсем неподалеку от него. Едкий пот катился по лбу и лицу, рукам и ногам. Между тем тело перевернулось, и тут знакомый голос ахнул:

– Федор, Пашин, мама родная! Ты откуда здесь взялся?

Друзья детства и юности, узнав друг друга, бросились в объятия друг к другу.

После того, как Пашин вернулся на малую родину, чтобы работать в обл администрации, друзья детства и юности стали регулярно по воскресеньям видеться за городом, в бане целителя, доставшейся ему в наследство от родителей. Русская парилка хотя и топилась по-старинному – дровами, – но уже имела немалые современные удобства. В моечном отсеке стояла душевая кабина и рукомойник, а значит и не надо было по-старинке обливаться ушатами с водой. В предбаннике можно было полежать на деревянном топчане, попить душистого чая – на столе стоял электросамовар, послушать трогательные мелодии детства и юности, которые неслись из компактного музыкального центра, стоявшего на подоконнике.

В тот зимний декабрьский день Пашин лежал на белоснежной простыне, постеленной на широком деревянном топчане. Его друг Святослав Петров исполнял свой уникальный ритуал массажа тела с использованием душистых настоев трав и масел. Звучала легкая душевная музыка. Рядом с топчаном на стуле лежал мобильник пациента. Сегодня гаджет почти все время молчал, не считая нескольких звонков от жены и из областной администрации. Сыновья Пашина не выходили на связь со вчерашнего вечера. «Ой, не нравится мне все это. Что-то случилось!» – невеселые мысли мучили отца. Он привстал и поудобнее положил руки под голову.

– Без самодеятельности, здесь команду я! – пробурчал массажист.

– Молчу!

– И не волнуйся ты так! Иначе от массажа никакого проку не будет! Что ты хочешь, молодые ребята, одни в Москве, после занятий в субботу решили погулять. Девчонки, развлечения... Надо же от учебы отдохнуть. Я бы с ума сошел – каждый день языки зубрить! Потом, сейчас воскресенье, отсыпаятся!

– У нас договоренность, быть на контакте по вечерам. Сколько раз позвонил, сколько эсмэсок послал! Ни слуху, ни духу! Ладно, давай о деле... – Пашин решил сменить тему разговора.

– Так бы сразу и сказал, ты опять про футбол. Я уже не при делах. Ты чего хотел-то?

– Надо областную футбольную команду возрождать. Ты же знаешь, как у нас футбол любят. В лучшие годы по десять–пятнадцать тысяч человек посещали матч на центральном стадионе.

– Больше! В высшей лиге, когда играли, то на стадионе мест не хватало. Пришлось расстраивать стадион и наращивать трибуны.

– Вот видишь, а ведь болельщики – это сила. В основном молодежь. Их бы объединить, сплотить и в созидательное русло направить. Горы можно свернуть!

– Не горячись! Тут и без тебя умники нашлись. Новые владельцы не только создали клуб болельщиков. Они добротное здание в три этажа нашли под него, прямо рядом со стадионом. Кучу народа туда посадили и по полной программе развернули работу с болельщиками. Рекламу собирают, торгуют литературой, сувенирной продукцией, атрибутикой и прочее.

– Ребята не промах!

– Не то слово! Говорят, на «договорниках» зарабатывают, перепродаже игроков. Немало местных ребят играет в украинских клубах. Сюда сбрасывается московский балласт. Еще слышал, что за «круглые» суммы устраивают в клуб играть детей богатых людей. Деньги возьмут, а потом пару лет таких игрунов на 10–15 минут выпускают поиграть. Народ все видит, смеется, болельщики перестают ходить на футбол...

– Слышал, что фанатов активно привлекают к политическим массовкам, бизнес-разборкам, рейдерским захватам?

– Ходят разные слухи, «сено–солома». В нашем Богом хранимом Отечестве не знаешь чему и кому верить!

– Что говорят о нынешних владельцах клуба?

– Раньше был Ходор, мать его так, известный московский бизнесмен! Такие чудеса творил! Футболом и не пахло! Бизнес делался на всем! Матчи продавались, футболистами торговали налево и направо, как крепостными. На стадионе устраивали безобразные шоу. Бензоколонки в области были у Ходора, крупнейшие торговые центры тоже. С его именем связывали спортивное издание и радиостанцию. Кругом Ходор! Я даже подписывался на его еженедельник, который о политике пишет не меньше, чем про спорт. В городе другой такой информированной газеты не было. Власть всю критикувал.

– Был да сплыл!

– Конечно, сколько веревочке не виться!.. Его посадили, но клуб оказался в других руках. Истинного хозяина не знают, говорят, что он с Украины. У него большие связи в Москве. И здесь, в городе, к нему перешли все активы Ходора.

– Имя его Колахметов. Он украинский олигарх. В Москве за ним числится клуб премьер-лиги. Я изучил эту тему. Где вот только раньше власть была?

– Ха! Теперь ты у нас власть, вот и реагируй!

– Для скромного целителя ты, Святослав Юрьевич, больно много рассуждаешь!

– Пациенты обо всем знают, общаться приходится. Ладно, хватит зубы мне заговаривать, давай переворачивайся на спину. Когда получаешь массаж, не то, что про политику не надо говорить, вообще молчать надо!

Пашин неспешно выполнил команду массажиста. Вытянул ноги, положил руки за голову.

– Будь по-твоему, сменим тему, перейдем от политики к женщинам. Не против?

– Я уже потерял интерес к противоположному полу, а ты женат. Так какой разговор?!

– Знаю, что здесь у Ходора в областном центре был большой интерес к женскому футболу.

– О, называется сменили тему! Впрочем, надо сказать, что местные девчата играют просто здорово! Нынешние мальчишки им в подметки не годятся. В России на чемпионате всех побеждают. Только сдается мне, что девчонки им не только в качестве футболисток нужны. Когда объявляется очередной набор в состав команды, толпы желающих собираются с заветной мечтой попасть играть в футбол.

– Сейчас это кастинг называется!

– Только вот в команду попадают немногие, а что происходит со многими другими – загадка! Из города они куда-то уезжают, говорят, что по контрактам играть в другие клубы, но не возвращаются.

– Интересно!

– Все девчонки, как на подбор, красавицы! Многие родители потом их годами с милицией ищут. Но владельцам женского клуба все сходит с рук. Думаю, хорошая поддержка во власти.

– Кто? Мэр, губернатор?

– Много знать хочешь, ты власть – вот и разбирайся!

– Помогите! Кто еще поможет, если не друг ...

– Я не в теме, это правда! – Святослав похлопал пациента по спине. – Повернись на бок, одну ногу под себя, и расслабься, очень тело напряжено. Учись расслабляться! По команде – вдох и выдох, – масса-

жист дал команду другу. Профессиональными быстрыми и сильными движениями сделал правку тела.

– Как самочувствие?

– В норме.

– Немного полежи и вставай, еще раз зайдем в парилку. Я пока дров подброшу.

В старой парилке царил полумрак. Хозяин лежал на верхнем полке, гость – на нижнем. Температура подбиралась к 100 градусам.

– Ну, ты и нагнал жары?

– Как обычно, до ста градусов!

– Ты мне лучше скажи, если тебе предложили вернуться в областной клуб на тренерскую работу, согласился бы?

– Ты меня застал врасплох. А кому это надо?

– Тебе, мне, болельщикам, футболистам. Это имидж и бренд области. Средства на развитие детского футбола.

– Во-первых, я уже в возрасте, сейчас время молодых. Во-вторых, меня туда никто не позовет! И наконец, тебе-то зачем?

– Футбол – это не только игра, бизнес и политика, но это еще и настроение тысяч людей – болельщиков и их семей. Можно сказать, последняя отдушина народа.

– А, хлеба и зрелищ, понятно!

– Все проще. Русский народ в депрессии, агрессии и апатии, разделен, угнетен, оскорблен. Надо его собирать и объединять. В политике не дадут, а здесь, в футболе, есть шанс. Как считаешь?

Петров сразу никак не отреагировал. Он не спеша слез с широкой банной полки вниз. Набрал в деревянный ковш горячей воды, добавил несколько капель из пузырька с настойкой и стал понемногу брызгать на камни. Запахло анисом, волны ядреного жесткого пара накрыли парильщиков. Они инстинктивно пригнули головы и замолкли.

– У-у-у, круто! – первым откликнулся гость.

– Помнишь, в юности, мужики под такой пар песню варяг запевали, дружно хором, – хозяин бани взял в обе руки по венику, березовый и дубовый. Жестом приказал Пашину лечь.

– Хорошо, ой, хорошо, спасибо, ну угодил, дай бог тебе здоровья!

Через несколько секунд парильщики дружно выскочили наружу из бани. На дворе стоял похожий солнечный морозный день. Голые мужики по снегу бросились к проруби, загодя прорубленной в небольшом пруду по соседству. Первым с головой под воду ушел Пашин.

Целитель в это время обтирался снегом. Нырнув по разу, они вновь бросились бегом обратно в парилку.

– Наверх залезай и ложись. Чтобы не заболеть, еще разок подкину и веничками пройдуся! – командовал старший по возрасту.

Следом за волной пара тело вновь стало обливаться потом. Святослав, почти не касаясь тела, сначала замахал березовыми вениками, а потом принялся хлестать по самым нужным местам разогретого тела. Когда Пашин выбрался наружу, пришло ощущение заново родившегося человека.

– Парилка удалась, нечего сказать!

Хозяину бани было приятно слышать эти слова от старого друга. Они, покрасневшиеся, наполовину завернутые в белоснежные простыни, пили душистый чай и молчали. Неожиданно зазвонил телефон. Пашин встал и отошел к окну, где была лучшая слышимость.

«Когда это случилось? Где они сейчас? Как себя чувствуют?» – по ходу разговора уточнял Пашин.

– Держите меня в курсе! – бросил разволновавшийся отец.

Святослав сразу понял, что звонок из Москвы, а речь идет о сыновьях Пашина. По лицу друга было видно, что с ребятами приключилась беда. Разговор прекратился. Пашин молча стал быстро одеваться.

– Ребята попали в милицию, сейчас на гауптвахте. Еду в Москву.

– Не горячись! Отложи до завтра!

– Спасибо за баню, дружище!

Глава 13

Сон в руку

Р асцвет еще не забрезжил, когда вражеская конница появилась на степном горизонте левобережья широкой русской реки, которая размеренно несла свои воды далеко на юг. Это был передовой отряд армии Хазарского каганата. Их набеги на русско-славянские племена всегда были неожиданными, вероломными и разорительными. Даже издалека было видно, что во главе конницы скакал предводитель. Это явно был представитель хазарской воинской элиты. Его выделяли шлем с сеткой-бармицей, кольчуга, ламеллярные кирасы. Другие хазарские всадники имели при себе мечи и копья, палаши и сабли, а также топоры и кистени.

С правого высокого берега, заросшего густой порослью деревьев, внимательно наблюдали за передвижением вражеских конников. По всему было видно, что хазары задумали с ходу форсировать реку вплавь на лошадях в том месте, где она заметно сужалась. Русские люди готовились спешно покинуть временное пристанище. Женщины помогали мужчинам собирать небогатый походный домашний скарб и другие пожитки. Действовали молча, перешептываясь в случае крайней необходимости. Лишь иногда детский плач возникал и тут же смолкал. Матери были начеку. Людям нельзя было себя обнаружить. Все понимали друг друга без лишних слов. Мужчины быстро надели на себя ратные доспехи, вооружились мечами, копьями, луками со стрелами. В считанные минуты они приготвилились отразить нападение непрошенных гостей.

Вовремя заметив маневр неприятеля, часть русской дружины во главе с самим князем Святославом Храбрым под прикрытием прибрежных зарослей пешим порядком выдвинулась к месту сужения реки. Первые кони уже достигли середины реки. Ярко светила луна, освещая плывущую конницу врага. Уже отчетливо слышались всплески воды, хрипы лошадей, чужестранная речь. Русские ратники замерли в ожидании команды, чтобы одновременно выпустить стрелы и забросать врага острыми копьями. В ожидании предстоящей схватки напряжение нарастало.

Молодой дружинник случайно поскользнулся на мокрой осоке и свалился в воду. Шум падающего тела и плеск воды мог обнару-

жить русскую засаду. Не ожидая команды, правый берег стал пускать стрелы и метать копья. В рядах противника началась паника и сумятица. Кони стали поворачивать назад, сталкиваясь с нападающими всадниками. Враг начал отстреливаться. С левого берега, где спешила вражеская конница, в сторону русской засады полетела туча ядовитых хазарских стрел. Одна из них попала в самое сердце молодого дружинника. К нему, прикрываясь щитом, на выручку бросился сам князь.

Вскрикнув от боли, Федор Михайлович Пашин проснулся. Схватился за грудь. Боли не было, но тело все дрожало. Он встряхнул головой. «Что за сон?! Лезет и лезет в голову история! Начитался литературы! Стрела в сердце – это что за знак? Как там мои ребята, сыновья, что с ними?».

Между тем жена уже проснулась:

– Ты вскрикнул, что-то нехорошее приснилось?

– Ерунда какая-то. Стрела попала прямо в сердце, – пробурчал супруг.

– Все воюешь! Говорила тебе, что в твоём возрасте пора лекарства принимать, – переживала за мужа Надежда.

Федор Михайлович стал быстро одеваться. Часы показывали без пяти минут три часа ночи. Зазвенел будильник. Он был включен на три часа. С момента, как он лег поспать, прошло четыре часа. Сегодня ему предстояло ехать в Москву.

– Ты же совсем не отдохнул! Как ты поедешь ночью на машине? Почему не на поезде. Вечером лег, заснул, а утром уже в Москве. Почему ты должен ехать на своей машине? Советнику губернатора могли бы машину с водителем дать!

– Не волнуйся! Я специально перед дорогой выспался.

– Что будешь есть? – продолжала заботиться жена.

– Ты же знаешь, я перед поездкой не ем, чтобы не заснуть, – улыбнувшись, муж чмокнул супругу в щеку.

Через полчаса старенький «Фольксваген Пассат» четвертой модели уже мчался по федеральной автомобильной дороге М-4 «Дон» в сторону Москвы. Чтобы не заснуть Пашин слушал музыку и новости. Московские СМИ продолжали комментировать события на Манежной площади в Москве.

Из телефонных разговоров с заместителем начальника военного вуза и начальником факультета, с которыми был лично знаком гене-

рал, Пашин уже знал, что его сыновей задержали за участие в событиях на «Манежке», участие в драке и оказание сопротивления сотрудникам милиции. Ситуация оказалась чрезвычайная. В отношении братьев Пашиных было возбуждено уголовное дело. Как стало известно, избитыми оказались дети влиятельных людей. Они добились того, чтобы дело было взято на особый контроль в МВД. Пришлось советнику в воскресный день беспокоить губернатора и звонить в Москву руководителю своей спецслужбы.

«Вот попали, так попали мои ребята, помоги, Господи!» – сокрушался отец.

К концу дня благодаря совместным усилиям курсантов передали в военную комендатуру. Руководитель спецслужбы, как и обещал, переговорил с МВД, где ему сообщили, что уголовное дело взято на контроль самим Царьковым Вениамином Ахметовичем. «У меня состоялся разговор с начальником Главка. Скорее всего, твоим ребятам незаконно шьют дело, они не виноваты. Теперь в МВД знают, что отец курсантов генерал и имеет отношение к нашей службе. Приезжай, будем разбираться!» – успокоили генерала в спецслужбе. Новый старший начальник Пашина отпустил подчиненного без разговоров и даже обещал поддержку.

Позади уже было полдороги. Но до рассвета еще было далеко. Долгими зимними ночами ехать было непросто. Тем не менее стрелка спидометра почти не снижалась ниже отметки в сто километров. Мысленно Пашин вновь и вновь возвращался к фамилии заместителя главы администрации президента: «Что, если он родственник тому чекисту из НКВД, который свел в могилу моих дедушку и бабушку? Свидимся!» – решил Пашин и мельком бросил взгляд на зеркало заднего вида. Фары машины, ехавшей следом, ослепили водителя. Он нажал на газ и прибавил в скорости. Стрелка спидометра ушла на отметку сто пятьдесят километров в час. Быстрее ехать было нельзя: «Зимняя дорога, поземку несет, старая машина, рисковать не буду», – про себя подумал Пашин. Невольно перекрестившись, он прошептал молитву: «Господи я в пути, ты меня благослови! Крест спереди сзади, а я в середине...».

Между тем задняя машина не отставала. Несмотря на яркий свет фар заднего автомобиля, в зеркале заднего вида угадывался внедорожник «Лэнд Крузер Прадо». «Фольксваген Пассат» сбросил скорость и включил правый поворот, показывая, что собрался остановиться. Задняя машина прибавила в скорости объехала передний автомобиль

и резко затормозила. Пашин едва успел остановиться. Впереди стоящая машина была без государственных регистрационных номеров. Почувствовав что-то неладное, генерал машинально вытащил из-под сиденья травматический пистолет ПМ-Т. Снял предохранитель, передернул затвор и положил оружие справа на свободное сиденье. Затем коротким движением включил заднюю передачу, отъехал назад и хотел уже резко рвануть вперед, как из «Лэнд Крузера Прадо» выскочил человек с автоматом и дал очередь по «Фольксвагену». Пашин на мгновение пригнул голову, резко нажал на газ и, открыв боковую дверь, выскочил из машины. Лежа на спине, он сделал несколько выстрелов по автоматчику. Тут же перекатился кубарем за своей машиной, которая врезалась в «Лэнд Крузер», и скатился вниз дороги. До соседней лесополосы было всего метров пятьдесят. Пригибаясь, петляя из стороны в сторону, он быстро достиг спасительных зарослей. «Кто? Что им надо от меня? Может с кем-то спутали? – неслось в голове генерала.

Люди из «Лэнд Крузера», а их было трое, вылезли из машины наружу. Затащили в кабину автоматчика, раненного из «травмата». Спрятавшись за столкнувшимися машинами, открыли огонь по лесополосе, где скрылся водителя. Они совсем не обращали внимания на проезжающие мимо машины, водители которых лишь прибавляли скорость, чтобы поскорее проехать мимо места ночной перестрелки. Из лесополосы ответных выстрелов не было. Тогда налетчики сели в машину и поехали к зарослям по следу человека.

Пашин, выйдя на другую сторону лесополосы, двигался параллельно автотрассе. Впереди просматривались контуры большого оврага. Снег был глубокий. «Преследовать на машине, пускай даже внедорожнике, вряд ли решатся. А так не возьмут, посмотрим, кто кого!» – генерал, будучи в сильном волнении и напряжении, уже готов был к любому развитию событий. Приблизившись к крутому оврагу, он кубарем покатился вниз. Преследователи бросились вслед. Раздалось несколько очередей из автомата. Со стороны дороги, наверное, казалось, что в округе идет охота на зверей.

Преследователи пошли по следам. Пашин по снегу с трудом добрался до сооружения мостового типа, возведенного на пересечении дороги с глубоким оврагом. Решение созрело само собой – выбраться на трассу и попытаться незаметно уехать в противоположную сторону от Москвы. Чтобы отдышаться и «сходить до ветра», он зашел за большую колонну виадука. Едва вздохнув с облегчением, услышал поблизости разговор своих преследователей:

– Брось эсэмэску водиле, пусть подъезжает к мосту.

Пашину стало ясно, что двое из троих налетчиков настигли его и готовы пустить в ход оружие. На раздумья оставались считанные секунды. Преследователи стояли за соседней бетонной колонной. Генерал положил в шапку булжик и бросил в сторону от противоположной колонны. Оттуда дружно ударили автоматы. Несколько секунд хватило, чтобы укрыться за ближайшим кустарником и зарыться в снег. Преследователи, вышедшие из-за колонны, оказались «как на ладони». «Только не промахнуться!» – подумал Пашин и несколько раз выстрелил. Один из автоматчиков упал сразу. Резиновая пуля попала ему в голову. Второй человек в темной куртке и вязанной шапочке стал беспорядочно палить. Из-за кустарника прозвучали еще два выстрела. Стрелок, уронив автомат, закрыл лицо руками и стал медленно опускаться на колени. Сквозь пальцы рук сочилась кровь.

Пашин по очереди подошел к лежащим мужчинам. Они были живы. Забрал автоматы, мобильные телефоны. Документов при них не имелось. Быстро выбрался наверх. Внедорожник налетчиков стоял на обочине. Незаметно сзади подобрался к водительской двери, резко открыл дверь и с силой выбросил на землю водителя. Взял из кабины автомат и наставил на него:

– Ключи?

– В машине, – испуганно ответил водила.

– Вниз под мост, бегом, марш!

Налетчик бросился спасаться бегством. Сделав несколько шагов в глубоком снегу, он упал, но тут же сложился и кубарем покатился вниз.

Пашин сложил трофеи в багажник. Обратил внимание на помятый бок «Лэнд Крузера» от столкновения с его «Фольксвагеном». Машина резко рванула с места. За рулем было комфортно. «Отличный автомобиль! Мне бы такой», – подумалось генералу. Состояние повышенного возбуждения не отступало. Спидометр показывал 160 километров в час. Проехав с десятков километров, «Лэнд Крузер» быстро развернулся на развязке и помчался в обратную сторону от Москвы. «Не будем рисковать, возможно, они связаны с ментами, а тогда меня могут остановить», – подумал бывший резидент. Машина притормозила и свернул с автобана направо, на второстепенную дорогу. Забрязжил зимний рассвет. Пошел снег. Включились стеклоочистители. В машине было тепло, за окном мелькали заснеженные поля и придорожные лесополосы, одетые в зимнее убранство.

«Кому же я понадобился? Зачем на меня напали? – эти вопросы неоступно крутились в голове генерала во время возвращения назад.

В Москву Федор Иванович улетел только на следующий день, утренним рейсом. Пока уладил все вопросы в милиции, где оставил заявление по факту нападения на него, организовал эвакуацию разбитого автомобиля с дороги, прошел день. Несколько раз звонил в Москву. Как и обещал руководитель спецслужбы, вечером ребят освободил из милиции. Но домой они сразу не попали. Ярослава и Георгия так избили, что братьев пришлось госпитализировать. Тем не менее отец и его сыновья впервые за несколько тревожных суток пообщались друг с другом. Ярослав и Георгий, как могли, успокаивали отца.

– Самочувствие нормальное, обойдется, только бы с учебы не выгнали! – все время повторял один сын. Георгий, который с малых лет по привычке называл отца «тятя», просил его ничего не говорить матери.

– Мы это дело так не оставим, поднимем прокуратуру, дойдем до президента, но менты и их покровители в Кремле будут наказаны! – этими словами отец завершил свой разговор с детьми.

Глава 14

Неслучайная встреча

Заседание Совета безопасности близилось к концу. Выступал заместитель министра МВД. Он был резко против, чтобы в связи с недавними событиями на Манежной площади в Москве провести тотальную зачистку так называемых «национал-экстремистов». «Надо бороться с причинами. Приезжие и мигранты в Москве должны соблюдать законы и правопорядок. Иначе Манежка раз за разом будет повторяться, если не в столице, то в других городах страны. И конечно, необходимо дальнейшее укрепление правоохранительных органов!» – этими словами генерал закончил свой доклад.

Молодой президент, как часто его называли между собой высокопоставленные чиновники Кремля, был явно раздражен. Ему не понравилась тональность выступления представителя МВД. До Совета безопасности он уже несколько раз заявил прессе о том, что государство будет вести беспощадную борьбу с любыми проявлениями национализма. Под этим понятием было принято понимать, прежде всего, попытки русско-славянского населения отстаивать свои права в России. Кратко подводя итоги заседания, он назвал организаторов массовых протестов русской молодежи в Москве «безответственными мерзавцами», у которых «нет ни мозгов, ни совести», и потребовал наказать их «по полной программе».

– Еще раз повторяю, все то, что я говорю, каждое мое слово отливается в граните, требует безукоснительного исполнения! Всем спасибо! – этими словами слегка полноватый человек небольшого роста, внешне смахивающий на последнего российского царя Николая II, закрыл мероприятие. Чиновники стали неспешно расходиться.

Царьков догнал руководителя пресс-службы, взял под руку и вкрадчиво заговорил:

– Тима, милая, как жива-здорова! Как всегда выглядишь изумительно!

Молодая красивая стройная дама лет тридцати сразу полуобернулась:

- Спасибо за комплимент. Приглашаешь пообедать?
- Такую роскошную женщину надо приглашать на ужин!
- Не про тебя!

– Конечно, иногда боюсь даже заговорить с главной фавориткой президента!

– Противный, это ты, наверное, главный распространитель слухов о нас с Николаем вторым, – пресс-секретарь президента притворно нахмурила свои тонкие брови.

– Как можно, как можно! – воскликнул Царьков.

– Знаю я тебя, известного интригана в политике и жизни. Меньше болтай, уже слухи о нашей свадьбе с президентом ходят.

– А я рад бы был, может, тогда бы смогла заметить меня – простого чиновника, безнадежно влюбленного в первую леди страны, без пяти минут!

– Дурак, кончай болтать! Муж всю ревнует.

– Ему то чего? Он же у тебя не по женской части!

– Зато ты, Царьков, ни одной юбки не пропустишь! Бабник какой-то! Серый кардинал, политический маньяк и редкостный ловелас!

– У меня к тебе дело, – не реагируя на нелицеприятную критику, Царьков перевел разговор на другую тему.

– Григорьев?

– Он самый!

– Пока его не вычислили. Интернет-издание, где чаще всего появлялись его публикации, закрыто. Редактор ничего сообщить не может. Его сотруднику бросали файлы с текстами, чаще всего из интернет-кафе.

– Врут! Думаю, они в курсе!

– Кстати, в последней публикации Григорьева речь шла о «сталинских кукловодах». Так вот, я обратила внимание на то, что наряду с товарищем Кагановичем была упомянута фамилия Царькова. Случайно, не твой родственник, Веня?

Однако Веня промолчал. Он всячески скрывал свои «чекистские корни». Статью Григорьева он внимательно изучил, надеясь по косвенным признакам вычислить автора. Однако тот ограничился лишь общими словами, когда речь шла о сталинских жертвах, зато персонально назвал вдохновителей и палачей террора, в том числе Кагановича и деда Царькова. Одна цитата из публикации Григорьева помощнику президента особенно врезалась в память. Автор писал: «В советской номенклатуре чекистам (ВЧК – ГПУ – НКВД – КГБ) была отведена роль большевистской инквизиции, охраняющей феодальный строй и режим в Кремле».

Мысли внука чекиста перебила его спутница:

– Веня, у меня нет больше времени с тобой болтать! Подключай ФСБ, там все лучшие специалисты в области кибербезопасности. Или закажи коммерсантам-айтишникам.

– Может быть! – сказал вслух Царьков, а про себя подумал: «А если Григорьев с Лубянки? И Рокшилбрайт так считает».

Коллеги по работе расстались.

Зазвонил телефон. Царькову звонила его секретарша из Кремля. Она хотела уточнить сегодняшний график работы шефа, чтобы сориентировать посетителей к нему.

– Всех переноси на другие дни!

Секретарша уточнила:

– Советника губернатора тоже переназначить? Он специально приехал к Вам из провинции. Насчет этого человека вам вчера вечером звонили.

– Ах, да, Пашин, генерал! Пускай идет ко мне в общественную приемную. Я там сегодня собирался быть во второй половине дня. Часиков на 18 назначь время, пятнадцать минут! – Царьков захлопнул крышку сотового телефона.

Звонок секретарши немного испортил настроение «серому кардиналу» Кремля. Он готовился вечером хорошо отдохнуть. Ему должны были сегодня привезти хорошенькую малолетку, восьмиклассницу. С утра его мысли были заняты предстоящим развлечением, а тут неожиданно возникла эта встреча с неким Пашиным. Сам Колахметов из Киева просил урегулировать конфликт с избиением его детей в Москве на Манежке. К тому же звонил знакомый генерал-полковник из одной уважаемой спецслужбы. Дали понять, что они своих не бросают – детей их человека не могут оставить в обиде. «Пашин дойдет до президента, что бы ему это не стоило, но своих сыновей, избитых до полусмерти в милиции, отстоит!» – этой фразой звонивший генерал окончил свой телефонный разговор по правительственной связи. Пришлось Царькову срочно наводить справки о генерале Пашине. «Интересно, что он там делает советником при губернаторе? Что за игру ведет спецслужба в Черноземье?» – размышлял опытный царедворец.

Уже за час до встречи Царькову позвонили из МВД и сообщили еще одну информацию о Федоре Михайловиче Пашине. Оказалось, что сутки назад по дороге в Москву советник губернатора подвергся нападению. Нападавшие блокировали машину Пашина, неизвестные напали на него с оружием, но он отстрелялся из

«травмата» и ушел. Жертв нет. Пашин подал заявление, возбуждено уголовное дело.

– Версия, что кто-то с ним хотел свести счеты! – этими словами высокий милицейский чин закончил свой короткий доклад по сотовому телефону.

– Случайно, не ваши ли люди решили его пугнуть, чтобы не ворошил дела об избииении его сыновей?

– Ну что Вы? Как можно о нас такое подумать! Мы следуем букве закона...

– До связи! – Царьков перебил докладчика.

Чиновник посмотрел на часы, до встречи оставалось десять минут, а он только что вышел из Белого дома, где принимал участие в заседании правительства. Он быстро соображал. Надо было незамедлительно осмыслить короткую реплику, брошенную на заседании в его адрес «папой». Таким именем высокопоставленные чиновники в Москве между собой называли бывшего президента, нынешнего премьер-министра. Фраза «Вениамин Ахметович, прошло время, а Вы так и не доложили мне о своей поездке в Давос!» не выходила из головы «серого кардинала». «Может быть, он знает о моей встрече с Рокшилбрайт? – это первое что пришло на ум Царькову. – Хуже, если он в курсе планов его устранения от власти!» – мучился в догадках заместитель главы администрации президента.

Тем временем советник губернатора Федор Михайлович Пашин уже прибыл по назначенному адресу по привычке за десять минут до начала встречи. Его встретила симпатичная немногословная девушка, которая провела через темный лестничный проход в светлую просторную приемную. Представилась:

– Меня зовут Мария, я помощник Вениамина Ахметовича Царькова. Что будете пить: чай, кофе, вино, виски?

– Стакан воды, если не затруднит, барышня!

– Без газа?

Гость утвердительно кивнул. В ответ секретарша мило улыбнулась. Встряхнула головой, поправив прическу. Но тут же неожиданно немного поморщила лоб, словно пытаясь что-то или кого-то припомнить. Девушка не спеша открыла бутылку и стала аккуратно наливать воду. В отражении настенного зеркала она заметила, что гость оторвал глаза от газеты, которую прихватил с собой, мельком бросил взгляд в ее сторону.

В эту минуту Пашин не мог понять причину особого интереса к девушке. «Ох, как хороша собой! Ну и что! Может, я ее где-то уже видел?».

Мария принесла воду.

– Вениамин Ахметович немного задерживается, просил подождать, – вежливо заметила Мария.

Неожиданно почувствовав интерес к девушке, Пашин профессионально уловил в словах и жестах девушки едва заметное удивление и появившееся смущение. Он и сам почувствовал некое возбуждение и одновременно волнение. Пашин не мог понять до конца, что на него больше подействовало: женское обаяние или предчувствие пугающей неизвестности от предстоящей встречи с ее шефом.

Молчание в приемной затянулось. Гость небольшими глотками отпивал воду и сосредоточенно читал газету. Секретарша, украдкой поглядывая на гостя, пыталась отыскать в Интернете на ноутбуке новые сведения о генерале. Но ничего нового девушка найти не могла. Однако интерес к гостю не спадал. Незнакомец, несмотря на свой возраст, еще не потерял своей мужской привлекательности. За последнее время, когда ее судьба оказалась связанной с Царьковым, который, казалось, уничтожил в Марии все живое, она впервые проявила неподдельный женский интерес к постороннему человеку. Первое, что секретарше пришло в голову, была мысль: «Совсем не похож на всех других посетителей Царькова! Какой-то настоящий, надежный и, наверное, добрый». Доброты и теплоты особенно не хватало Маше в ее нынешней московской жизни.

Царьков зашел в кабинет своей общественной приемной с улицы через отдельный вход. Сел за стол. Налил себе виски и залпом выпил. Быстро просмотрел документы. Затем открыл планшет с фотографиями девочки-подростка в голом виде. Он их уже видел. Но предвкушение сегодняшней случки заставило матерого ловеласа еще раз полюбоваться фотками. Взглянул на часы, и сразу же – на монитор камер слежения. Убедился, что Пашин находится в приемной. Гость, словно почувствовав какой-то взгляд со стороны, оторвался от чтения. Посмотрел на дверь кабинета, затем взглянул на секретаршу. От внимания Царькова не ушло, что генерал и девушка переглянувшись, взаимно мило и тепло улыбнулись друг другу. «Прямо любовь с первого взгляда! – подумал Царьков. – Посмотрим, что с тобой делать, генерал!» – хозяин включил селектор громкой связи на внутреннем телефоне:

– Мария, приглашай нашего гостя!

Так как Царьков опоздал, встреча началась на полчаса позже назначенного времени. Хозяин предложил присесть на диван возле столика. Мария на подносе принесла чай, конфеты и сухофрукты. Вениамин Ахметович вновь обратил внимание на то, что его секретарша была взволнована. Впервые за последние месяцы на ее лице проступил девичий румянец. Царьков заговорил первым:

– Мне докладывали, у Вас по дороге в Москву были неприятности. Что случилось?

– Сколько у нас времени для беседы?

– Располагайте, есть время.

Пашин коротко доложил обо всем произошедшем на трассе «Дон» и тут же перешел к главной теме разговора, как он считал:

– Моих сыновей забрали в милицию, завели уголовное дело и избили, стоит вопрос об их отчислении из вуза. Сейчас они в госпитале. Состояние здоровья Георгия особенно тяжелое. Я благодарен своим коллегам, что они договорились о встрече с Вами, Вениамин Ахметович. Знаю, Вы в курсе моей беды.

Федор Михайлович стих, ему не часто приходилось встречаться с чиновниками такого уровня и влияния, каким был Вениамин Царьков.

– Как и обещал вашим коллегам, я помогу решить все вопросы. Тем более у нас есть к Вам, Федор Михайлович, интересное предложение. В Кремле хотели бы Вас повысить до должности заместителя губернатора, – Царьков решил сразу «взять быка за рога» и перехватить инициативу. Это был его испытанный прием приручения строптивых чиновников и потенциальных оппонентов, а возможно и противников.

Пашин опешил и от удивления округлил глаза. Царьков, не дав гостю прийти в себя, сразу поставил перед ним новый вопрос:

– Одно условие, Федор Михайлович! – хозяин кабинета сделал паузу.

– Возьмете мою секретаршу в пресс-секретари. Она скоро оканчивает университет по специальности PR и журналистика. К тому же, она из наших мест – с берегов Дона. Мы же с Вами земляки! – Царьков продолжал удивлять гостя.

– Мария?

– Вот, ты даже имя ее запомнил сразу, – заместитель главы администрации президента неожиданно перешел на «ты».

– Вениамин Ахметович, нужно подумать, посоветоваться!

– Такие решения без советов с коллегами не принимаются – это, во-первых, а во-вторых, есть предложения, от которых не отказываются, генерал! – Царьков неожиданно стал строг и суров.

– Как мне поступить с сыновьями?

– Во-первых, всыпьте им по первое число за то, что оказались в ненужном месте, в ненужное время, в опасной компании с русскими националистами. Надеюсь, генерал спецслужбы, а заодно советник губернатора понимает, какая это опасность для многонациональной страны?

– Нет сомнения, разговор будет и не один, – примирительно ответил Пашин.

– Дело закрыто. Милиционеры, которые избивали ребят, будут уволены. За то, что ребята вступились за детей влиятельных родителей, которых избивали нацисты в центре Москвы, им особое спасибо. После лечения продолжают учебу. Вопросы?

– Хотел обратиться в прокуратуру, – неуверенно произнес Пашин.

– Незачем, все решено! Кстати, как диссертация идет, история страны – это очень интересно, – Царьков вновь умело переключил разговор на другую тему.

– Вышел на защиту. Научный руководитель предлагает готовить докторскую диссертацию.

– Наука – это хорошо. Будущее за инновациями и технологиями. Но для России надо сохранить стабильность. Ситуация в стране сложная. Русский экстремизм и сепаратизм не дремлют. Главное сейчас успешно сработать в регионах. Федеральным властям нужна активная и инициативная социальная опора в регионах, особенно в центре Черноземья. Как известно, здесь всегда были сильны националистические оппозиционные настроения. Задача кардинально изменить обстановку. На всех выборах власть должна иметь нужные результаты! В этом суть суверенной демократии!

После небольшой паузы Царьков резко оборвал ход беседы:

– Ко мне есть вопросы?

– Никак нет, спасибо за встречу! – почти по-военному ответил генерал.

Пожали руки. Заглянули друг другу в глаза. «Не прост этот Пашин!» – подумал Царьков. «Не дай бог, перейти такому дорогу, растопчет», – подумалось генералу. Тем не менее изобразив на лице по возможности естественную улыбку, круто повернулся и вышел. Ока-

завшись в приемной, встретился взглядами с Марией. В глазах девушки мелькнула грусть.

– До свидания, возможно, скорого! – загадочно сказал мужчина.

– Доброго пути! – секретарша попробовала сделать знак рукой, но тут же, спохватившись, остановилась. Слева и справа, сверху за ее действиями пристально следили зрочки камер наблюдения. Едва гость ушел, в дверях показался хозяин кабинета. Подозрительно посмотрев на свою секретаршу, он пренебрежительно ухмыльнулся и холодно произнес:

– Не расслабляйся! Готовь новенькую к свиданию. Буду через десять минут.

Выйдя наружу, Пашин вздохнул полной грудью. Морозный воздух сразу взбодрил. Поправил на голове шапку, поправил шарф. Поднял голову и посмотрел в небо. Сквозь облака пробивался блеск звезд. «Жизнь продолжается! Бороться и искать, найти и не сдаваться!» – Федору Михайловичу невольно вспомнились слова Саши Григорьева, главного героя его любимой с детства книги «Два капитана». И неслучайно генерала очень тревожила информация о том, что на журналиста под псевдонимом «Александр Григорьев», за которым скрывался Федор Михайлович Пашин, началась настоящая охота. Интернет-ресурс, который публиковал первым острые статьи Григорьева, оказался закрытым, а редактор – безработным.

После встречи с московским чиновником было о чем поразмышлять на досуге. Мысль о неслучайной встрече с прямым потомком убийцы его бабки и деда все больше терзала Пашина. Достав мобильник, Федор Михайлович позвонил домой. Разговор с женой немного успокоил его. Надя вернулась из госпиталя. Георгий быстро шел на поправку. Не терял оптимизма и Ярослав. Дома мужа ждал вкусный ужин. Надя запекла в духовке форель, пожарила кабачки и приготовила греческий салат. Пашин поспешил в метро. Следом за ним побежали новые растрепанные мысли, и были они связаны с сегодняшним знакомством с девушкой по имени Мария.

Глава 15

Любовь зла

В милиции братьев Пашиных избили так, что Ярослав только через две недели смог приступить к занятиям в военном вузе, а Георгий, которому отбили все внутренности и сломали руку, полностью оправился лишь спустя два месяца. Оказалось, что за это время «много воды утекло». В жизни Георгия произошли серьезные изменения. В военный вуз, как ни противились родители, он уже больше не вернулся.

Все началось с того, что на Рождество в военный госпиталь к Пашину неожиданно нагрянула Диана Колахметова. По звонку сверху она в сопровождении охранника и дежурного врача прошла в палату, где курсант, весь обмотанный бинтами, лежал вместе с еще несколькими военнослужащими. Дежурный врач любезно открыл дверь и жестом указал на кровать у окна. Появление яркой брюнетки не могло не вызвать всплеска эмоций в палате. Однако дежурный сразу вмешался в ситуацию и предложил военным, одетым в одинаковую сине-коричневую больничную робу, освободить палату.

Увидев красивую девушку, Пашин попытался приподняться в постели, но дежурный врач остановил его:

– Георгий, Вам не надо двигаться!

Он предложил девушке стул. Диана обернулась назад, давая понять, что хотела бы поговорить наедине с курсантом. Охранник оставил два больших пакета с подарками, положил на тумбочку цветы и вышел.

– Здравствуй, Георгий! Вы, наверное, не помните меня? – неуверенно проговорила брюнетка. На ее красивом с яркой подкраской лице появились признаки смущения.

– Здравствуйте, – юноша застенялся своего положения и внешнего вида и побольше натянул одеяло на себя.

Диана присела на край стула.

– Георгий, я приехала из Киева. Хочу поблагодарить за спасение. Тогда на Манежной площади было очень страшно. Спасибо. Какая нужна помощь?

– Нет, не надо! – еще больше засмутился курсант и отвернулся к стенке.

Трудно было понять – или он чувствовал себя плохо, или не хотел общаться, но разговор в этот день не получился. Диана была вынуждена уйти. Однако парень ей понравился и девушка решила не отступать. Вечером она улетела в Киев, но уже через пару дней Георгия Пашина перевели в госпиталь имени Бурденко, выделили отдельную палату, назначили эффективное лечение. Через месяц курсант уже мог вставать и самостоятельно передвигаться. Однако на звонки по мобильному телефону, который ему оставила киевлянка, он не отвечал. Вскоре мобильник замер, так как разрядилась батарея.

Диана вновь прилетала в Москву в начале февраля. Никуда не езжая, она сразу поехала в госпиталь. Стоял погожий морозный зимний день. Оставив у входа охранника, девушка подошла к палате и открыла дверь. Отец и сын, переглянувшись, просто онемели.

– Добрый день, Георгий! Я рада, что ты в полном здравии. Можно тебя обнять? – девушка обращалась к парню на «ты». Она приблизилась вплотную и поцеловала в щеку, оставив шлейф свежего запаха барбариса и еще каких-то душистых ароматов.

Георгий, застеснявшись, опустил голову. Ему явно было неловко в компании с такой роскошной девушкой, упакованной по последнему слову моды. На выручку пришел отец:

– Здравствуйте, очаровательная незнакомка, вернее милая Диана. Мы уже слышаны о той заботе, которую Вы проявляете к нашему сыну. Меня зовут Федор Михайлович. Но нас такая благотворительность пугает, чем этот курсант заслужил такое Ваше внимание, признавайтесь? – игриво вел разговор старший Пашин.

– Он просто спас меня, моего брата и нашего приятеля от расправы в Москве в декабре прошлого года на Манежной площади.

– Интересно, сын, но я совсем не в курсе, – отец вопросительно посмотрел на своего сына. – Диана, рассказывайте, я должен все знать!

Диана с радостью пересказала историю их знакомства с курсантами, про милицию. Она не забыла напомнить о том, как Георгий бережно поднял ее с асфальта и поставил на ноги.

– А еще он мне сказал, что до свадьбы все заживет!

– Это уже интересно! Так ты у меня герой, Георгий! – по-доброму, по-отцовски, взглянув на сына, старший Пашин на мгновение задумался. Георгий, немного смутившись, отвернулся к окну.

– Только так красивых девушек не встречают, мил человек! Думаю, у вас есть о чем поговорить! Давайте присядем!

Старший Пашин любезно подставил стул девушке. Немного смутившись, Диана села. Георгий опустился на край кровати. Нити разговора взял в свои руки отец. Через несколько минут в больничной палате завязалась оживленная беседа. Диана улыбалась, от души смеялась, реагируя на шутки и прибаутки Федора Михайловича. Юноша со все возрастающим интересом исподлобья разглядывал привлекательную киевлянку. «Смазливая мордашка, стройная фигура, модный прикид, связи родителей, короче, все при ней! Чего тебе еще надо!» – Георгий мысленно вспомнил слова старлея из соседней палаты, с которым сдружился за последние две недели. Он, не скрывая, завидовал курсанту, даже пытался познакомиться с киевлянкой.

«Вот отец дает! Откуда столько красноречия?!» – удивлялся сын. Когда речь вновь зашла об истории знакомства с девушкой, он неожиданно встрял в разговор:

– Диана, не надо нас с братом зря нахваливать. На нашем месте, если обижают женщину, любой мужчина также поступил бы!

Старший Пашин понял, что ему нужно уходить, чтобы оставить молодежь наедине друг с другом. Он встал.

– Извините, мне пора! Выздоровлявай, учеба не будет тебя ждать! – проронил отец.

Обнял сына. Подошел к жгучей брюнетке, заглянул в ее большие карие глаза. Увидев в них блеск искренности и радости, взял теплую руку и поцеловал ее. Попрощались. «Неплохая дивчина. Толька других кровей будет. А дерево надо рубить по себе, сынок!» – на ходу невесело подумал Пашин, закрывая за собой дверь в палату.

Между тем, с легкой руки Федора Михайловича, отношения между Дианой и Георгием закрутились с такой невероятной скоростью, что отец не успевал ссориться и ругаться со своим взрослым сыном. Первым ударом для семьи Пашиных стало решение парня бросить военный вуз, вторым – его намерение уехать на Украину, чтобы на профессиональном уровне начать играть в футбол. И хотя к тому времени удалось навести справки и узнать обо всех возможностях Рината Леонидовича Колахметова, который оказался отцом очаровательной брюнетки, старший Пашин твердо стоял на своем:

– Твой жизненный путь – это армия! Не позорь мои седины! Не делай того, о чем придется сожалеть потом.

Однако Георгий никак не хотел внять уговорам и просьбам отца. В марте состоялась его новая встреча в Москве с Дианой. Девушка пригласила парня к себе в свои московские апартаменты, из окон которых

открывался прекрасный обзор достопримечательностей московской столицы.

– Видишь, там, вдали, начинается Манежная площадь, мы там с тобой первый раз встретились! – хозяйка пятикомнатной двухуровневой квартиры показала рукой в сторону горящих звезд Московского кремля.

Георгий, пораженный роскошью современных апартаментов, не зная как реагировать, больше молчал, чем говорил.

– Ну что ты все время молчишь? Молчун какой-то! Завтра хочу познакомить тебя с папой! Понимаешь, что все очень серьезно?!

– Да, конечно!

– Я тебе нравлюсь? Нет, ты меня любишь? – брюнетка потребовала прямого мужского признания в своих чувствах.

– Да, очень! – только и успел произнести юноша, как оказался в горячих женских объятиях. Их первый поцелуй был жаркий и длинный. Изысканные яства и дорогостоящие бутылки на стильно сервированном столе так и остались нетронутыми. Буквально сорвав с себя одежду, Георгий и Диана медленно опустились на пол, на полосатую шкуру гепарда. Стоя на коленях, они на какое-то мгновение замерли, впившись друг в друга горящими взглядами, а затем, как по команде, вновь бросились в объятия. Их дрожащие губы и голые тела слились в страстном порыве горячего секса. В спальню парочка перебралась, когда было далеко за полночь, а заснуть смогла только под утро. Им казалось, что взаимным желаниям не будет конца.

Страстных любовников разбудил звук открывающихся дверей. На пороге спальни в верхней одежде, черной дубленке, но без шапки стоял сам Колахметов.

– Долго спим, молодежь? Уже полдень, встреча со мной была назначена на 12.00. Жду десять минут!

– Папа, выйди, я стесняюсь! – дочь натянула на себя одеяло, накрыв с головой рядом лежащего мужчину.

– Надеюсь, дочка, нам в этот раз не придется тебе восстанавливать невинность?

– Выйди, пожалуйста! – разозлилась дочь.

Ринат Леонидович вышел из спальни. В эту минуту он смолчал, но зол был на дочь, пожалуй, не меньше. Обижаться на любимое чадо было отчего. Первый раз Диана выскочила замуж в неполные семнадцать лет. Брак продлился недолго. Закончился разводом и абортom.

Но уже через год дочь вновь решила выйти замуж. Ее новым экзотическим увлечением стал африканец, сын богатого человека из Судана, с которым у Колахметова завязался оружейный бизнес. Поэтому Ринат Леонидович особо не возражал против свадьбы с молодым дипломатом. Правда, пришлось дочери помочь с получением нового паспорта, в котором уже не было штампа из ЗАГСа о первом ее замужестве. Заодно, реагируя на пожелание отца дипломата, восстановить дочери ранее потерянную девственность. С африканцем Диана тоже не смогла долго жить вместе. Не прошло и года, как молодые расстались. «Хорошо, что без детей обошлось!» – Ринат Леонидович, хотя и слыл известным космополитом, но даже в страшном сне не мог себе представить, что его внуки будут неграми.

Дальше было много разных увлечений. Артист, культурист, депутат, два бизнесмена, автогонщик – вот далеко не полный перечень претендентов на любовные утехы с Дианой, которых Ринат Леонидович сам застиг в постели своей дочери. А сколько денег ушло на аборт и лечение от венерических и других болезней, небедный родитель даже и вспоминать не хотел. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Однажды, когда Колахметов взял с собой в очередной раз дочь в Москву, в загородном доме Вениамина Царькова, влиятельного кремлевского чиновника, на Диану положил глаз его сын.

«Кстати, чем они не пара?! – партнер Колахметова по политике, бизнесу и футболу протянул тому руку, когда они остались одни, чтобы обмыть очередную удачную сделку. – Есть такое слово помолвка!» – несказанно обрадовался Ринат Леонидович.

Дети встречались редко и то под контролем Тимура, брата Дианы. Его задача была не допустить досрочной близости уже помолвленной пары. Кстати, когда случилась драка на «Манежке» и Диана с братом срочно тогда улетела к отцу в Киев, сын Царькова собирался уединиться с киевлянкой, чтобы до конца определиться со своим новым выбором. Об этом Ринату Леонидовичу сразу поведал Тимур. Отец тогда не стал больше затягивать время, чтобы не потерять своего московского партнера, уложил дочь в германскую клинику, где ей в очередной раз вернули невинность.

– Теперь, дочка, нам не страшен никакой серый волк! – заметил Колахметов, когда встречал чартер из Ганновера.

– Конечно, обрадовал! Мне что, теперь умереть без мужика?

– Потерпи! Осталось немного! Свадьба назначена на весну! Такую тебе, дочь, свадьбу забабахая, весь мир ахнет! Президент Украины бу-

дет, министры, послы, высокопоставленные особы из Европы и России, отец негра твоего!

– Нашел, кого вспомнить, до сих пор не могу отойти от африканских диких ласк и ревности!

– Это твой выбор был, моя дорогая!

– Конечно, подсунул меня под этого урода, видишь ли у тебя оружейный бизнес выгорал! Твои слова?

– Да, это мой партнер по бизнесу! Тебе что, мало развлечений, тряпок, бабок и цацок перепадает! Молчи! Вопрос закрыт!

– Я его не люблю!

– Надо же, она его не любит! Какая тебе любовь нужна, детей родишь, и гуляй себе дальше!

– Не рожу! В клинике сказали, что у меня не будет детей!

– Вот, шалава, доигралась – сто абортот, сто партнеров, сто болезней! Для чего у тебя жопа есть, используй по назначению, а ты все передком норовишь в рай попасть!

– Дурак, что ты такое говоришь, ты же отец мне родной!

– Заткнись, сука, проститутка несусветная! Сказал и все, точка! Блуди себя и готовься к свадьбе! Тимур за тобой присмотрит! А дети будут, не горюй! Вылечим и тебя, а нет – из пробирки родишь!

– Не хочу из пробирки, хочу своих настоящих, родных! – дочь разрыдалась.

Отец испугался, что может начаться припадок. Диана с 14 лет находилась под наблюдением психиатра. Колахметов принялся успокаивать свое любимое дитя.

– Доченька, милая, родная, не плачь, умоляю! Тебе совсем нельзя нервничать! Только положительные эмоции. Что тебе купить? Сейчас поедем в ресторан, посидим, поужинаем, поохаем! – Ринат Леонидович обнял дочку, стал нежно поглаживать ее волосы. – С баблом, дочка, любой вопрос решим! Вот, видишь, ты у меня опять в девственницах! Кстати, я сам пальцем деланный, как в народе принято говорить. Зато смотри, каких высот достиг. Жив-здоров, спортом занимаюсь, еще и на девок молодых западаю! Только матери не говори, молчок! – попытался пошутить отец.

Глава 16

Мечты сбываются

В жизни влиятельных богатых людей родственные связи имеют особое значение. Поэтому далеко не каждого можно пустить в ближний круг, если даже речь пойдет о большой и светлой любви. Пословица «рубить дерево по себе», а вернее выбирай себе ровню при женитьбе, в семействе Колахметова Рината Леонидовича не была пустым звуком. И хотя сам он срубил дерево не по себе, женившись на дочери высокопоставленного партийного функционера, своих детей он с малых лет приучал думать о достойных партиях.

И вот, когда казалось, что все складывается, как нельзя лучше, свадебная партия с сыном влиятельного москвича должна вот-вот состояться, как грянул гром. Диана Колахметова, первая невеста Киева, увлеклась одним из двух московских курсантов, которые отбили ее от хулиганов. «Лучше бы не вмешивался и не помогал этим курсантам выйти на волю из милиции!» – вновь мысленно пожалел Ринат Леонидович. Правда, он немного успокоился, когда навел справки о родителях Георгия. «Генерал, заместитель губернатора области – не слабый ресурс для моих российских проектов!» – решил про себя украинский олигарх и тут же вспомнил, что, по словам Дианы, курсант бредит футболом. «Что ж, сделаем из него звезду, а там посмотрим, за кого выйдет замуж Диана. Царьков есть Царьков, такими женихами не разбрасываются!».

Колахметов хотел уже открыть крышку своего мобильного телефона, чтобы позвонить своему московскому партнеру и договориться о встрече: «Надо же что-то объяснять свояку о новой выходке дочери! Скажу, приболела, то-се, надо время, а там все само собой рассосется! Разрулим, где наша не пропадала!» – успокоил себя олигарх. Однако в этот момент двери комнаты открылись. В просторную гостиную влетела счастливая Диана. Отец никогда не видел такой радостной дочери. Она буквально вся светилась. Следом за ней покорно брел ее новый избранник. Он был явно смущен при виде отца возлюбленной.

- Папа, это мой Георгий! Мы любим друг друга!
- Ринат Леонидович, садись, гостем будешь!

Георгий не стал садиться.

– Стой, больше информации в тебя влезет! – Ринат Леонидович вел себя бесцеремонно.

Разговор продолжался недолго. Колахметов сразу заметил крестик на груди у парня, выскочивший из-под футболки наружу.

– Христианин?

– Православный! – спокойно ответил Георгий.

Колахметов слегка усмехнулся, бросил недоверчивый взгляд на дочь. Поинтересовался о родителях и других родственниках. Еще раз вспомнили Манежку. По причине предстоящей свадьбы дочери с отпрыском Царькова об отношениях его дочери и курсанта говорить олигарху не хотелось. А потому Ринат Леонидович заговорил о футболе. Он увидел, как сразу загорелись глаза курсанта. Они говорили на одном футбольном языке. Молодой человек был в курсе всех футбольных событий и тем. Парень ему явно нравился, хотя и были вские причины его одним разом отвадить от дочери. «Еще не вечер!» – подумал Колахметов.

– Сколько лет проиграл в футбол! – спросил он гостя.

– С 10 лет в детской спортивной школе. Имею первый разряд.

– Не густо! Сейчас играешь, регулярно?

– 2–3 раза в неделю.

– Хочешь играть в большом футболе?

– Где?

– Где, где... в «звезде». В российской или украинской премьер-лиге!

– Как? Не может быть!

– Мечты сбываются, мальчик, если будешь делать, как я скажу. Усек, Васек?! – захохотал Колахметов. Его смех был таким неподдельным и заразительным, что Георгий невольно заулыбался.

– Все будет тип-топ! Помогу с кастингом, просмотром, проплачу, если надо, чтобы дорогу в большой футбол тебе проторить.

– Я с радостью, но пока еще служу, хотя хочу уйти из вуза. Мне кажется, что это не мое дело.

– В армию не загремишь?

– Нет, учеба в военном вузе идет в зачет армейской службы, – по-военному доложил Георгий.

– Ну, а отец твой, генерал, что думает по этому поводу?

– Нет, нет, он категорически против ухода из армии, – Георгий сморщил брови.

– И что будем делать? Футбол или армия?

– Футбол, футбол, папочка! – Диана повисла на шее своего нового возлюбленного.

Колахметов перевел свой вопросительный взгляд на юношу.

– Футбол! – кивнул Георгий. В его душе и сознании творилось что-то невообразимое.

– Ура! Мы будем жить в Киеве, вместе! – радостно закричала Диана.

В эту минуту старший Колахметов неожиданно для себя понял, что у его дочери в этот раз отношения всерьез и могут быстро не закончиться. И тогда он сделал конкретное предложение, от которого молодому человеку отказаться было совсем непросто. Он с ходу пригласил юношу в Киев, пообещал помочь устроиться в один из украинских знаменитых футбольных клубов. Сразу оговорил вопрос о проживании, сказав, что можно будет поселиться и жить на тренировочной базе. А когда отец Дианы назвал сумму гонорара, у курсанта от изобилия фантастических перспектив в это мгновение чуть не подкосились ноги.

– Мечты сбываются, курсант! Надо только поймать за хвост птицу удачи или поймать «золотую рыбку»! Твоя «рыбка» – сама Диана Колахметова, не упусти ее!

– Спасибо, – едва промолвил Георгий.

– Какие еще пожелания будут, товарищ курсант?

– Папочка, когда будет наша свадьба? – в разговор вновь вмешалась дочь.

– Не спеши лыдки драть, доченька! Если ты помнишь, у тебя есть другой московский жених и скоро свадьба!

– Нет, я не хочу, я люблю его!

– А что скажет товарищ Пашин? – Колахметов попытался подражать Сталину.

– Папочка, зачем ты так? – явно нервничала дочь.

– Мне хотелось бы, чтобы Вы переговорили с моим отцом! – проронил Пашин.

– Сено к лошади не ходит! Скажи, что ты думаешь о свадьбе, герой уличных боев!

– Я люблю Диану!

– Ура, папочка, я такая счастливая. Я вас всех люблю, мои родные! – дочь сначала бросилась на шею к юноше и поцеловала его в губы, а затем повисла на отце.

Колахметов недовольно повел бровями, поморщил лоб. Свою беспутную дочь он любил больше жизни. Ради нее готов был пере-

вернуть весь мир, хотя и мог в ее адрес отпустить весьма нелицеприятные грубости и колкости. «Задала ты мне задачку, дочь! – мыслил олигарх, глядя как милуются молодые люди, стоя рядом с ним. Такой счастливой он давно уже не видел свою девочку. – Чего только не сделаешь ради дочки!» – олигарх набрал нужный номер телефона, встал из кресла и молча направился к выходу.

После отъезда в Киев Дианы и ее отца, Георгию предстояла непростая встреча со своими родителями. Они приехали в Москву лишь через две недели, так как отец был очень занят, а по телефону младший Пашин не решился говорить о предложениях Колахметова. Жесткий мужской разговор состоялся на кухне при закрытых дверях. Взрослый сын как мог уверял отца, что он всю жизнь мечтал попасть в большой футбол. За дверями кухни не находила себе место бедная мать. Она постоянно молилась, просила Бога вразумить ее любимого сыночка.

– Папа, пойми меня, я сразу включаюсь в тренировочный процесс, через пару месяцев, по готовности, попаду в основной состав, буду играть в чемпионате Украины. Дай мне шанс испытать себя, попробовать свои силы!

– Но ты же только что из госпиталя вышел, ты же весь растренированный, кому ты нужен? На что ты собираешься жить в Киеве? Кто тебе разрешит выезд из страны, если ты учился в режимном вузе?

– Диана сказала, что ее отец сделает все, чтобы помочь мне. Он влиятельный человек, у него связи не только в Киеве, но и в Москве. Кстати, он владелец не одного футбольного клуба. Мне сразу начнут платить деньги, о которых можно только мечтать в нынешней жизни. И главное, папа, я люблю Диану, мы хотим с ней пожениться!

– Ты с ума сошел! Диана тебе не пара! Колахметов – олигарх, наш заклятый враг! Ты же знаешь все! Пойми, гусь свинье не товарищ!

– Знаю, папа!

– Ты идешь в примаки – в семью, откуда так просто нет обратного хода! Или пан или пропал!

– Пан, папа! Я добьюсь своего! А от Дианы я действительно сошел с ума! Это правда! Прости меня, тятя! – сын назвал отца так, как он это всегда делал в детстве.

Пашин-старший давно уже не выходил так из себя. Он только сильнее стискивал зубы и крутил головой.

– Папа, родной, понимаю все твои опасения, но ничего не могу поделать, это выше моих сил! Благослови, если сможешь! – глаза парня повлажнели. Он попытался заключить родителя в свои объятия.

Но отец отстранился и сделал шаг назад:

– У меня нет больше сына!

– Папа, папочка, не надо! – заорал сын, на его глазах выступили слезы.

В кухню влетела мать, ее волосы были распущены. Она все слышала. Ее материнское сердце не выдержало. Надежда не плакала, а стонала. Вначале она подошла к мужу:

– Прости его! Не бери греха на себя! Это наш сын!

Однако старший Пашин словно весь онемел, он тупо смотрел в сторону кухонного окна. Мать бросилась к сыну, прижала его к себе:

– Проси у отца прощения! Я тебя никуда не отпущу! Нельзя без отцовского благословения!

Георгий попытался успокоить мать, но она слегка отстранившись, опустилась на колени перед иконой, расположенной под потолком в верхнем углу комнаты. Надежда стонала и молилась. По ее лицу текли слезы горечи. Отец и сын смиренно оставались стоять в кухне. Но их взгляды были устремлены в разные стороны.

Глава 17

Джинн в бутылке

В этот раз большой кремлевский чиновник не стал препятствовать проведению «Русского марша» в Москве. Вениамин Ахметович Царьков был полностью согласен со своей заморской покровительницей мадам Рокшилбрайт в том, что в деле отстранения от власти бывшего президента, нынешнего главы Белого дома не обойтись без массовых уличных выступлений. Причем, как на последней встрече в предместьях Берна дала понять баронесса, пора задействовать русский фактор. «Твои бездарные либералы полностью обанкротились, они больше ни на что не способны, придется начинать игру с русскими националистами. Но делать это надо очень осторожно, чтобы не выпустить джинна из бутылки. Иначе, никому мало не покажется!» – подытожила тогда баронесса свой разговор с визитером из Москвы. Царьков невольно вспомнил, как немолодая женщина грозно помахала своим пухлым пальцем прямо перед его носом. Чиновник невольно сморщился.

Вениамин Ахметович был не только поэтом-песенником, мастером художественного слова, сатириком по происхождению, но и очень любил историю, особенно русскую. Он был согласен с теми русофобами, кто считал Россию «тысячелетней работой». И правда, на протяжении всей истории русско-славянское большинство оставалось наиболее эксплуатируемой и дискриминируемой частью общества, а потому во многом отчужденной от власти. По его мнению, оно во все времена использовалось в качестве строительного материала для построения, укрепления и расширения границ многовековой империи. Русские крестьяне, а вернее христиане, служили «пушечным мясом» в многочисленных войнах, в которых участвовала антирусская царская власть. С интересом вникнув в историю, Царьков уяснил для себя значение смысла «дураки» и «дороги», как извечной российской беды. «Дураки во власти – это наш брат-чужеземец, который завсегда чувствовал себя временщиком, а потому правил ради своей корысти, а не интересов страны. Ну а хороших дорог в России в принципе не может быть, ведь такую огромную территорию не под силу обустроить ни одному народу!» – не раз размышлял про себя он.

Либеральные реформы последнего двадцатилетия также сильно обездолили и обескровили многострадальный русский этнос, окончательно повергли его в депрессию, напрочь отвернули от московских правителей и их ставленников в регионах. Поэтому в русской среде давно уже созрели и перезрели протестные настроения. «Им бы настоящих вожаков, немного финансовой и информационной поддержки и тогда от либералов во власти духа не останется! Чемодан, аэропорт, Европа!» – с содроганием подумал кремлевский чиновник, в который раз перечитывая интернет-публикацию. В ней автор, подписавшийся женским именем, представил развернутый анализ состояния русского национального движения и его перспектив. Он в частности, высказывал опасения в том, что «беспощадный русский бунт», русское движение может быть использовано прозападными либеральными силами в качестве тарана для нового разрушения России.

Публикация была явно приурочена к дате, когда по традиции по всей стране должны были пройти мероприятия «Русского марша». Но не только содержание статьи встревожило Вениамина Ахметовича. О любопытном тексте ему было доложено еще неделю назад, а сегодня утром он получил очередную порцию материалов от своего человека из одной областной администрации. Мария, которую он специально пристроил работать к заместителю главы региона Федору Михайловичу Пашину, по обыкновению просматривая электронную почту и все бумаги своего шефа на столе в его кабинете, обнаружила тот самый злополучный текст с упоминанием фамилиями Царькова. Но самое интересное было не в этом. В досье оказалась распечатка электронных ссылок зама главы администрации, в том числе на глаза сразу попала ссылка от редактора одного московского интернет-ресурса с ссылкой из редакции с пометкой «статья опубликована».

Кремлевский чиновник даже подпрыгнул на своем вращающемся кресле: «Не может быть! Это же новое сетевое издание того самого редактора, прежний сайт которого был закрыт из-за публикаций Александра Григорьева, открыто писавшего про «мировую закулису» и упоминавшего не раз мое имя. И вот новая статья, только подписанная женским именем. Наверняка псевдоним! Интересно получается! Есть над чем задуматься. Ай да Машка, молодчина! – мысленно радовался Царьков. Он встал из-за стола. – Надо позвонить!» – он открыл крышку телефона и набрал нужный номер.

Поговорив со своим московским шефом, Мария не знала радоваться ли ей или огорчаться. С одной стороны, Царьков пообещал

ей бесплатную туристическую поездку в Испанию на две недели, а через пару месяцев обратно забрать в Москву, а с другой, – девушка чувствовала за собой вину, которая все больше и больше мучала ее девичью душу. Она не понимала, что с ней происходит. С каждым днем ей был все более симпатичен Федор Михайлович. Еще совсем не старый, моложавый статный мужчина ей понравился сразу с первого дня их знакомства в Москве. Но чем чаще Мария с ним общалась, тем больше проникалась к своему шефу доверием и симпатией. Иногда ей казалось, что она влюбилась. Каждое утро она спешила на работу, чтобы увидеться и пообщаться. Она искренне улыбалась, даже проявляла заботу, хотела всячески услужить Федору Михайловичу, а он отвечал ей сдержанной взаимностью – весело шутил, подбадривал, всегда благодарил, нередко помогал в решении житейских вопросов.

В телефонных разговорах сверхрамоватый и циничный Царьков не раз напоминал девушке о том, что ее рабочий день должен начинаться и заканчиваться очередной близостью с генералом. Но Мария брезгливо гнала эту мысль от себя, хотя и продолжала жить в постоянном страхе, так и не забыв садистских надругательств над собой со стороны Царькова и его подручных. Мужчин в ее нынешней жизни больше уже не было, отвращение к ним не уходило, распространялось на других парней, особенно тех, кто проявлял к ней интерес. Встреча с Пашиным многое изменило. Машенька стала медленно оттаивать, проявлять интерес не только к работе. Первой перемены заметила мама и догадалась, что в жизни дочери появился мужчина. Но дочь продолжала упорно скрывать свою женскую тайну.

Вначале, выполняя поручения Царькова, Мария особо не задумывалась, что и зачем она делает. Но со временем ее стали одолевать сомнения и мучить совесть. «Бесстыдная тварь, как я могу стучать на Федора Михайловича, от которого никогда ничего плохого не видела!» – по вечерам, оставшись наедине с собой в своей однокомнатной квартире, рассуждала молоденькая женщина. Отправив в последний раз свою очередную «посылку» в Кремль, она твердо решила сознаться Пашину в том, что работает на Царькова. Отважиться на такой шаг Маша задумывалась давно, но ее сдерживал страх перед ее московским садистом. Она не сомневалась в том, что в случае если откажется выполнять поручения Царькова, он выполнит свое обещание отправить в публичные дома Ближнего Востока.

В этот день заместитель губернатора прибыл на работу как обычно к половине седьмого утра. На своем рабочем месте в приемной его уже ожидала Мария, которая обычно приходила к 8 часам.

– Здравствуй, Машенька! Как дела, настроение? – Пашин по обычаю был приветлив со своей секретаршей.

– Здравствуйте, Федор Михайлович! У меня к Вам серьезный разговор!

– Что-то случилось? Дома все нормально, как мама? – из доверительных разговоров с девушкой Пашин немного знал о семейных делах своей подчиненной. Проходи в кабинет!

– Мы не могли бы выйти на улицу и там поговорить?

Пашин удивленно повел глазами.

– Хорошо, но только через час или два, не раньше. Мне надо посмотреть электронную почту, документы, сделать все необходимые звонки. Да, а на прием кто-то записан?

– Да, – секретарша быстро на память назвала всех сегодняшних гостей.

Переговорить удалось только в обед. Они медленно пошли в сторону городского парка. На улице была осень. Деревья уже осыпались. Но было еще совсем не холодно.

– Здесь нас никто не услышит, – смущенно промолвила девушка.

– А что, в кабинете у меня есть прослушка, и откуда это Вам известно, мой милый друг?

Маше очень нравилось, когда шеф ее так называл. Она улыбнулась и, осмелев, сразу во всем призналась:

– Мне кажется, что слушают, а я по поручению Царькова шпиюно за Вами. Регулярно отправляю ему разную информацию, которую беру с компьютера, переснимаю отдельные бумаги со стола, докладываю обо всех встречах и звонках. Ради бога простите и делайте со мной что хотите! Продолжаться так больше не может!

Возникло молчание. А уже через считанные секунды Маша, закрыв лицо руками, горько заплакала. Со стороны, наверное, казалось, что взрослый мужчина чем-то обидел молодую девушку, влюбленную в него. Пашин слегка обняв юную спутницу, подвел ее к рядом стоящей скамейке, прямо напротив летом поющих фонтанов, прекративших свою работу вместе с опавшей листвой.

– Машенька, милая, не плачь! – он вновь обнял девушку. Она инстинктивно прислонилась к нему. Не печалься, красавица, я не мог не догадываться о твоей нехорошей миссии, – мужчина достал носовой

платок и стал помогать вытирать слезы. Лучше расскажи, как ты попала в эту историю? – Пашин положил руку на голову и стал гладить красивые женские волосы.

– Мне стыдно! Правда стыдно! Простите меня, Христом Богом молю!

– Прощаю! Не плачь! Все образумится!

С обеденного перерыва спутники вернулись только через час. Пока гуляли по городским улицам, Мария обо всем рассказала подробно. Пашин перебил ее только дважды. Первый раз попробовал уточнить информацию о деде Царькова. Но девушка о нем знала только то, что бывший генерал КГБ умер совсем недавно. Второй вопрос касался злополучной статьи, в которой в негативном контексте упоминалось имя Царькова. «Да, это, пожалуй, единственный промах!» – про себя подумал Федор Михайлович, а вслух вновь приободрил девушку:

– Ничего страшного! Я служу России! Мне нечего скрывать!

– Федор Михайлович, правда ничего страшного? Я Вам не навредила?

– Как дела дома? Все живы-здоровы?

– С мамой через день разговариваю по телефону. Реже с сестрой – она же замужем, я рассказывала Вам. Мама должна приехать ко мне в гости. Можно ее познакомить с Вами.

– Почему нет?! – улыбнулся Федор Иванович, совсем не подозревая о том, что ему может сулить встреча с матерью его секретарши.

За небольшой срок работы вместе они знали друг о друге совсем немного. Маша старалась не расспрашивать своего шефа, а он, догадываясь об отношениях девушки с Царьковым, боялся ее обидеть.

Незаметно они вернулись назад и оказались у парадной двери областной администрации. Областной чиновник взял девушку под локоть и отвернул девушку в сторону.

– Ну, мой друг, с этого момента держи меня в курсе всех дел. Вида никому не показывай. На работе лишних разговоров не веди. Продолжай выполнять все поручения своего московского шефа с не меньшим рвением. Все поняла? – Пашин мягко улыбнулся.

– У меня Вы один шеф, Федор Михайлович!

Так Пашин неожиданно обрел нового добросовестного человека в своем ближайшем окружении. Маша была готова расшибиться, чтобы выполнить любое поручение своего шефа. В начале ноября он ее даже послал на городской «Русский марш», чтобы она могла собрать

информацию об организаторах, участниках и лозунгах акции. Федор Михайлович хотел посмотреть со стороны и иметь всю информацию о мероприятии, к организации которого имел некоторое отношение. Его зять, Иван Русак, которого он привлек к работе с футбольными болельщиками, оказался в числе тех, кто стоял за массовым православно-русским выступлением на главной улице города.

В этот год в России, в ноябре, прошел седьмой по счету самый большой по размаху «Русский марш» за всю историю своего проведения. В Москве, в преддверии выборов в Госдуму, активная часть общества «проголосовала ногами» – в московский спальный район Люблино для участия приехали более 25 000 человек. При оценке количества участников СМИ ссылались на данные, собранные у рамок металлоискателей, через которые проходили демонстранты, чтобы поддержать требования, выдвинутые ведущими организациями русских националистов. Московские журналисты с нескрываемым опасением отмечали, что годом раньше на подобное мероприятие в Москве собралось около 10 тысяч человек. В воздухе запахло грозой. Как сообщали СМИ, немало националистов собралось и в других крупных городах России, в том числе и в столице Черноземья, где были всегда сильны националистические настроения.

Как понял Пашин, ноябрьские события стали поводом, чтобы в Кремле, осознав опасность, решили принять упреждающие меры, чтобы русско-славянский джинн не вылез из бутылки. Высокопоставленный чиновник президентской администрации сам лично прибыл в столицу региона на совещание, где собрались прокремлевские активисты из Центрального федерального округа. На совещании, в котором принимал участие и Пашин, под предлогом сдерживания «русского фашизма» было принято решение сплотить ряды либерально-демократических сил. Как заявил московский наставник Вениамин Царьков: «Важно не допустить, чтобы улицы городов оказались в руках националистов!»

После протокольного мероприятия, где собравшиеся за час выпили и съели все, что было на столах, ломившихся от спиртного и изысканных яств. Проводить в аэропорт Царьков попросил лично Пашина. По дороге в машине разговор был ни о чем, а вот перед входом в зал ожидания VIP-персон собеседники разговорились.

– Области оказано особое доверие. Здесь, как нигде, сильны прокоммунистические и националистические настроения. Поэтому Вам предстоит решить нелегкую задачу примирить «красных» и «белых»,

объединить и консолидировать усилия русских националистов и либерал-демократов. Готов, Федор Михайлович? – кремлевский чиновник впился своим холодным, но пронзительным взглядом в Пашина. Тот, не отводя глаз, сделал многозначительную паузу:

– Стараемся всех объединять!

– Этого мало, нам нужно вдохнуть новую энергию в либерально-демократическое движение! Россию необходимо спасти от нынешних «застоя» и стагнации. Надо подбросить дрова в прогорающую топку, чтобы был огонь массового протеста! Ясно объясняю?

– Вениамин Ахметович, а против кого протест? – не сдержался заместитель губернатора.

– Не понял? Вы же были на совещании. Речь идет о протесте против бюрократии, коррупции во власти, пагубных решений правительства, в поддержку нынешнего президента, – напряженно заговорил Царьков.

– А что, глава правительства и президент – это не одна команда?

– Вы меня удивляете, Федор Михайлович, в вашем положении и возрасте пора уже разбираться во внутривластных хитросплетениях. И вообще твоя команда, генерал, это я, благодаря кому ты и попал на эту высокую государственную должность! Знаешь, сколько сегодня стоит, чтобы стать замом главы областной администрации?

– Нет.

– Вот и хорошо! За всю свою оставшуюся жизнь не заработать, даже если начнешь откаты собирать!

– Буду делать выводы, Вениамин Ахметович! – Пашин постарался уйти от ненужной перепалки с московским шефом.

– Ориентиры не те, товарищ Пашин! Начитался, наверное, всякой ерунды, в трех соснах заблудился! Журналистов, типа Александра Григорьева, не надо читать! – кремлевский чиновник неожиданно развернул разговор в другую сторону.

Пашин сразу понял, что эта фраза не спонтанный выпад, а заранее продуманная домашняя заготовка оппонента.

– Некогда читать, времени нет. Работы много, – спокойно ответил Пашин.

Царьков пристально и немного выжидающе взглянул на собеседника:

– Жаль, наших заклятых идеологических врагов надо знать! Мой покойный дед, Арон Соломонович, за политическую близорукость

мог расстрелять любого антисоветчика на месте без суда и следствия. Но это к слову, времена были другие! – рассмеялся Царьков. И тут же перевел разговор на другую тему. – Как там моя крестница, Мария, секретарша?

– Работает, претензий нет. Вуз заканчивает. Думаю ее в редакцию областной газеты рекомендовать на работу.

– Федор Михайлович, а она ведь хороша собой, неправда ли?

– Видная дивчина, – с некоторым безразличием ответил Пашин.

– Не то слово! Все при ней – личико приятное, попка, сиськи – что надо! В Москве к ней кто только не подкатывался! Сам-то, наверное, уже попробовал молодого тела?

– Я женат, у меня взрослые дети, как, впрочем, и у Вас.

– Одно другому не мешает, Федор Михайлович! При чем тут дети?! Фу, какой несовременный! Автомобиль, квартиру, жену сегодня менять можно и чаще, чай, не в советские времена живем. В личную жизнь человека никто не должен лезть!

Заместитель губернатора области промолчал. «Урод конченный!» – мелькнуло в голове. И тут же перевел свой взор в сторону информационного табло. Посадка на московский рейс заканчивалась. Царьков и Пашин, еще раз встретившись пронизательными взглядами, сдержанно пожали друг другу руки.

Глава 18

Не чіпай лихо, доки воно тихо

В тот год вся Украина, вместе с Польшей, готовилась принимать у себя чемпионат Европы по футболу. Почти вся страна жила в ожидании этого грандиозного спортивного события, неистово веря, что в это раз национальная команда страны не «ударит в грязь лицом» и займет достойное место в европейском таблице о рангах. В национальном чемпионате страны доигрывались последние игры перед перерывом на «большой» футбол. На центральном стадионе столицы Донбасса шел второй тайм футбольного матча. В рамках чемпионата страны местная команда, один из лидеров первенства, на своем поле принимала гостей из соседней области. «Черно-оранжевые» вели со счетом два ноль. За 10 минут до конца встречи диктор объявил о замене в команде «хозяев». Перекрестившись, на поле резво выбежал крепкого сложения футболист под номером 17. Это был Георгий Пашин.

Ведя в счете, «черно-оранжевые», не спеша, доигрывали матч. Они удерживали мяч на своей половине, перекидываясь пасами с одного фланга на другой. Семнадцатый номер попытался оживить игру. Сначала он открылся в центре. Затем Пашин сделал рывок и выгодно открылся на левом фланге атаки. Но мяч из центра поля был направлен не ему, а на противоположную сторону, где был утерян в аут. Гости вбросили мяч в игру. Инициатива перешла к ним. Пашин вернулся назад и вступил в борьбу на подступах к своей штрафной площадке. Отобрал мяч, перебросил его через соперника, распластавшегося в неудачном подкате, на скорости рванулся вперед, быстро пересек центр поля. На замахе обыграл одного защитника, вышел победителем в жестком столкновении с другим, ушел вправо и, долго не раздумывая, пробил по воротам. Мяч летел в «девятку», но угодил в крестовину. А сам Пашин, сбитый ударом сзади по ногам, рухнул на траву, схватился за правую ногу и скривился от боли. Над ним, подбоченившись стояла семерка гостей. Футболист, негроидной внешности, добродушно улыбался. Он протянул руку лежащему на земле сопернику, чтобы тот мог встать на ноги и продолжить игру, но Георгий никак не среагировал на его жест примирения.

На трибунах пронесся легкий гул разочарования, а затем раздался дружный свист. Пашину не повезло. Нога распухла. Травма могла оказаться серьезной. На поле вынесли носилки. Партнеры семнадцатого номера, вместо того чтобы посочувствовать своему товарищу по команде, между собой словами и жестами выражали недовольство за то, что травмированный футболист своевременно не сыграл в пас. На трибунах болельщики потянулись к выходу со стадиона. «Черно-оранжевые» доигрывали победный матч с прежним спокойствием и хладнокровием.

Несмотря на громкие обещания влиятельного украинского олигарха Колахметова играть за сборную Украины на чемпионате Европы по футболу, Георгий Пашин оказался за бортом национальной команды. Главный тренер команды, в прошлом прославленный советский футболист, стоял на своем до конца. Он не допустил в сборную малоизвестного футболиста из Донбасса, за которого кто только не ходатайствовал, даже от президента звонили. В своем клубе Георгий отыграл лишь чуть больше одного сезона, да и то полгода в дубле. В основном составе «черно-оранжевых» он чаще выходил на замену, чем играл весь матч.

Пашин и сам понимал, что он еще далеко не готов был играть не то, чтобы на уровне сборной команды страны, но и даже в основе своего клуба. Хотя за полтора года жизни на Украине во многом преуспел в футболе. Почти ежедневные тренировки, иногда утром и вечером, сделали свое дело – Георгий заиграл. Конечно, без поддержки его влиятельного тестя не обошлось, иначе Георгий никогда бы не попал сначала в дубль, а потом в основу одного из ведущих клубов страны. Как и обещал Колахметов, футболисту платили хорошие деньги, бесплатное многоразовое питание, высококвалифицированные спортивные врачи, жилье у него теперь было и в Киеве, и в Донецке.

Только вот местные болельщики «варяга» и олигарховского «подкидыша», как кликали футболиста, недолюбливали и почти каждый его выход на замену освистывали. Георгию казалось, что даже когда он изредка забивал голы, «тиффози» не так радостно реагировали на успех команды. В самом донбасском клубе доморощенные игроки его сторонились, а иностранные легионеры, хотя и привычно улыбались, ограничивались двумя-тремя фразами на английском языке, на котором вполне сносно изъяснялся Георгий. Годы учебы в московском военном университете, где преподавали языки, не прошли даром.

Федору ничего не оставалась, как общаться с Тимуром Колахметовым, который тоже играл в команде, но так же редко выходил на замены в основном составе. Игроком он был слабым, поэтому отец его как юриста готовил к административной работе в футбольном клубе. Тоску по родному дому Пашину скрашивали редкие телефонные разговоры с матерью, братом и сестрой Анной. Отец принципиально не отвечал на настойчивые звонки сына. Поэтому обо всех семейных новостях Георгию рассказывала мама. Брат, с которым больше всего хотелось общаться, всегда был немногословен. Георгий понимал, что Ярослав учится в режимном вузе и имеет допуск к секретным документам. «Дай бог, повидаемся!» – успокаивал себя футболист.

На тренировках и в играх москвич из всех сил старался наладить отношения с другими игроками, заполучить расположение к себе болельщиков. Ему было неприятно слышать за спиной разговоры о том, что он своей стремительной футбольной карьерой всем обязан дочери олигарха Колахметова, на которой женился полтора года назад. В его украинской жизни с самого начала все происходило, как в сказке. Богатая свадьба в ресторане на Крещатике в Киеве: высокопоставленные гости, дорогие подарки, многозначительные тосты, новые знакомства с людьми.

Однако у Георгия на душе было беспокойно. Никто из его родных и близких на свадьбу не приехал. Правда пришли поздравительные телеграммы от родителей и семьи сестры Ани. По телефону позвонил только Ярослав, а мама прислала трогательное письмо. В нем она извинялась, что не смогли приехать с отцом, но Федора Михайловича не ругала. Она с малых лет воспитывала своих детей в почитании и любви к их отцу. Мама описала все семейные новости. Благословила сына на добрую жизнь и любовь, пригласила в гости. Семейный подарок Пашиных, в виде перевода круглой суммы денег молодоженам, лишь вызвал кривые усмешки в семействе олигарха. Здесь были рады тому, что от родственников по линии мужа никто не приехал.

Сразу после свадьбы молодые отправились в свадебное путешествие в Испанию в небольшой городок Торревьеха, где у Колахметова была своя недвижимость. Здесь молодожены впервые были по-настоящему счастливы. Они жили друг другом, заботились друг о друге, не стесняясь окружающих людей, обнимались и целовались. Диана не сводила глаз с мужа, когда он изящно с неременной улыбкой на лице изъяснялся с испанцами на их родном языке. Могли часами барахтаться в море, валяться на горячем песке. В жаркие

обеденные часы отдыха и ночью, после возвращения из летних ресторанчиков к себе на виллу с видом на море, предавались страстным любовным утехам.

К тому времени Пашин уже имел гражданство Украины, был восстановлен сразу на четвертый курс киевского госуниверситета, где продолжил заочно изучать испанский и английские языки. Видя свою дочь бесконечно счастливой, Колахметов строго выполнял свои обещания, данные зятю. После свадебного путешествия началась футбольная жизнь Георгия. Несмотря на это, благоустроенные и уютные квартиры Пашиных в Киеве и Донецке принимали супругов попеременно – то Георгий, в перерыве между матчами, приезжал к жене, то Диана спешила к своему футболисту.

Однако идиллия молодоженов продолжалась недолго. Примерно через год, хотя и непродолжительные по времени разлуки, привели к тому, что чувства супругов и, прежде всего, Дианы, стали охлаждаться. Киевский водоворот бурной жизни вновь вскружил голову молодой женщины, с детства привыкшей к знакам внимания, ухаживаниям и признаниям в любви. Молодые и не очень светские львы из числа политиков, бизнесменов, иностранцев всячески обхаживали замужнюю женщину, раз за разом оказывающуюся одной без мужа на киевских тусовках. Так, Диана незаметно стала возвращаться к своему прежнему распутному образу жизни. Пьяные фривольности с мужчинами, случайные сексуальные связи, наркотические ломки постепенно выгнали из ее потрепанного сердца остатки любви к мужу. Рожать детей Диана уже больше не хотела и была вполне довольна тем, что способна стать матерью.

Между тем Колахметова больше всего беспокоили скандальные публикации о дочери в прессе. Он каждый раз, когда встречался с ней, обзывал Диану последними словами. В тот злополучный день олигарх сильно избил любимую дочь. «Сука, падла, тварь негодная! Сколько ты будешь позорить меня? Весь Киев только о тебе говорит и пишет, скотина!» – Колахметов был в ярости. Он за ногу стянул пьяную дочь с дивана и стал ее избивать ногами. Дочь только стонала, инстинктивно закрывшись руками. На шум в гостиной вбежала домработница, что и остановило избиение дочери.

Обо всем случившемся Георгий узнал сразу от Дианы, которая, прежде всего, на отца пожаловалась мужу. Несмотря на то что после полученной травмы в последнем матче его сразу госпитализировали и наложили гипс на ногу, на следующий день на костылях он уже был

в Киеве. По дороге, переговорив с тестем по телефону, Пашин понял, что у того к нему появились вопросы. К этому времени и Георгию было что сказать своему тестю. Поведение Дианы охладило недавний пыл его романтического сердца. Дело дошло до того, что после одного из визитов в Киев, примерно месяц назад, жена заразила его венерической болезнью. Пришлось лечиться. Но дело было даже не в этом, к тому времени уже было нельзя скрыть распутного поведения дочери известного олигарха ни для кого. Ради футбола Георгий Пашин был готов поступиться многим, но только не верностью жены. Простить бесконечные ее измены, распутство и предательство было выше его сил.

Диана уже пришла в себя и после завтрака находилась во дворе тенистого сада в беседке неподалеку от живописного пруда. После двух дней без спиртного и наркотиков чувствовала она себя плохо. Ее крутило и ломало. Несмотря на летнее тепло, молодой женщине было холодно. В связи с приездом зятя тесть приготовил шашлыки и накрыл, как обычно, богатый стол. Пашин без помощи посторонних прошел к беседке и присел на лавочку. Кивком головы поздоровался с женой. Спросил про самочувствие.

– Лучше всех! – с вызовом ответила Диана.

Почти сразу подошел Колахметов. Пожал руку зятю.

– Как это тебя угораздило? Говорил – не лезь на рожон. А негра того уже отчислили из команды. Знай наших!

– Он не со зла!

– Знаю я их, забудь! Страница перевернута. Идем дальше. Давай, за встречу хряпнем!

– Может, не надо?

– Надо! А тебе, овца драная, не предлагаем. Соки пей и шашлыком закусывай!

Диана в знак протеста отвернула лицо в сторону пруда. Выпили. Тесть залпом осушил граммов сто пятьдесят виски. Зять, поморщившись, сделал пару глотков дорогого шотландского спиртного напитка.

– Ну что, дети, поговорим?

– Мне не о чем с тобой говорить! Ты маму мою свел в могилу и за меня теперь принялся! – огрызнулась дочь.

– Молчи, тварь! Убью, сказал!

– Ринат Леонидович, не надо, я прошу!

– Тогда сам занимайся воспитанием своей жены! Смотри во что она превратилась! Просто суцая б...! Высохла, ни кожи, ни рожи!

Сказал тебе лечиться надо! В дурдоме будешь свой век коротать, сволочь!

– Это тебя надо в дурдом запрятать, чтобы перестал над людьми глумиться!

– Что ты сказала? – отец со зловещим видом направился к беседке.

Пашин попытался резко встать, но без опоры на костыли, вскрикнув, упал на землю. Отец и дочь, подбежав к нему, усадили Георгия на лавочку, и почти сразу отошли в разные стороны. Пашин говорил сквозь боль. Но не столько ныла нога, сколько болела душа.

– Ринат Леонидович, если Вы помните, я не раз предлагал, чтобы Диана, моя жена, жила со мной вместе. Куда нитка, туда и иголка – гласит известная русская пословица... – начал Георгий.

Но его сразу перебил Колахметов:

– Только не надо умничать, раз! А во-вторых, в моем доме русским духом не должно пахнуть. Пословицы придержи до того времени, когда в Россию вернешься. Здесь Украина. Кстати, еще раз советую учить украинский язык, без него скоро будет никуда...

Пашин молчал.

– Говори, чего смолк!

– Вы сами хорошо знаете, как ведет себя Диана. Это дает мне право подать на развод.

– Подавай, дурак, чего ты еще ждешь? Ты мне не нужен, я таких, как ты, миллион встречу! Убирайся отсюда! Смотри, какой вырядился, на костылях явился! Папа, гони его! – Дина была явно не в себе.

– Молчать! Я буду говорить! Все слушают меня! Значит так, детки дорогие, наказ мой будет такой. Семью разбивать я пока не позволю. Хватит мне скандалов в прессе! Ты, коза драная, не захотела выйти замуж за сына Царькова, выбрала себе курсанта. Я из него человека делаю, немеренные бабки в него вкладываю. А теперь ты говоришь – гони его! Так не пойдет, доченька! Ты просто с ума сошла, моя дорогая! Поэтому тебя полечим. В Крыму есть такой специализированный санаторий, там все лечат – и пьянство, и наркозависимость, и бешенство матки, и бесплодие, и мозги на место поставят...

– Я никуда не поеду!

– Дочка, не чіпай лихо, доки воно тихо!

– Надо же, на мове заговорил, тоже мне свидомый нашелся! – Диане явно не нравился отцовский план.

Но олигарх не хотел больше слушать дочь.

– Через пару месяцев тебе, доченька, человеческий облик и былую красоту вернут. За это время и твой суженный опомнится и успеет соскучиться по тебе. И заживете вы новой настоящей семейной жизнью, детишек заведете, у меня на старости внуки хотя бы появятся.

– Я не хочу никого рожать, тем более от этого, на костылях, – противилась дочь.

– Не слушай ее, Георгий! Делай, как я скажу, и все будет нормально. Не слышал песню наших времен: «Дан приказ ему на Запад, ей в другую сторону. Уходили комсомольцы на гражданскую войну»? Вот и в нашем случае: жена сегодня едет на юг, в Крым, а тебя скоро ждет особое задание в другой стороне – в Испании.

– Испании?

– Но об этом молчок! Заодно на ноги встанешь. Лучшие спортивные врачи с тобой поработают. Но эту тему обсудим наедине.

Олигарх, как всегда, был быстр на расправу. Вечерним чартером Диану в сопровождении врача и охранника отправили в Крым.

Через день в Испанию, в небольшой приморский городок Торревьеху, предстояло лететь и Пашину. Перед отъездом с ним обстоятельно еще раз поговорил тесть. Он, как и накануне, в руках держал стакан, наполовину наполненный вискарем.

– Если все сложится, будешь играть в испанской команде, но не в ведущем клубе, конечно. Но все-таки. Я, по случаю тут, прикупаю одну футбольную команду из города Аликанте. Но футбол футболом, а ты мне будешь нужен и для других дел. Чай, не пацан уже, я в твои годы уже бабки делал из воздуха. Через месяц у меня будут серьезные переговоры в Торревьехе, в том числе с испанцами. Разговоры особой важности, можно сказать секретные переговоры. Никаких утечек не должно быть! Сам я, кроме украинской мовы, в языках не силен. Я больше в финансах и экономике преуспел. Еще вот пытаюсь язык предков вспомнить – иврит изучаю. Тебе тоже советую, вместе будем калякать, как на фене ботать, никто не поймет о чем идет речь!

– Неплохо бы! – соглашался Георгий, а на душе у него скребли кошки. Не нравился ему это план Колахметова. «Пока договоренности касались футбола, еще можно было мириться. Но теперь речь зашла о политике. Что сказал бы отец? Нет, он был бы против! Да и брату не объяснишь, их мнение об олигархе Колахметове уже не изменить», – мысли потоком пронесли в голове Пашина.

Колахметов вернул зятя к теме разговора:

– Тебе, Георгий, предстоит участвовать в переговорах как мое доверенное лицо, все переводить и на английский, и на испанский языки, и наоборот. Опять же хорошая практика! Кроме того, учебу продолжишь в Мадриде. И учи украинский, сколько раз повторять!

– Как?

– А вот так! Сделаем из тебя спортивного журналиста. Кто владеет информацией, тот правит миром. Сам знаешь!

– Да, я не против, Ринат Леонидович, – не зная, что ответить, промямлил Георгий. Он продолжал прокручивать в голове ранее произнесенные слова тестя.

– Еще бы ты возражал! С этого момента ты не просто муж моей дочери, но и член команды, доверенный человек.

– Я готов! – от сделанных предложений у Георгия голова пошла кругом.

– Теперь, что касается Дианы, – хозяин семейства сделал многозначительную паузу. – Хорошенько запомни и заруби себе на носу – моя дочь, твоя жена – это твой крест до конца жизни! Вылечим ее – хорошо, нет – все равно останешься мужем. Тут выбора нет! А баб на твой век еще найдется! Одно другому не мешает!

– Как так? Она же изменяет, не хочет детей иметь!

– Не горячись! Не хочешь быть с Дианой, будешь никем! Кому ты здесь, на Украине, без меня нужен? Без бабок – ты никто! Слышал половицу? Чому дурні? Бо бідні! А чому бідні? Бо дурні!

– Понятно, – Пашин уже стал понимать мову.

– Так вот, уйдешь от меня, в лучшем случае тебя сразу забреют в украинскую армию. Будешь вшей кормить и генералам дачи строить. Но это в лучшем, а в худшем случае – примерно накажу. Чтобы другим было неповадно! Ты же знаешь меня, я слов на ветер не пускаю, – Колахметов как-то злорадно усмехнулся, а потом рассмеялся.

– Это правда, Ринат Леонидович!

– К слову сказать, чтобы ты знал, моей последней любовнице еще восемнадцати лет нет. А ведь мне уже шестьдесят лет. И этого молодняка пруд пруди! Кого хочешь, выбирай! Лишь бы хер стоял, и-и-и, а это самое главное, деньги были! – тесть налил себе в стакан виски и опять залпом выпил.

– Я думал, что сила не только в деньгах, – неожиданно проронил зять. Он невольно вспомнил небезызвестную фразу из популярного фильма «Брат-2» – «Не в деньгах сила, а в правде!».

– Дурак ты, сынок! Бедный – значит глупый! А говоришь, что украинскую поговорку понял. На деньги можно купить все, ну может кроме только здоровья. А бабы не то, что за бабло, за обыкновенную «лапшу на уши»... сколько хочешь и каких пожелаешь, детей нарожают! Будем их вместе воспитывать! Это лучше, чем в детдоме чужих детей брать!

От всего услышанного у зятя брови поднялись вверх. Колахметов, хотя и был в хорошем подпитии, сразу сообразил, что перегнул палку.

– Шучу, шучу, шучу! Будем надеяться, что Диана выздоровеет. Я на свою родную дочь никаких денег не пожалею. Да поселится мир, да будет любовь и прощение в нашем общем доме! Вот тогда и о внуках можно подумать.

На прощание тесть еще раз предостерег зятя от каких-либо утечек информации. Долил ему и себе виски.

– За нас, сынок! Только запомни, никто не должен знать! Ни мать, ни отец, ни брат, ни сват! Иначе будет плохо. Помни об этом всегда! Уметь молчать – это теперь главное в твоей жизни. Тем более что твой отец – непростой мужик. Смотри какой, не хочет со мной знаться! Да захочу, его вмиг с работы выгонят! Один звонок! – Колахметов вспомнил свой последний разговор с Кремлем.

Царьков тогда завел разговор про Георгия, который у его сына увел Диану, а Колахметов так не решился идти против счастья дочери. Олигарх положительно отозвался о зяте, но не мог не спросить про его отца. И тут его партнер в политике и бизнесе вылил ушат грязи на строптивного генерала, который проигнорировал его указания об организации массовых выступлений против избрания премьера на президентских выборах 2012 года. «Наоборот, работал в поддержку его переизбрания, не без его участия и меня уволили!» – горячился Царьков. Колахметов предложил ему в ближайшее время встретиться в Испании с «главным заказчиком», так он называл клан Рокшилбрайт, и обсудить всю повестку по России.

Видя, что тесть занят своими мыслями и не слышит своего зятя, Георгий громче повторил свою просьбу:

- Не надо, не трогайте отца, очень прошу Вас, Ринат Леонидович!
- Он же отрекся от тебя, ты же мне сам об этом говорил.
- Это так, но все равно прошу не делать отцу худо.
- Посмотрим, как сказал слепой! – Колахметов дал понять, что разговор окончен.

Глава 19

Тюремные беседы

Сергей Николаевич Русак уже третий год отбывал свой срок в колонии общего режима. Попал он в тюрьму за антиконституционную деятельность: организацию несанкционированных «русских маршей», разжигание межнациональной вражды в СМИ, распространение запрещенной литературы. Судебное разбирательство длилось почти год. Кто только не вступался за Русака, но власть была непреклонна. Она очень опасалась русского национального пробуждения и массовых протестов населения. Еще припомнила Сергею его не последнюю роль в защите здания Белого дома, где заседал тогда еще Верховный Совет России осенью 1993 года, когда российский парламент был расстрелян властью из танков. Суд приговорил его к пяти годам лишения свободы в колонии общего режима. Так, православный активист, прекрасный семьянин, отец четверых сыновей, экс-депутат, участник афганской войны и орденоносец оказался в тюрьме на такой большой срок, в то время как убийцы, грабители и мошенники всех мастей, расхитители государственной казны, сепаратисты ограничивались условными сроками или уходили от ответственности.

Будучи политзаключенным, которых российские правозащитники величали «узниками совести», Сергей Русак отбывать срок попал в колонию общего режима вместе с другими заключенными, в том числе и уголовниками. Здесь его неожиданно свела судьба с Михаилом Арнольдовичем Ходором, его политическим оппонентом на «свободе», отбывавшим длительный срок. Бывший олигарх пребывал на зоне на особом положении. Он располагался здесь в отдельном бараке, где специально для него были, по здешним меркам, оборудованы настоящие апартаменты. В свою очередь колония и ее начальник – «хозяин» щедро спонсировалась со свободы по указанию Михаила Арнольдовича, который, как ходили слухи на зоне, был по-прежнему фантастически богат. Однако, как оказалось, в колонии были арестанты, мало что слышавшие об известном в России и мире олигархе, кроме того, что с него можно было стясти хорошие «бабки».

Поближе Русак и Ходор неожиданно познакомились в тюремной библиотеке, точнее после одного инцидента там с их участием.

В тот злополучный день Ходору понадобилась подшивка издания «Российская газета», и он самостоятельно без сопровождения охраны, полагавшейся ему по каким-то неписанным законам в колонии, после обеда решил зайти в библиотеку. Сергей Русак сидел сзади и листал журнал «Пчеловодство». Будучи близко не знакомыми, но известными друг другу, Ходор и Русак в знак приветствия кивнули друг другу головами. Едва важный «узник совести» начал искать необходимый ему номер газеты, как в библиотеку с шумом ввалились два молодых осужденных. Один из них попросил что-нибудь почитать, а другой подсел к Ходору и стал его «есть» своим холодным непроницаемым взглядом. Политзек обернулся назад на библиотекаря, но тот ушел вглубь, в коридор между книжными полками.

В этот момент молодой зек вывернул Ходору назад руку и приставил к ему к шее «заточку», которую он моментально вытащил из рукава своей черной робы.

– На мобильник придет эсэмэска со счетом в банке, на который переведешь сто тысяч «гринов»..., – только и успел проговорить зек.

На помощь Ходору пришел Русак. Он жестким ударом сбоку вырубил нападавшего. Однако сзади на его шее повис другой арестант. Вдвоем они свалили Русака на пол и стали избивать руками и ногами. Тем временем Ходор быстро выскользнул за дверь. На шум прибежал библиотекарь и стал растаскивать дерущихся людей. Сергей Николаевич, вырвавшись, поднялся на ноги, и кинулся с кулаками на обидчиков. Но один из зеков остановил его порыв ударом «заточки» в живот. Закрыв рану, из которой через разрыв ткани на робе стала просачиваться кровь, Русак опустился на пол. Молодые арестанты кинулись прочь из библиотеки.

Уже на следующий день в тюремную санчасть пришел сам Ходор.

– Спасибо, Сергей Николаевич! – он протянул руку Русаку. – В политике мы с тобой оппоненты, можно сказать враги, а по жизни, получается, я твой должник.

– Слава богу, обошлось! – Русак перекрестился.

– О долге не думай, Бог все видит, каждому воздастся по его заслугам! Надо и в тюрьме оставаться людьми!

– На Бога надейся, а сам не плошай! Эти двое в библиотеке не смогли остаться людьми, значит, им незачем больше жить!

– Михаил, ради бога, я прошу только не это, пускай живут. Их Бог накажет!

– Добрый ты человек, Сергей! Но наказаны они будут! Я уже переговорил с «хозяином». Спасибо тебе еще раз. Извини, харчи не принес с собой. Все равно тебе мало, что достанется. Будешь у меня в гостях, посидим, «хряпнем» и хорошенько перекусим. От меня и домой всегда сможешь позвонить.

– Буду рад!

– Возьми вот эту рукопись. Думаю, будет книга. Скажешь свое мнение, потом обменяемся мыслями. Будь здоров! – Ходор еще раз крепко пожал руку своему спасителю.

Два политических соперника на свободе, здесь, в неволе, на зоне, сошлись. Как-то незаметно перейдя на «ты», стали поддерживать хорошие отношения. После этой встречи они стали регулярно встречаться в ходорском бараке. «Хозяин» был в курсе, поэтому администрация не препятствовала общению двух политзеков. Пили водку, ели разносолы, подобное могло быть на столе только «хозяина», который и снабжал бывшего нефтяного олигарха. И конечно, много говорили и жарко спорили о политике.

Ходор твердил о либерально-демократических ценностях, важности рынка в экономической сфере, обвинял россиян в ущербности, лени и нежелании перемен. Русак, будучи православным христианином и русским националистом, стоял горой за веру и интересы своих соплеменников. Прямо обвинял либерал-демократов в развале и разграблении России, а их предшественников, большевиков, в геноциде народа и гонениях на веру. Если собеседники на чем и сходились, то это было отношение к вере. Ходор в тюрьме стал молиться и даже соблюдать отдельные иудейские традиции, прочитал письменную (Анахе) и устную Тору (Талмуд), а заодно Библию и Коран. Сергей Николаевич начинал день с молитвы и заканчивал ею, даже посты соблюдал. В тюремной деревянной церквушке, кстати, выстроенной на средства Ходора, он помогал приходящему священнику вести службу. Пример Русака оказался заразительным. Многие арестанты вернулись или впервые встали на православный путь. Неслучайно, когда Сергея Николаевича избили и порезали зеки, на его защиту встали горой не только верующие. Два дня в промышленную зону колонии на работу никто не выходил, несмотря на жесткие требования со стороны администрации.

Русаку верили, потому что он вел себя правильно, хотя и соблюдал тюремные традиции, говорил простые и понятные вещи православно-русским языком. Он говорил о возрождении и ощущении боже-

ственной справедливости, потребности приближения к Богу на пути истины, проникновении православных духовных начал во все формы народного бытия, сострадании, любви и милосердии, сохранении человеческого облика в любой самой сложной житейской ситуации. Про русскую историю Сергей Николаевич говорил с особой любовью: «Та светоносная сила, которая летела по миру, искала своего избранника и вместилище. И нашла его в землях святой Руси у правоверного народа. И когда в истории сила русского оружия соединялась с православной огненной молитвой преподобного Сергия Радонежского, Серафима Саровского и других наших праведников, Россия была непобедима, страна возрождалась и крепла. С православной молитвой верующему человеку не страшно жить ни на свободе, ни в неволе, – убеждал Русак арестантов.

С русскими людьми на православные темы было говорить не так сложно, как с представителями других национальностей и вероисповеданий. Религиозная тема стала камнем преткновения уже на одной из первых встреч Сергей Николаевича и Михаила Арнольдовича. Они чуть не поцапались, когда заспорили о религиях.

– И христианство, и ислам произросли из иудаизма. Истоки трех мировых религий находятся на Ближнем Востоке. Иудаизм – главный источник. О чем можно спорить?

– Никто и не спорит! Просто православное вероисповедание – это самое правильное каноническое учение. Православные традиции – основа более чем тысячелетнего уклада русской жизни. Православная вера – это религия мира, добра и сострадания. Очень терпима или, как это принято говорить сейчас, толерантна к другим верованиям.

– Это РПЦ толерантна?! Посмотри как отнеслись к девчонкам из панк-группы Пуси Райт. Всю паству возмутили против них!

– Ты знаешь как переводится, прости господи, Пуси Райт?

– Знаю, я владею английским языком.

– Мне даже подумать стыдно, что это означает. А кому понравятся их постыдные танцы в святом месте – в храме, прости господи? Это же кощунство! Пусть бы попробовали в мечети или синагоге станцевать!

– Думаю, в синагоге им ничего бы не сказали. Иудаизм терпим к творчеству и самовыражению, не то, что христианство!

– Михаил – это бессовестное утверждение. Любой тебе скажет, ислам политизирован, агрессивен и нетерпим к инакомыслию, а иудаизм, извини, но истина дороже, коварен в своих замыслах и реализации. Примеров тому из истории тьма. Давай вспомним хотя бы

события в России, которые произошли после октябрьского переворота в России в 1917 году. Большевики – твои соплеменники – в крови утопили русский народ, прости господи!

– Что ты несешь? Это русская смута, бунт бессмысленный и беспощадный! Кто были белогвардейцы и красногвардейцы, которые убивали друг друга – русские! Никто даже за царя не вступился! Комитеты бедноты, которые грабили селян, тоже мои соплеменники создавали? Кровопийца Сталин, чьих кровей будет?

– А уже в наши дни, по-твоему, это русские перевернули вверх дном Россию, продолжают грабить страну и изводить население реформами? – Русак едва сдерживался, чтобы не назвать вещи своими именами.

– А кто митинговал за перестройку, за Ельцина голосовал? Помнишь, как он в Москве по 90 процентов голосов набирал?

– Миша, а ты-то честно свои миллиарды заработал? Скольких ты людей погубил?

– Ладно, хватит, завали хайло! – Михаил Арнольдович заговорил на понятном в колонии тюремном жаргоне. – Вали отсюда, чудак на букву «м»!

– Что ты себе позволяешь? – Русак схватил Ходора за шиворот.

– В карцер захотел, гнида? – хозяин апартаментов нажал на кнопку вызова охраны.

В присутствии двух надзирателей ссора быстро закончилась. Однако осадок от того памятного разговора остался надолго и у Ходора, и у Русака. Несмотря на конфликт, Михаил Арнольдович не хотел оставаться в должниках. Он позвонил на волю и поручил своим адвокатам решить вопрос о пересмотре дела Русака или его досрочном освобождении из колонии.

Время шло, а оно, как известно, лучший лекарь ран, в том числе, и нанесенных словом. Политические оппоненты успокоились. Их вновь потянуло друг к другу. «Узники совести» неожиданно нашли новые точки соприкосновения взглядов. Оказалось, что они оба не приемлют нового-старого президента, который в начале этого года сменил в Кремле, за «зубьями», своего бывшего выдвиженца Айфончика. А тот в результате небезызвестной политической рокировки возглавил правительство, поселившись в российском Белом доме. За разговорами об актуальности смены политического курса и необходимости ухода в отставку нынешнего президента они провели немало своего арестантского времени. И если по первому вопросу

собеседникам было о чем спорить, то по второму – они были почти единодушны.

Примерно за неделю до Нового года Ходор вновь пригласил Русака к себе. Как всегда стол ломился от выпивки и закусок, о которых не только простые арестанты, но и надзиратели могли только мечтать. На спутниковом телевидении вещал телеканал Би-би-си на английском языке. Метисной внешности телеведущая представляла очередной блок новостей. В этот раз гостю и хозяину апартаментов прислуживали две молоденькие девушки. Они излучали лучезарные улыбки.

– Серега, садись! У меня для тебя есть очень хорошая новость. Пусть будет тебе подарок к Новому году, – Ходор сделал небольшую паузу.

Русак приготовился внимательно слушать. Почувствовал напряжение, услышал стук сердца. Со «свободы» приходили ему вести о том, что кто-то хлопочет насчет пересмотра дела.

– Сергей Николаевич, дорогой! Ты хорошо знаешь русскую поговорку: долг платежом красен. Я рад тебе сообщить, что твое дело пересмотрено. Приговор – один год условно! Завтра тебе все объявят и можешь быть свободен!

– Как? Не может быть! А за что я тогда сидел?

– Это правда, я тебя поздравляю! За это надо выпить!

Чокнулись. Переглянулись. Ходор стал закусывать. Русак недоумевал:

– За что я тогда сидел?

– Радуйся, теперь ты жертва режима, мученик, можно сказать!

– Мне от этого не легче! Размазали, исковеркали судьбу, лишили всех перспектив, на семью, детей бросили тень. А теперь оправдали. Где совесть у этих людей? Господи, помилуй! А тебе, Миша, спасибо! Ты мне помог доброе имя сохранить.

– Всегда рад помочь! И не отчаивайся! С таким имиджем мученика, как у тебя, ты теперь полный авторитет, за таким человеком русский народ пойдет в огонь и в воду! Власти мало не покажется!

– Нет, скажи, за что я сидел?

– Закусывай!

– После первой не закусываю!

– Вот это правильно! Накатим еще по одной!

Выпили. Русак стал ковырять вилкой в тарелке с сыром. Михаил Арнольдович прокомментировал сообщение Би-би-си:

– Умеют работать международные СМИ. Из всех ответов президента на вчерашней пресс-конференции комментируют только слабые места. Он не знает, что журналюги могут сделать с неугодным Западу правителем.

– Би-би-си работает против России – так было и будет всегда.

– Не скажи, вот установим демократическое правление, они сразу запоят по-другому.

– Уже было при Ельцине, а что вышло? Реформы – символ разрухи, бед и трагедий!

– Это потому, что у России нет хозяина, который жил бы не одним днем...

– Ты о чем?

– Русские и евреи должны наконец объединиться, а не враждовать. Так мы только ослабляем друг друга. Чего нам делить? Два верующих и талантливых народа, в России вместе живем со времен святой Руси, уже перемешались друг с другом, фактически одна культура. Стоим за Россию – великую и неделимую! Посмотри, что в мире творится: хаос, войны, катаклизмы. И они будут только нарастать. Не сегодня так завтра Америки не будет. Мир катится ко всем чертям! Россия единственная в мире территория, где можно будет укрыться, спастись и выжить. Надо только элитам между собой договориться обо всем.

– Кто против! Только вот ваш брат спит и видит, как братьев-славян вокруг пальца обвести.

– Поэтому надо договариваться! Завтра выходишь ты на свободу. Через годик-другой и я буду на воле. У тебя есть общественная организация с прекрасным названием, кажется «Родная природа». Тебе будет оказана финансовая помощь, информационная поддержка, поможем обустроиться в Москве и регионах. Задача задействовать «русский фактор» в борьбе с антинародным режимом, мобилизовать людей на массовые выступления, помочь им объединиться в сетевые организации поддержки и взаимопомощи.

– А не получится, что хотели как лучше, а закончится как всегда – развалом России, не приведи господи!

– Ты согласен, что никто в мире русским никогда не будет помогать?

– Это так, наши союзники не меняются – это сильная армия и флот.

– Только, чтобы они появились, надо сначала прийти к власти. Кроме нас, никто вам больше не поможет!

– Неужели ты готов идти против своих, которые правят во всех мировых столицах!

– Готов!

– Почему, объясни.

– Все просто. Ты знаешь, почему после 1917 года большевики в России разделились. Одни пошли за Троцким, а другие – за Сталиным и Кагановичем.

– Интересно.

– Отвечаю. Троцкий представлял мировое правительство. Он был женат не то на племяннице Рокфеллера, не то Рокшилбрайта. Тогда Россия должна была сгореть в пламени мировой революции, пожар которой должен был перекинуться на другие страны Евразии. Отсюда делай вывод – советскую элиту, и в том числе евреев, ждала неизбежная гибель, кроме тех, кто был представителем мирового правительства. Но их было меньшинство, а доморощенных потомков хазар – большинство. Скажи, нам это надо было? Нет. В результате Троцкого ледоруб нашел в Мексике. Убийца Меркадер сделал свое дело. А наш брат-еврей решил, что мы «сами с усами» и будем самостоятельно править на одной шестой части света. И ведь правили, вместе Гитлера одолели, посланного мировым правительством уничтожить страну Советов.

– Какой ценой, сколько крови, не дай бог повторится!

– Давай помянем и «белых» и «красных», не чокаясь! – Ходор поднял рюмку с водкой.

– Будем живы, не помрем! – поддержал его Русак. – А что сейчас-то будет? – спросил он собеседника.

– И сейчас у нас, кто родился и вырос в России, чьи предки здесь похоронены, нет желания разрушать страну и идти под мировое правительство, лучше они пусть гребут под Россию, пока не поздно. Но без русских, которые составляют большинство страны, никому сегодня не обойтись. Давай дружить, Серега! Мы верующие люди, нам будет проще договориться, чем безродным атеистам. Слово я держать умею, долги возвращаю.

Было уже поздно. Во многих других бараках давно уже погас свет. В зимней ночи поднималась вьюга, позванивали консервные банки, висевшие на колючей проволоке поверх высоких заборов, по территории зоны с охранных вышек шарили прожектора, периодически лаяли грозные сторожевые собаки.

Глава 20

Пожар

В том году православная Пасха была позднее – 5 мая. Несмотря на это, жители придонского городка на майские праздники активно работали на своих приусадебных участках. Маша, договорившись с шефом, уехала домой почти на неделю. Все свое дневное время они с матерью проводили на приусадебном участке в пригороде, а к вечеру возвращались домой. За эти дни успели посадить картошку, капусту, морковь, свеклу, огурцы и помидоры, и конечно, очень много разных цветов.

В день Пасхи мать и дочь не поехали на участок, а остались в городе. Они практически не нарушали поста, тем более канун Пасхи решили провести согласно православным предписаниям. Весь день воздерживались от пищи, кроме употребления воды, сходили в Рождество-Богородицкий монастырь, где освятили куличи, которые накануне сами и выпекли. К одиннадцати часам ушли на пасхальное богослужение, где отстояли службу, причастившись, и только под утро уже дома разговелись. Спали недолго, в обед, прихватив съестное, поехали на приусадебный участок. Маша через день должна была уже уезжать, она обещала шефу в День Победы выйти на работу и помочь ему в организации праздничных мероприятий. Надо было посидеть в приемной на телефонах.

Погода была отличная, припекало. На приусадебных шести сотках стоял небольшой старый щитовой домик, состоявший из комнаты и прихожей. Умывальник и другие удобства, если их можно было так назвать таковыми, были на улице. По приходу, первым делом Маша нарвала букет ранних цветов. Солнечно-золотистые цветки весенника и синие в зелени гиацинты на столе украсили комнату, подняли настроение. Мать с дочерью все эти дни, пока были вместе, постоянно разговаривали на самые различные темы. Мать больше всего интересовало будущее дочери. Даже во время работ она продолжала донимать дочь своими женскими вопросами.

- Доченька, время замуж выходить!
- Mam, отстань! Рано еще и не за кого.
- Как же так, доченька, пора! У сестры уже внучок мой растет, а ты все в девках. Упустишь время?!

– Мне в Москве всю охоту замуж выходить отбили.

– Кто же это такой, ты не рассказывала.

– Говорить не хочу, в страшном сне не приснится.

– А я помню то время. Это когда от тебя весточки почти два месяца не было. Ты тогда сказала, что в командировке зарубежной была. Или соврала матери?

– Соврала!

– Вот так! Я же помню, когда наконец приехала домой, на тебе лица не было. Мне, правда, все время какой-то вежливый мужчина звонил и успокаивал, говорил, что все в порядке. Скоро вернешься. Теперь я понимаю, это он боялся, что я искать начну. Сколько я пережила тогда, одному Богу известно, спаси, Господи! Так что же было?

– Начальник один большой из Кремля до меня домогался, а я сопротивлялась. Он и сейчас меня достает, житья от него нет. Если бы не поддержка шефа, с ума давно сошла бы.

– Как же тебя угораздило, доченька, в такой оборот попасть, на глаза кремлевским правителям попасть, или как их там величают? Чего же ему сейчас от тебя надо?

– Царьков меня приставил к моему нынешнему начальнику шпионить за ним, а я отказалась, – чересчур разоткровенничалась перед матерью дочь.

– Ой беда! Ой, беда! К ним нам приближаться нельзя, мы для «больших» людей никто. Спаси, Господи! – мать перекрестилась.

– Все, забыли, обойдется! Давай на другую тему поговорим. Ты моими женихами интересовалась?

– Хорошо бы тебе замуж выйти поскорее, хотя какая-то защита бы была, лучше за военного или милиционера, тоже при власти. Вон сестра твоя вышла за офицера и довольна.

– Где же сейчас такого военного найти?

– Ты же говорила о каком-то москвиче.

– Ушастик, что-ли? Он не военный, студент, как и я в этом году институт оканчивает. Да какой он жених, не нравится он мне.

– С лица воду не пить, был бы человек хороший. Ты говорила он сын какого-то начальника в Москве. Разве это плохо? Защита опять-таки от этого кремлевского правителя.

– Нет, Шаумяну до Царькова далеко. Хорошо, что его вроде как сняли со всех должностей. Шеф говорил, что он уже не при власти.

– Шаумян, армянин, что-ли?

– Не знаю, но редкий прохвост и бабник, вдобавок еще и психопат какой-то. Проходу мне тоже не давал, пока Царьков его не отшил.

– Да у тебя там целая история, прямо-таки сериал Санта-Барбара, помню нас было от телевизора не оттащить, – мама Марии заулыбалась.

– А вот мама Ушастика русская, хорошая женщина, мы с ней быстро нашли взаимопонимание. Сын ее парень неплохой, дельный, еще студентом начал хорошо зарабатывать. У них с матерью плохие отношения с отцом. Они не живут вместе. Ушастик мне и сейчас постоянно звонит, даже приезжал пару раз, но у нас с ним только дружеские отношения.

– Вот видишь!

– Только мне, мама, другой человек нравится, – Мария загадочно заулыбалась.

– Что же ты молчишь, с матерью не поделишься о сокровенном?

Женщины подошли к небольшому пруду. Набрали воды в лейки для полива и пошли опять назад к своему огороду. По дороге они вынуждены были принять в сторону. Мимо проехал белый легковой автомобиль с сильно затемненными окнами.

– «Форд», номера московские. Кто такие? Чего им здесь делать? – вслух проронила Маша.

– Ты не отвлекайся, говори, в кого ты там втюрилась?

– Да я говорила тебе уже о нем, но ты сразу его забраковала.

– Это старый мужик какой-то, с кем работаешь вместе?

– Он не старик, мама, ему около чуть больше пятидесяти, он прекрасно выглядит, подтянут, модно одевается, галантный и очень умный мужчина, с юмором такой, добрый и приветливый.

– Хоть бы показала...

– Я же тебе привозила несколько газет, его и по телевизору показывают.

– Постой, постой! Твой начальник?

– Да. Ну и что?

– Он тебе не пара, наверняка женат. Выброси дурь из головы и ищи сверстника.

– Все равно нравится, что я с собой поделаю? А тебе что, он разве не понравился?

– В газетах там никого толком не разглядеть. Там же он с другими людьми вместе сфотографирован, – и тут женщина вдруг запнулась. Она вспомнила, что мужчину с фотографии она где-то уже

видела. Поставила лейку на землю между грядками. Вопросительно взглянула на дочь. В руках появилась мелкая дрожь, сердце застучало сильнее.

– Он действительно твой начальник, это правда?

– Да. Федор Михайлович Пашин, заместитель руководителя администрации, совсем ничего не помнишь!

Женщина замолчала. Какие-то странные предчувствия еще больше охватили ее. Она пошла в домик и через пару минут вышла с развернутой газетой.

– Иди сюда, дочь. Это он?

– Да.

В голове женщины только теперь мелькнула догадка о том, кем может быть этот статный высокий мужчина в центре фотографии со спортсменами. Мать и дочь недоуменно смотрели друг на друга.

– Что случилось, мама?

– Боюсь, случилось! У тебя другие его фотографии еще есть?

– На телефоне, – Маша тоже напряглась.

– Покажи!

Мать и дочь сели на лавочку. На мобильном телефоне сначала появилось одно фото, затем другое.

– Вернись! Увеличить можно?

– Нет. Что случилось, мама?

Мать замолчала, закрыла лицо руками, через мгновение встряхнула головой, поправила волосы. Ее лицо было пунцовым.

– Машенька, милая, а ведь это... – она сделала паузу. – Это, наверное, твой родной отец. Уж очень похож.

– Как? Это неправда! Ты ошибаешься.

– Точно, точно. Это твой отец. Все правильно, тогда ему было лет тридцать, с той встречи в поезде прошло ровно 23 года. Когда знакомились, он назвался Федором. Он ехал к себе на Родину. Он откуда родом?

– Оттуда, где сейчас живет и работает. Но это просто совпадение. Не может быть! Я не хочу, чтобы Федор Михайлович был моим отцом, я его люблю! – дочь заплакала.

– Не плачь, дуручка! Это же счастье, что у тебя будет такой достойный отец. Я не зря Бога молила, чтобы мы все встретились.

– Он женат?

– Да. У него двое сыновей и дочь, внуки есть.

Мать задумчиво улыбнулась.

– Хорошо, когда много детей. Будет у него еще дочка родная. Мало детей не бывает! Мне тоже всегда хотелось иметь не менее трех детей, но Бог не дал.

– Нет, нет и нет! Ты ошибаешься, мама!

– Посмотри на себя в зеркало и на его фото. Вы же с ним похожи.

Дочь схватила мобильник и побежала в домик, где в комнате висело зеркало. Через несколько минут она вернулась назад.

– Тебе показалось, мама. Ты просто ошиблась. Если бы это было так, то и Федор Михайлович, и я обратили бы внимание на внешнее сходство.

– Ладно, пусть будет, как будет! Время все поставит на свои места, помощи, Господи! – мать обняла, поцеловала и крепко прижала к себе дочь. Радостные, грустные и тревожные ощущения застали сегодня женщин врасплох.

В этот день дальше работа на огороде не заладилась. Однако назад, в городок, решили не возвращаться, а заночевать здесь, в домике. Погода была хорошая, даже к вечеру градусник показывал температуру больше двадцати. Мать готовила ужин на электроплите, а дочь в это время пошла прогуляться к реке. Когда она вернулась, стол уже был накрыт. Вкусно пахли картошка, мелкими кусочками порезанная сельдь, сдобренная кольцами красного лука, ломтики сала с прожилками, пожаренные гренки, и, конечно же, освященные кулич, крашенные яички. Мать достала бутылочку вина и коробку конфет. Включила в розетку самовар.

Разговор за столом не очень ладился.

– Может, вернемся, какое-то у меня недоброе предчувствие, – сказала мать.

– А что? Да людей на огородах почти нет никого, все сегодня Пасху отмечают, одни мы с тобой в праздник работаем, грех это большой.

– Так мне завтра после обеда уезжать, а с утра мы собирались еще раз все полить. Когда ты одна еще вырвешься на огород!

– Так-то оно так! Только вот я смотрю, какие-то люди ненашинские здесь крутятся. Машина с номерами из другого региона.

– Это ты про белый «Форд» с московскими номерами? Как же, мы его с тобой уже видели, а потом он еще раз мимо проезжал и как-то замедлил движение возле нашего участка.

– Я их у реки видела, один за рулем сидел, другой вышел из машины, все по сторонам крутил головой, на меня косился.

– Вот, вот! Чего им тут надо?

– Не бери в голову! Решили так решили! Ляжем и встанем пораньше, все быстренько польем и сразу уедем. Мне же еще собраться надо в дорогу, до четырех уехать, чтобы засветло к себе вернуться.

Женщины так и порешили. Мать легла в большой комнате, дочь разложила раскладушку в маленькой прихожей. Маша, поворочавшись, заснула, когда на дворе только стемнело. А мать не могла долго заснуть. Мысли о Федоре Пашине кружили ей голову. Сомнения перемежались с надеждами на встречу, радость за дочку, которая может обрести отца, не покидали печаль и грусть необретенного женского счастья. Заснула женщина часа в два ночи, словно провалилась в яму.

А через час ветхий щитовой домик запылал как факел. Неизвестные люди перед самым рассветом облили строение бензином со всех сторон и подожгли. Первой проснулась мать. Все кругом было в дыму. Огонь захватил всю постройку. Уже обвалился один угол в комнате. Мать стремглав кинулась в прихожую, где спала дочь. Здесь огонь бушевал вовсю. Мария, только что проснувшаяся, не понимала, что происходит вокруг. Мать на ощупь попыталась открыть засов, но дверь оказалась подпертой снаружи и никак не хотела открываться. Женщина схватила дочь за руку, потащила ее в комнату в надежде выскочить в окно. На дочери горела ночная рубашка, она стонала от ожогов, уже не могла сама передвигаться. Едва они добрались до окна, обвалилась прихожая. Мать с силой выбила окно. В комнату хлынул свежий воздух и пожар с новой силой взревел от силы огня.

Глава 21

Найти отца

Накануне 9 мая заместитель губернатора области был на своем рабочем месте. Он только что провел служебное совещание со всеми заинтересованными службами по вопросам подготовки к праздничным торжествам в городе. Каждый участник встречи теперь четко знал свой завтрашний алгоритм действий. «Теперь можно и отдохнуть!» – с этими словами он выключил рабочий компьютер. Быстро накинув на себя пиджак, он направился вниз к выходу, где его ждала служебная машина. Ехать нужно было за город, в баню, к другу детства Святославу Юрьевичу Петрову.

На улице было мало машин. «Надо бы позвонить Марии», – подумал Пашин. Он был удивлен, что она сегодня не вышла на работу. «Ответственная девушка. Что случилось? Почему ее нет? Сейчас узнаем!» – он набрал нужный номер, но телефон молчал. Оператор мобильной связи на двух языках сообщил, что абонент находится вне зоны доступа. «Что же это значит?» – Федор Михайлович еще пару раз перезвонил. «Может, выключен телефон или находится в недоступности. Почему? Перезвоню позже», – решил он и набрал другой номер.

Телефон ответил. Поздоровались. Переговорили о встрече. В баню ехал его старый добрый товарищ Сергей Николаевич Русак. Он в декабре прошлого года освободился из тюрьмы, а вот повидаться друзья еще со времен Афгана смогли только вчера, когда Русак прилетел из Москвы. Встречали долгожданного гостя сын Иван и его жена Анна, дочь Пашина, потому что первым делом дед захотел поехать и увидеть внуков. Пашин с женой Надеждой приехали позже, но зато просидели друзья почти до утра. Друзья крепко обнялись, несколько секунд так и простояли молча. Скупые мужские слезы блеснули в их глазах. Оставшись наедине, афганцы много о чем переговорили, поспорили. И конечно, неслабо выпили, помянули всех погибших товарищей, других близких и родных людей.

Когда заговорили о русско-славянских проблемах, Пашин предложил использовать областные возможности.

– Мы с Иваном, твоим сыном, столько дров наломали. Во-первых, главный футбольный клуб выкупили и забрали его под администра-

цию. Болельщиков объединили и сплотили. По местожительству людей, прежде всего, в частном секторе, да и в больших домах, с использованием потенциала болельщиков, создали общины взаимопомощи и поддержки населения. Приезжие у нас вот где! – он сжал кулак.

– Молодцы! В выборах участвуют?

– Конечно! Наш актив, агитируют только за своих людей! Во время президентских выборов почти каждую неделю собирали по 5–10 тысяч человек в поддержку избранного президента. Несколько тысяч в Москву выезжали, чтобы сорвать массовые протесты либеральной оппозиции – «болотников». Царьков мне этого простить не может! Несколько раз пытался снять с должности.

– Царьков? А где он сейчас?

– Сняли. Но, думаю, ненадолго. Слухи ходят, что за него сам президент США хлопочет.

– Не слабо. Ты же в курсе, что он руку приложил к тому, чтобы я в тюрьму угодил?

– Знаю. К нему и у меня должок! Установил за мной слежку, звонки от неизвестных людей по телефону, шельмование в СМИ – обвинения в коррупции. Думаю, и к покушениям на меня Царьков тоже имел отношение. Один раз на дороге напали, другой – кто-то дачу поджег. Не знаю, как, но с ним надо будет поквитаться!

– У тебя тут, прямо как на войне, не думал!

– Кстати, в начале войны, в 1941 году, его дед моего деда в тюрьме сгноил.

– Царство небесное, вечный покой!

Друзья выпили.

– Не говори, брат Серега! Давай будем держаться вместе!

– Договорились. Считаю, моя организация «Родная природа» уже начала действовать в твоей области, – заметил Русак.

– Здесь у нас все готово идти дальше. Область может стать центром собирания русско-славянских земель. Отсюда может пойти русско-славянская государственность. Россия – это государство всех россиян, всех народов. Русские имеют право быть равными среди других равных, – заведя разговор на острую тему, Пашин старательно подбирал каждое слово.

– Есть опасность развалить Россию, не думаешь? – сразу среагировал собеседник.

– Много думал. Уверен, что этот шаг только укрепит многонациональную Россию. Наряду с другими народами, появится еще один

субъект внутренней политики. Как показал исторический опыт, в том числе СССР, строить страну исключительно за счет русских, игнорируя и ущемляя их права и интересы, бесперспективно.

– Тут ты прав! Подлинную государственность надо возрождать и опираться на православие. Традиции нас объединят и консолидируют. Думаю, проведи референдум в регионах, и даже многих национальных республиках, – идея будет поддержана.

– А вот с Ходором по этой и другим темам ты бы не связывался, «не нашего поля он ягодка. Олигарх, одним словом». Кинет и подставит! – Пашин невольно потянулся и зевнул.

Время было позднее. Друзья легли спать.

С утра мужская половина Русаков вместе со всеми внуками собралась ехать в баню. Решено было отдохнуть и о политике не говорить. Святослав Юрьевич уже ждал гостей. Пашин приехал первым. До приезда других гостей, пока было время, решил посмотреть новости по телевизору. Диктор рассказал о подготовке к зимним Олимпийским играм, показали сюжет из Сочи. Пашин сосредоточился на бегущей строке. Секунда-другая и он весь напрягся. Сообщалось, что «в Задонске в результате пожара на приусадебном участке сгорел дом и пострадали две женщины, 45 и 22 лет». Федор Михайлович почему-то сразу подумал о Марии. Когда она уезжала на праздничные майские дни, говорила о том, что едет помочь матери по огороду. Пашин тут же перезвонил в областное МВД, попросил уточнить о ком идет речь, а сам пошел встречать гостей.

Внуки, едва выскочив из машины, с радостными криками бросились в объятия своего деда по материнской линии. Они даже не дали ему толком поздороваться со старшими Русаками. Внуки потащили его на небольшую площадку, где были железные перекладина и брусья. Дед с детства приучал ребят к занятию спортом и охотно соревновался с ними в подтягивании, отжимании на брусьях и от земли. «Ты первый!» – кричали пацаны. «Нет, вы первые!» – отвечал им дед Федя. Зазвонил телефон. Из МВД подтвердили, что в пожаре пострадали девушка по имени Мария, прописанная в столице Черноземья, и ее мать. Обе женщины в тяжелом положении. Идет следствие. По одной из версий произошел поджог.

Пашин стал извиняться за неожиданный отъезд.

– Ты как в мою баню идешь, так что-то случается! – заметил Святослав Юрьевич.

– Надолго? – спросил старший Русак.

– Километров 100 отсюда. Отдыхайте без меня. Постараюсь сегодня вернуться, завтра в городе праздничные мероприятия. Мне надо обязательно быть.

– Михалыч! Я с тобой!

Иван Русак вызвался ехать вместе с тестем. Его отец понимающе, в знак согласия, кивнул головой.

Через 15 минут служебный черный «Форд Мондео» уже мчал по федеральной трассе на север. По дороге Пашин созвонился с администрацией соседней области, чтобы местные власти оказали ему содействие. Сразу попросил, чтобы женщин положили вместе в отдельную палату и, по возможности, организовали охрану, пока идет следствие. На месте он, прежде всего, заехал в полицию, где его ожидал следователь. Капитан полиции был явно недоволен, что его в выходной день вытащили на работу, да еще требуют от него скорых действий.

– Какова основная версия поджога? Вы опросили женщин, что они говорят?

– Да ничего толком. Одна, в возрасте, насмерть перепугана, только и твердит, что какие-то люди на белой машине весь день кружили вокруг их участка. Вторая, молодая, в тяжелом положении. Много ожогов. Больше молчит. А я так думаю, может на ночь включили плиту, чтобы было теплее, не доглядели, вот и результат – пожар. Хорошо успели спастись. У нас люди заживо сгорают.

– Источник пожара исследовали?

– Когда? Праздники. Народ отдыхает. У меня столько дел, что не знаю, когда черед дойдет до Вашего пожара.

– Товарищ капитан, это наш пожар, пострадали люди, которые живут с вами в одном городе. Они беззащитные женщины. Настоятельно прошу заняться этим делом, буду держать на контроле. Вот моя визитка, все, что интересное возникнет, немедленно сообщайте.

Следователь невольно встал со стула. Ему не каждый день приходится говорить с заместителем губернатора области.

В старенькой двухэтажной городской больнице Пашина ждал начальник отдела здравоохранения города. Он сразу доложил, что женщин перевели в одну комнату на втором этаже.

– Телевизор есть, холодильник. Здесь таких только три палаты.

– Охрана есть?

– Медперсонал. Дежурный врач. От кого погорельцев защищать?

– Я просил, чтобы охранник был. В больнице есть охрана?

– Один на входе сидит. Только там свой охранник объявился. Парень приехал из Москвы. Вторые сутки дежурит в коридоре. Да вот он сидит.

Пашин с Русаком, в сопровождении завотделом и дежурного врача поднялись на второй этаж. Им навстречу с небольшой больничной скамейки встал молодой худощавый черноволосый парень с карими глазами и заметно торчащими ушами.

– Федор Михайлович, я сразу Вас узнал. Мне Мария рассказывала. Моя фамилия Шаумян. Как узнал, что Маша попала в больницу, сразу приехал.

– Молодец! – Пашин крепко пожал руку парню. Обернулся сразу ко всем сопровождающим: – Я хотел бы с Марией наедине поговорить.

В свите покорно закивали головами. Пашин поправил на себе халат, взял из рук Ивана Русака пакет с продуктами, зашел в палату. Она была небольшая, две кровати стояли у противоположных стен у окна. Женщина, лежащая слева у стены, у которой из-под одеяла торчала рука, по локоть замотанная бинтом, кажется, спала. Кровать девушки Федор Михайлович узнал сразу. Она пострадала больше. Не только руки и ноги, но и ее голова были в бинтах. Рядом стояла капельница, из которой в вену девушки бежала прозрачная жидкость. Глаза у девушки были закрыты.

На соседней кровати зашевелились. Увидев незнакомого мужчину, женщина вскрикнула.

– Кто это?

– Не волнуйтесь! Мое имя Пашин Федор Михайлович, я работаю вместе с Марией, вашей дочерью. Как вы себя чувствуете? – посетитель обернулся в сторону женщины. Мать Маши, сильно смутившись, стала натягивать на себя халат, поправлять волосы. В этот момент глаза открыла сама Мария.

– Федор Михайлович, дорогой, Вы приехали, я так рада. Извините меня, что не смогла на работу выйти, я скоро выздоровею.

– Не волнуйся! – мужчина взял ее за руку. – Все будет хорошо. Это съестное. Еще привезу. Мне обещали хороший уход. Вы скоро поправитесь.

– Я такая страшная, не смотрите на меня, прошу Вас! – Маша немного отвернулась в сторону.

К ним поближе подошла и подседа к кровати на стул мать девушки. Она ласково посмотрела на свою дочь, а потом трогательно взглянула на посетителя палаты.

– Федор Михайлович, Вы меня совсем не узнаете? Я так состарилась? Извините, плохо выгляжу!

– Ну что вы! Хотя... – Пашин немного замялся.

– Мы с вами раньше не могли видеться? – он пристально посмотрел в глаза немолодой женщины. Она, словно испугавшись, встала и повернулась лицом к окну. Из ее глаз покатались слезы. Она закрыла лицо руками.

– Федор Михайлович, мама говорит, что вы мой родной отец. Двадцать три года назад вы познакомились в поезде, в котором ехали к себе домой в отпуск.

Пашин просто опешил от всего услышанного. Однако почти сразу вспомнил ту давнюю, но памятную встречу, страстное увлечение молодой незнакомкой, которая ехала с ним в одном купе. Он встал со своего места, подошел к стоящей у окна женщине и обернул ее к себе:

– Это ты? Столько лет! У нас дочь?

– Я, Федор Михайлович, прости, Господи! Столько лет мечтала об этой встрече. Маша твоя родная дочь, береги ее. Много детей не бывает!

Мария впервые в жизни видела рядом своих родителей. Ее глаза невольно наполнились слезами счастья и радости.

Больницу Пашин и Русак покинули около часа ночи. Москвич Ушастик, который ради Маши готов был на все, на прощание успокоил Федор Михайловича:

– Не волнуйтесь, буду здесь столько, сколько надо!

В смятении чувств отец прошел через внутренний двор к воротам. Сегодня он обрел дочь, и потому чувства переполняли его, но одновременно понимал, что его девочке грозит смертельная опасность. Из разговора с Машей стало ясно, что подручные Царькова последний месяц стали еще больше донимать девушку по телефону звонками и эсэмэсками, а также по электронной почте. «Бедная девочка, чего же ты скрывала? Но теперь все будет по-другому!» – успокоил себя Пашин. Он последний раз обернулся назад, хотя знал, что окна палаты дочери и ее матери выходили на другую сторону больницы. Здесь почти во всех окнах здания был потушен свет. В одном из окон как-то странно мелькал свет. Федор Михайлович немного насторожился. За воротами их ждал еще один сюрприз. На противоположной стороне дороги, на обочине, стояла светлая иномарка. Как только сели в машину, Пашин спросил Ивана:

– Не обратил внимания, какая модель?

– «Форд Мондео», у меня такой же, – сразу ответил зять.

– Интересное кино! Возможно, это та самая машина, которая кружила возле участка вечером перед пожаром. Заворачивай за угол и сразу остановись! – Пашин дал команду водителю.

– Достань травмат!

Водитель вытащил из-под сиденья пистолет. Несмотря на позднее время, Пашин позвонил начальнику местной полиции, чтобы тот направил полицейский наряд к больнице. А сам вместе с Иваном направился в сторону «Форда». Едва они вышли из-за угла, как в темноте заметили человека, шедшего от машины в сторону ворот больницы.

– Иван, ты – к машине. Действуй осторожно. Возможно, в салоне еще кто-то есть. Наверняка у них оружие. Возьми мой травмат. Если что, притворись пьяным. Я иду следом за вторым. Если удастся скрутить водителя, тащи его в нашу машину. Завяжи глаза.

– Михалыч, сам-то как без оружия?

– Не теряй время, с богом!

Пашин, чтобы его не увидели из машины, лихо перемахнул через забор. Теперь ему стало ясно, что неслучайно кто-то семафорил из окна, когда он выходил из больницы. «В здании сообщник» – мелькнуло в сознании. Между тем неизвестный поднялся по ступенькам к входу и вошел вовнутрь. Пашин, крадучись, тоже зашел в дверь. Услышал шаги по лестнице, пошел следом. Наверху послышалась какая-то возня. Оказалось, что на этаже неизвестного остановил поклонник Марии. Москвич не спал и стоял у окна справа от лестничной клетки, а палата, где лежали мать и дочь, была слева по коридору. Увидев человека с пистолетом за спиной, молодой парень не испугался, а выбил у бандита оружие. Завязалась драка. Пашин поспел вовремя. Он профессионально заломил назад руку, схватил его за волосы и ударил об стенку, чем вывел незваного посетителя из равновесия, затем потащил того на выход вниз по лестнице. Бандит угрожал и ругался матом. По всему было видно, что человек был родом с Кавказа. Все произошло так быстро, что дежурный персонал больницы ничего не понял, а больница продолжала мирно спать. Пашин на ходу поблагодарил Ушастика, попросил остаться.

К воротам уже подъехал полицейский «уазик». Пашин не успел толком расспросить задержанного, которого заковали в наручники полицейские. Прежде чем забраться в задний отсек машины, где было место для задержанных лиц, кавказец грозно бросил:

– Ты попал! Я тебя везде достану!

Водителя «Форда» на месте не оказалось. Полиция решила, что он сбежал. Пашин не стал их ни в чем разубеждать. По дороге домой остановились на полпути. Вытащили из багажника водителя «Форда» со связанными руками и завязанными глазами. С пристрастием его расспросили о задуманном. Выяснилось, что подельникам хорошо заплатили за то, чтобы они убили девушку по имени Мария. Водитель, тоже кавказец по происхождению, не был в курсе, кто в Москве заказал убийство. Но подтвердил, что эсэмэски с угрозами на телефоны девушки и Пашина бросали они, как и поджоги на их совести. Кавказца завели подальше в лес и привязали к дереву. Пашин понимал, что наживает новых врагов, но на мокрое дело пойти не мог, это было не в его правилах. Выйдя из леса, он еще раз перекрестился.

Глава 22

Дьявольский заговор

Царьков недолго оставался без высокой должности. За несколько месяцев до начала зимней Олимпиады в Сочи небезызвестного царедворца вновь назначили в Кремль заниматься Южной Осетией и Абхазией, бывшими автономиями Грузии. По слухам, перед президентом за Царькова ходатайствовал сам глава американского Белого дома, а также руководители российских кавказских республик, которые считали Вениамина Ахметовича, отец которого по происхождению был родовитый горец, своим общественным полпредом в Кремле. Глава Чечни прямо так и сказал президенту: «Нам с ним в Кремле как-то спокойнее, есть кому за нас заступиться!»

Его назначению предшествовала встреча в Испании на побережье Коста-Бланка. Царьков был приглашен на закрытый саммит с участием особо влиятельных людей в мире экономики и политики. Среди них главным лицом была баронесса Рокшилбрайт. Здесь, в уютном местечке Торревьеха, Царьков встретился с еще несколькими знакомыми российскими и украинскими олигархами. Среди них оказался и Колахметов, который поселил на своей вилле опального «кремлевца», каким на тот момент еще был Вениамин Ахметович.

Закрытый саммит продолжался один день, да и то только до обеда, потом гости стали разъезжаться. На повестке был один вопрос – Украина, а вернее – Россия. Заговорщики почти не спорили. Они сразу поддержали инициативы баронессы. Единогласно договорились принять все меры, чтобы сорвать зимнюю Олимпиаду в Сочи, а также, не дожидаясь президентских выборов на Украине в 2015 году, начать процесс отстранения от власти нынешнего украинского президента. В ходе дискуссии все согласились с тем, что в России хозяин Кремля вышел за все дозволенные рамки и должен быть нейтрализован любыми средствами. Отдельно зашел разговор о Михаиле Арнольдовиче Ходоре и его роли в консолидации российской оппозиции после освобождения из колонии. По словам Рокшилбрайт, он – жертва режима, а в России народ таких людей жалеет, особенно бабы.

В заключение встречи баронесса еще раз подчеркнула:

– Наша стратегия проста, но она отличается от прежних планов – разрушить Россию, поделить и взять под контроль отдельные

территории и народы. Времена меняются. Сегодня «эрэфия» нам нужна – единой и неделимой страной. Как любит повторять российский президент, «мухи отдельно, котлеты отдельно!». Таким образом, «кремлевский бунтарь» должен уйти, а Россия, или как ее потом можно будет назвать, – остаться. В мире нет другой такой территории, позволяющей успешно контролировать материк Евразию, а значит – весь мир. Надо спешить! Время работает не на нас!

До выхода на свободу Ходора координация плана устранения действующего президента была возложена на руководителя медиаимперии Рокшилбрайт, молодого испанца, а также – Колахметова и Царькова. Партнеры в политике и бизнесе, забыв размолвку между ними, связанную с тем, что дочь Колахметова в последний момент ушла из под венца с сыном Царькова, вновь ударили по рукам. В гостях у украинского олигарха москвич провел неделю. Между переговорами с бизнес-партнерами, они, как обычные отдыхающие, коих всегда много летом на побережье Коста-Бланка, разъезжали по городу на машине, ходили по ресторанам, купались в море, играли в теннис, и даже побывали на соленых озерах, где, наряду с другими выходцами из стран СНГ, мазались черной лечебной грязью.

Однако наибольшее удовольствие партнерам доставляли испанские проститутки. Их легко было встретить с наступлением темноты. Партнеров в политике и бизнесе особенно интересовали смуглые, кучерявые и полноватые девицы, происхождением из Северной Африки. За деньги покладистые и горячие южные красотки, казалось, готовы были исполнить любой каприз и прихоть своих господ. Но даже они насмерть перепугались, когда узнали, что одна из них провела страшную ночь с редким извращенцем и садистом. Недобрая молва о «русском» сексуальном маньяке немедленно пробежала по небольшому приморскому городку, и тогда Колахметов увез своего приятеля на свою другую виллу на побережье, где богатую недвижимость в основном имели граждане России. Царьков старался избегать встреч со своими соотечественниками, со многими из которых он не только встречался в московских коридорах власти, но и поддерживал тесные связи. Среди владельцев престижной испанской недвижимости по соседству с украинским олигархом можно было встретить министра московской области, руководителя ведущей российской компании сотовой связи, аудитора счетной палаты, вице-премьера Украины и других состоятельных людей. Они вместе отдыхали, дружили семьями, у них был общий бизнес.

– Ринат, куда ты меня привез? Я же просил, чтобы мы не попадались на глаза кому зря! Еще не хватало, в прессу попадет информация или «папе» доложат!

– Чего, прижилась президенту кликуха «папа»?

– Не то слово! Но за «зубьями», в Кремле, шепотом называют. Поэтому мне нельзя здесь светиться.

– Не волнуйся. Недвижимость оформлена не на меня, настоящего имени моего никто не знает. Тебя тоже видят в первый и последний раз. Лучше бы ты девочек не мучил. Они бы не распускали слухи о нас.

– Это моя слабость! – согласился Царьков.

Встреч с руководителем медиаимперии баронессы Рокшилбрайт было всего две. На первой с участием самой баронессы обсудили общие вопросы, на второй оговорили информационную тематику. В беседах с испанцем в качестве переводчика участвовал Георгий Пашин. Чтобы уединиться, Колахметов пригласил компанию прокатиться на своем новеньком морском лайнере. Собеседники разместились на верхней палубе. Морской воздух, морская слегка волнистая гладь моря, на столе – испанское белое вино и изысканные морепродукты – создавали прекрасное настроение. В такой атмосфере было не до серьезных разговоров, тем не менее люди на палубе дорогого морского лайнера решали судьбоносные вопросы мира.

Коллахметов проинформировал испанца о работе по консолидации украинских и российских СМИ, подбору новых кандидатур и замене прежних, ненадежных, главных редакторов. Царьков больше слушал и лишь отвечал на вопросы доверенного лица баронессы. Того, прежде всего, интересовали возможности региональных СМИ, а также перспективные ньюсмейкеры и эксперты, которых можно было бы «прикормить» и приручить. Заговорщики договорились об объемах и порядке финансирования подготовки активистов и массовых выступлений. Испанец обратил внимание Царькова на необходимость консолидации усилий либеральной части высокопоставленных чиновников в ближайшем окружении «папы». Оказалось, что он тоже знает о том, как в Кремле за глаза называют президента.

– Технология простая – наши люди во власти душат «папу» в своих объятиях, подставляют и саботируют его решения, СМИ вызывают общественное недовольство, актив возглавляет массовые выступления. И, конечно, нужно иметь своих ставленников в силовых структурах. Силовики нам понадобятся, когда придет время

установить диктатуру. Причем не надо бояться национализма – это хорошая форма для управления государством и обществом на переломных этапах. Достаточно вспомнить опыт с Гитлером. При нем Германия за одно десятилетие поднялась в экономическом и военно-политическом плане.

– На Украине эта система создана и уже работает. Наши люди и во власти на ключевых постах, и в рядах оппозиции, и в СМИ, и в силовых структурах. А националисты, в прессе их кличут «жидобандерами», были и будут главной движущей силой украинских революций, – со знанием дела заметил Колахметов.

– Да, это так, а в России надо работать. Там президент – главное препятствие на пути наших планов. И медлить нельзя. Украинский фактор может стать настоящим тараном против России. Именно поэтому нет необходимости ждать президентских выборов на Украине, которые состоятся через полтора года. И начинать «оранжевую революцию» надо в период зимней Олимпиады в Сочи. Во-первых, Москва будет отвлечена на это событие и ей будет не до Украины, а во-вторых, массовые протесты в украинской столице в глазах мировой общественности вполне могут затмить Олимпийские игры. Как это преподать в мировых СМИ нам известно, здесь можно не беспокоиться. Нельзя допускать, чтобы такие крупные спортивные мероприятия, как Олимпиада, работали на авторитет российского лидера, сплочение и консолидацию вокруг него населения.

Несмотря на свой достаточно молодой возраст, испанцу не было и сорока лет, он мыслил очень масштабно, хотя и объяснялся простым языком. Но и в этом была заслуга Георгия Пашина, который вновь профессионально корректно перевел длинный спич ближайшего сподвижника баронессы.

Назад, в порт, на морском лайнере вместе с другими участниками встречи представитель баронессы не поехал. За ним на остров прилетел вертолет с мигалками. При расставании на небольшой вертолетной площадке высокопоставленный собеседник улыбнулся, пожелал хорошего отдыха гостям Испании на уникальном побережье Коста-Бланка, пригласил их к себе в гости в Мадрид. Затем вежливо дал понять, что переводчик уже больше не нужен. Перейдя на ломанный русский язык, он заметил, что в маленьком городке лучше не следить, чтобы не было лишних разговоров, посоветовал учить иностранные языки, чтобы общаться без переводчика. Он бросил взгляд на Георгия, отошедшего в сторону. А уже под шум винтов лопастей вертолета ис-

панец обронил многозначительную фразу, предназначенную исключительно для Царькова:

– Тебя ждет новое назначение в Кремль! Будешь заниматься Украиной! «Папе» уже был звонок из Вашингтона.

Царьков невольно встрепенулся. Он не ожидал такого быстрого решения. Он и года не проходил без должности. Оглянулся, чтобы убедиться, что сказанное испанцем никто не слышал. Отошедший в сторону Колахметов уже махал рукой вертолету. Переводчика и близко не было. Царьков отбежал с вертолетной площадки и замахал рукой. Клубы пыли волнами закружились вокруг поднимающегося вверх вертолета.

Царькову тоже с самого начала не очень нравилась затея с русским переводчиком. По возвращении в порт он еще раз дал понять Колахметову, что тот делает большую ошибку, привлекая русского переводчика. Но украинский олигарх вновь не принял всерьез его замечаний.

– Он под контролем. Я его на наркоту подсадил. А переводчик он отменный, да и журналист неплохой. Такие публикации делает, без проблем продвигаем их в ведущие СМИ.

– Зачем он тебе нужен? Ты же знаешь, кто его отец!

– Пока нужен. Ты же в курсе, что Диана покончила с собой? Если его убрать, то сам понимаешь, кто будет крайним. СМИ раздуют такую бучу, мало не покажется! Мне это надо?

– Жаль Диану! Они вместе с моим сыном могли бы быть хорошей партией!

– Наверное, еще раз извини.

– А что касается твоего переводчика, то это не мой вопрос. Ну а генерала я при первой возможности закрою. Сука, совсем отвязался, столько мне проблем создал. Представляешь, я к нему свою бабу приставил, а она оказалась его дочерью. Выжила, тварь! Но ничего, еще не вечер!

– Кстати сказать, а ведь и у меня к нему есть вопросы. Он у меня футбольный бизнес отжал в областном центре, куда ты его и назначил. А его сын мне поможет вернуть долги отца.

Обсудив планы смены власти на Украине, мобилизации либералов и русских националистов на протестные действия в России, заговорщики стали расходиться. Царьков пошел отдыхать на второй этаж, а Колахметов из гостиной заглянул на кухню. Там он неожиданно встретил Георгия.

– Что ты здесь делаешь?

– Воды попить пришел. Жажда мучит. Ринат Леонидович, у меня «отходняк», – соврал переводчик, боясь наказания.

В действительности он не первый раз подслушивал разговоры Колахметова. Делал записи, а иногда даже записывал на телефон. Сейчас он сразу сообразил, что его отцу грозит опасность. Несмотря на то что младший Пашин за последние три месяца подсел на наркотики, парень старался контролировать себя. Будучи сыном генерала спецслужбы, он не мог не осознавать, в какую компанию людей угодил. Поэтому старался вести себя осторожно, надеясь при первом удобном случае, вырваться на свободу. А заодно стал собирать любопытную информацию. Мысль о том, что он проник в тайны дьявольского заговора, одновременно страшила и обнадеживала парня. Он все больше хотел быть полезным России, искал оправдания в глазах отца.

Колахметов оттолкнул зятя в сторону, подошел и налил себе виски.

– Я спрашиваю, что здесь делаешь?

– Мне бы разок «покумарить».

– Перебьешься, «молодняк», работать не сможешь.

– Смогу.

– Не темни! Разговор наш в гостиной слышал?

– Нет, нет! Мне бы «покумарить».

– Узнаю, что врешь, убью! К утру напишешь статью для испанской газеты о новых расследованиях коррупции в Кремле. Материалы все получил?

– Да.

– Иди. Сделаешь, получишь дозу.

На следующий день вечером Колахметов и Царьков улетели, один – в испанский Аликанте, другой – в Москву. У Рината Леонидовича перед возвращением в Киев должна была состояться сделка на покупку акций местного футбольного клуба. Георгий Пашин остался один, но под присмотром доверенных людей украинского олигарха. Поэтому ему пришлось изыскивать возможности, чтобы не по своему мобильному телефону созвониться с братом и передать ему необходимую информацию для отца. В последнее время, после смерти жены, Георгий все больше тяготился своим одиночеством, его сильно тянуло к себе на Родину. Все больше стал переживать за свою размолвку с отцом. Всегда расспрашивал о нем по телефону мать и брата.

Любимое занятие, футбол, практически пришлось забросить. Колахметов не сдержал своего слова, не пристроил родственника в мест-

ный футбольный клуб. К тому же травма ноги давала знать о себе, а тут еще тесть подсадил его на наркотики. И хотя Георгий больше делал вид, что их употребляет регулярно, тем не менее эта зараза оказалась чересчур приставучей. Спасение младший Пашин искал не только в переводческой работе, за которую ему хорошо платил Колахметов, но и в повседневной журналистике. К тому времени он уже окончил вуз по специальности «спортивная журналистика». Завел блог, под никому неизвестным псевдонимом. Часами пропадал в Интернете. Всякий раз вспоминалось, что и его отец в недавнем прошлом был профессиональным информационщиком.

Глава 23

Русская весна

По окончании военного вуза лейтенант Ярослав Пашин приказом министра обороны был направлен в распоряжение командующего Южным военным округом. Не пробыв и двух дней в Ростове, офицер убыл к месту службы – в воинскую часть, которая находилась поблизости от областного центра. В бригаде специального назначения лейтенанту предстояло исполнять обязанности переводчика отряда. С первых дней молодой офицер вошел в ритм напряженной боевой учебы. От него требовались не только отличное знание языков и отменная физическая подготовка, но и профессиональное владение всеми видами стрелкового оружия, стоявшего на вооружении подразделения, средствами связи и наблюдения, навыками боевых единоборств. День после раннего подъема до заката солнца лейтенант проводил на учениях и тренировках. Сильно уставал. В офицерском общежитии засыпал сразу, чтобы с утра опять включиться в бешенный ритм боевой учебы.

Отец молодого лейтенанта, генерал Федор Михайлович Пашин, конечно, мог бы посодействовать сыну – позвонить «кому надо» в ГРУ и новоиспеченного офицера оставили бы в Москве. Но, во-первых, старшего Пашина, который под давлением Кремля был вынужден уволиться с должности заместителя губернатора, отправили в длительную служебную командировку. Последний раз он звонил из Крыма, который успешно присоединился к России. К тому времени в соседней Украине, где «Русская весна», вылившаяся в массовые антикиевские протесты, попыталась прийти в города и веси Новороссии, уже вовсю полыхала гражданская война. Россия не смогла остаться в стороне от конфликта в Донбассе и на Луганщине. А во-вторых, отец с сыном всегда были единодушны в том, что начинать лейтенантскую службу надо в войсках. И хотя первым языком у Ярослава был китайский, а вторым – английский, знание третьего – украинской «мowy», – которую он выучил по собственной инициативе и сдал необходимые экзамены, предопределило окончательный выбор Министерства обороны.

Отряд спецназа, куда попал служить лейтенант Пашин, уже дважды заходил в Донбасс. Подразделение имело задачу вести разведку,

помогать ополченцам вскрывать огневые точки противника, а также бороться с диверсантами. Конечно, в отряде было немало бойцов, которые не только могли понимать, но изъясняться на украинской «мове». Однако для осуществления радиоперехватов, обработки трофейных карт и документов, специальной военной литературы и даже прессы необходимо было профессиональное знание украинского языка. лейтенант Пашин как раз и обладал всеми этими навыками. Поэтому уже через два месяца он в составе небольшой группы отправился на Донбасс.

В этот раз в пригород Донецка разведчики, облачившись в гражданскую одежду, добирались на нескольких транспортах. Все снаряжение и оружие ехало отдельно. Всего несколько часов и отряд был уже на месте. Их встречали двое ополченцев. Группа заняла позиции в заброшенном полуразрушенном здании на самой окраине столицы Донбасса. Переоделись, так чтобы военных разведчиков было трудно отличить от обычных ополченцев. Здесь, где были сделаны схроны с оружием и боеприпасами, запасами продуктов, был оборудован полевой штаб группы.

В ноябре днем еще было тепло, а ночью – уже прохладно. Линия фронта проходила совсем рядом. С украинской стороны всю ночь напролет стреляли. Примерно в километре отсюда гремел бой в окрестностях донецкого аэропорта. Пыльная взвесь разрушенных домов висела в воздухе. По дорогам редко на высокой скорости проскакивали одинокие машины и или гроыхала бронетехника. В полевом штабе спали всего три часа. Несколько человек остались в заброшенном доме, а остальные, численностью до отделения, во главе с командиром, молодым капитаном, отправились на боевое задание. лейтенант Пашин был в их числе. Еще не рассвело, когда показались очертания населенного пункта. Проверили по своей и украинской карте, справа должен быть блокпост вооруженных сил Украины (ВСУ), а за ним – в двух километрах отсюда – месторасположение интернационального батальона. По информации, его основу составляет подразделение американской частной военной компании. Кроме того, в батальоне много было других иностранцев. В задачу разведгруппы входило добыть все необходимые сведения, в том числе образцы оружия и документы. По возможности от разведчиков требовалось попытаться захватить и доставить в главный штаб ополчения какого-либо иностранца, а лучше американца, как доказательство иностранного вмешательства во внутренние дела Украины.

Обойдя блокпост по глубокому оврагу, группа вошла и остановилась в лесополосе. Уже светало. Стрельба с украинской стороны стала стихать. Необходимо было осмотреться уже на местности, найти хорошее укрытие, чтобы можно было спокойно переждать день и при этом вести наблюдение за противником. Лейтенант Пашин шел предпоследним в группе. Он внимательно смотрел по сторонам. Сквозь деревья с осыпавшей листвой окрестности просматривались хорошо. Ему очень захотелось в туалет, но не мог этого сделать, ждал, когда будет сделан очередной привал. Командир строго предупредил всех далеко не отходить. Он опасался, что подходы к блокпосту и месторасположению иностранного батальона могут быть заминированы.

Лейтенант, отправив естественные надобности, подошел к самому краю противоположной стороны лесополосы. Солнце поднималось из-за горизонта. Впереди метрах в пятистах торчало несколько разрушенных построек. Были хорошо видны осыпавшиеся пролеты, изъеденные пулевыми язвами стены, в воздухе чувствовался запах пороха вместе с цементной пылью. Пашин, не согласовав свои действия с командиром, решил подобраться поближе к постройкам. «Из лесополосы можно было бы вести наблюдение, а в развалинах организовать «лежку», – подумал про себя офицер. Ползком по уже пожухлой траве подкравшись к первым развалинам, он заметил в глубине бывшего сада, сохранившегося в виде нескольких обгоревших деревьев, подобие погребной насыпи. Подполз ближе и понял, что здесь находится старый погреб, сверху заросший высокой надомной крапивой и другой травой. Вход в него был завален ветками и мусором так, что изда- лека его нельзя было сразу обнаружить.

Пашин оглянулся по сторонам. Немного расчистил вход. Прислушался. Из подвала донеслись какие-то звуки. Спецназовец взял на изготовку автомат. Сзади тоже послышался шорох – это неожиданно подкрался командир. Он, строго взглянув на подчиненного, погрозил кулаком. И тут же задал немой вопрос, показывая головой на земляное сооружение. Лейтенант пожал плечами. Хотел было что-то сказать, но капитан резко приложил палец к губам. Он разбросал завал и стал потихоньку стягивать сорванную с петель дверь. Снизу пошли тошнотворные запахи. Командир знаком руки оставил лейтенанта наверху, а сам, изготовившись к стрельбе, спустился вниз.

Там ему открылась страшная картина. В темном и вонючем подземе-лье в самом углу он обнаружил девочку лет тринадцати и мальчиш-

ку, не старше пяти лет. Малыш лежал на фанере на земляном полу. Он не то спал, не то был в полном забытьи. Девочка сидела на корточках, прислонившись к стене. Она тихо стонала. При виде незнакомого военного с оружием она чуть было не заорала, но капитан, ловко обхватив худосочное девичье тело, аккуратно прикрыл ей рот рукой.

– Девочка, милая, родная, не бойся! Мы свои, русские. Пить хочешь? – спецназовец достал походную фляжку.

Немного успокоившись, девчонка стала жадно пить. Затем фляжку с живительной влагой сунула в рот брату. Тот немного зашевелился.

Капитан тихо позвал к себе лейтенанта.

– Молодец, хорошее место нашел. День можно здесь пересидеть. Остаешься. Присмотри за детьми. Подкорми. Заодно уберись в подвале. Смотри, как воняет.

Справа от выхода командир наткнулся на тело. Офицер осветил фонариком. Это был труп старой женщины. Лицо уже почернело, тело стало разлагаться. Трупная вонь пережегалась с запахами многочисленных испражнений.

– Це бабуся, – с трудом произнесла девочка.

– Іноземці вбили, вони не розуміють по-українськи, – девочка разговаривала на украинском языке.

– С девчонкой обстоятельно обо всем поговори. Узнай, что с мальчишкой?

– Брати хворий, температура, – сестра хорошо понимала русскую речь.

Оставшись наедине с детьми, Ярослав выяснил, что они здесь в подвале уже больше недели прячутся от иностранных и украинских военных. Их родителей расстреляли за сочувствие ополченцам. Родительский дом в поселке был занят иностранными военными. Бабушка забрала детей, и они спрятались здесь на заброшенном огороде, где раньше стоял небольшой дачный домик, который оказался разрушенным, но цел был старинный подвал. Бабушка умерла на второй день, и дети остались одни. Продукты и вода закончились еще три дня назад. Силы у ребят были на исходе. Девочка еще держалась, а мальчишка был совсем плохой, он нуждался в срочной медицинской помощи.

С украинской стороны, заметив какие-то шевеления за лесополосой, возобновили стрельбу. Грохот снарядов и пулеметных очередей вновь омрачил утренний рассвет. Разведчики не решились перебираться в подвал. Они, рассредоточившись, заняли боевые позиции,

стали вести наблюдение. Подтвердилась информация о том, что иностранцев по периметру прикрывали подразделения «Правого сектора». Наличие с восточной стороны проволоки, которой был обнесен военный лагерь противника, свидетельствовало о вероятности минирования путей подхода.

Иностранцы жили в отдельных компактных палатках и домиках. Здесь они отдыхали, меняя друг друга на боевых действиях. По имеющейся информации здешний иностранный батальон был задействован в боях за аэропорт. «Правосеки» днем и ночью исполняли функции охраны. Днем отсыпались, рыскали по близлежащим населенным пунктам, грабили население, хватали лиц мужского пола и издевались над ними. По вечерам пили водку и самогон, жрали, насиловали местных девчат и издевались над пленными, палили из всех видов оружия в сторону пригородов Донецка.

Командир отряда понял, что на этом направлении подобраться к вражеским позициям будет сложно. План действий созрел сам собой. «Уничтожить блок пост. От него до ближайшего дома америкосов не больше километра», – рассуждал про себя офицер. Через специальные наблюдательные приборы было хорошо видно, как из палатки защитного цвета вышел сначала один американец африканского происхождения, затем – англосакс по виду. В другом доме жили иностранцы, похожие на славян. «Поляки!» – мелькнуло в голове капитана. «Черт, Пашина нет. Вот когда он нужен». Командир послал на замену лейтенанту другого военнослужащего.

Капитан вместе с лейтенантом и прапорщиком, крадучись, вышли на ближайшую позицию к лагерю неприятеля. Укрылись в зарослях. Настроили аппаратуру дальнего наблюдения и прослушивания. Пашин безошибочно определил:

– Два американца обсуждают бой с ополченцами. Говорят, что побывали в пекле. Ополченцы воюют, как звери. Жалеют, что приехали. Судя по сленгу, бывшие уголовники.

– Может быть. В справке о ЧВК сообщалось, что там много такого зековского отребья.

Командир перевел наблюдение на двух украинцев в униформе, которые отошли в сторону, чтобы справить нужду.

– Что «правосеки» говорят?

– Обсуждают ночные похождения.

– Спасибо, лейтенант. Пойди, еще пообщайся с детьми и поспи пару часов. К вечеру обсудим детали. В ночь идем на работу.

В подвале стало меньше вонять. Спецназовцы как могли навели здесь порядок. Девочка совсем уже ожила, успокоилась. Немного лучше стало и малышу. Его уложили в теплый походный спальный мешок. Отрядный фельдшер дал аспирин, сделал укол. Мальчишка спал. Однако его надо было как можно скорее госпитализировать.

Лейтенант расспросил девочку о родственниках. Оказалось, что на Украине никого не осталось, но брат покойной мамы живет где-то за Уралом. Офицер вытащил лист бумаги, дал девочке карандаш.

– Запиши телефон моей мамы. Будешь в России, свяжись, она поможет!

– Постараемся вас переправить в Россию, там брату сразу окажут квалифицированную помощь, – заверил сестру Ярослав. Она ему отвечала уже по-русски.

– А Вас мы увидим?

– Конечно! – весело ответил Ярослав.

Девочка-подросток, немного смутившись, заулыбалась.

С наступлением сумерек украинская сторона, как по расписанию, начала безостановочно стрелять из всех видов оружия. Причем, видно было, били по площадям, а не по целям. Над головой свистели мины и ревели снаряды реактивной артиллерии, разрывы которых слышались далеко в пригородах большого города. Пулеметные и автоматные очереди били по округе, в том числе по лесополосе. Жужжащие пули впивались в стволы деревьев, срезали ветки, осыпая пожелтевшую листву. Спецназовцы, прижавшись к земле, внимательно вглядывались в темноту и с нетерпением ждали своего часа.

Стрельбы немного уменьшилась, но не прекратилась. Часы показывали четверть третьего. Спецназовцы вплотную приблизились к блокпосту. Командир дал знак переводчику. Пашин, в соответствии с договоренностью, на украинской «мове» негромко произнес:

– Боєць, ти не спиш?

В ответ тишина. Пулеметчик в укрытии мирно спал. От него несло перегаром. Капитан и лейтенант зашли за бетонные плиты. В самодельном курене из веток деревьев были еще двое украинских бойцов. Они тоже спасли. Обезоружив троицу, оставили спать на месте. Вкололи снотворное. На блок посту осталось два спецназовца. Лейтенант показал командиру рукой в сторону. В темноте просматривался силуэт микроавтобуса. Капитан знаком дал команду проверить и подготовить автомобиль к выезду с детьми.

Артиллерийская перестрелка противоборствующих сторон была в самом разгаре. На захват иностранца пошли втроем во главе с командиром. Он шел первым. «Как бы ребят не загубить?» – думал капитан. Едва он об этом подумал, как из ближнего дома, где горел свет, вышли двое. Оба были пьяны. Украинец пытался объясняться на английском языке. Они подошли почти вплотную к разведчикам и стали мочиться. Считанные секунды, и парочка, не успев произнести и слова, уже лежала на земле. Среди них один был накаченный афроамериканец в одних трусах. «Теперь не смогут отказаться, что американцы воюют здесь!» – командир от радости чуть не закричал. Пальцем руки показал подчиненным, что здорово получилось.

Засунув в рот по кляпу, скрутив руки, спецназовцы, подгоняя их автоматами, повели к блокпосту. Надо было спешить. В лагере могли обнаружить пропажу. К счастью, автомобиль на посту был в исправности. Привели детей. Посадили пленных.

– Ваша задача добраться до нашего полевого штаба. Там вас будут ждать. Лейтенант – старший. К машине! – скомандовал капитан.

В это время зазвонил телефон. Командир кивнул Пашину. Сразу сообразив, Ярослав прикинулся пьяным. На том конце связи его стали материть. Но успокоились, когда он заверил, что все на своих местах ведут наблюдение. Подтвердил, что свояк звонившего трезвей всех.

Пашину пришлось остаться с еще одним офицером и двумя бойцами прикрывать отход. Он напоследок попрощался с сестрой и братом. Девочка напонила, что он обещал доставить их в Россию. Микроавтобус со спецназовцами, детьми и захваченными пленными тронулся с места и поехал с выключенными фарами по ухабистой дороге. Пропажу иностранца обнаружили через час, когда уже микроавтобус был далеко от блокпоста. Украинская сторона забила тревогу. Стрельба со всех орудий по противоположной стороне оглушила окрестности. Темное небо залилось огненными трассерами от ракет, снарядов, мин и пуль.

Украинские силовики первым делом бросились проверять блокпост. Но там их встретил плотный пулеметный огонь. Спецназовцы умело вели бой с превосходящими силами противника. Однако, пока еще не стало светать, надо было уходить. Договорились уходить по двое разными маршрутами, но в сторону разрушенного дома, где был оборудован временный штаб боевой группы. До него было всего несколько километров. Лейтенант Пашин уходил последним. Слева и

справа были слышны брызги пулевого дождя. Он быстро перебежал дорогу и кубарем скатился вниз по придорожному откосу. Впрыгнул в кусты, но в эту секунду почувствовал, как ему обожгло плечо. Пуля прошла навывлет.

К рассвету основные силы разведгруппы были в назначенном месте. Не было только лейтенанта Пашина. Через несколько часов пленный иностранец уже был на российской стороне границы, а с утра его начали допрашивать в компетентных органах. Малыша вместе с сестренкой ближайшим авиарейсом направили в Москву, где в аэропорту их должна была встречать «скорая помощь» из детского медицинского центра. Разведчики успешно справились со своей задачей. Уже на следующий день в СМИ появилась информация, что на Украине против ополченцев воюют иностранцы из США и других стран.

Глава 24

Домой из плена

На территориях Донбасса, подконтрольных Киеву, большинство населения было настроено враждебно к украинским силовикам и, особенно, к так называемым национальным батальонам, в рядах которых было немало уголовников и психопатов. Эти люди особенно зверствовали в поисках ополченцев и им сочувствующим в населенных пунктах прифронтовой полосы. Среди местных жителей хватало и тех, кто сотрудничал с украинскими националистами из «Правого сектора». Одни за возможность иметь работу доносили на своих соседей, другие – по своим убеждениям ненавидели всех, кто проявлял тягу к русскому языку и культуре, называя их «ватниками» и «совками».

Лейтенант Пашин, получив ранение руки, вынужден был искать поблизости место, чтобы спрятаться от погони, которая шарила в окрестностях дороги. Уже светало, но стрельба не стихала. Решив, что, пока идет прочесывание местности, безопаснее будет найти временное убежище на украинской стороне, офицер заметил на окраине частный дом. Пробрался во двор и забрался в дальний сарай. Достал походную аптечку, сделал укол и перевязал рану. Снял с себя снаряжение и оружие. Выкопал под стеной между столбиками фундамента яму. Достал из рюкзака рубашку, припасенную для такого случая. Завернул в окровавленную штормовку оружие, разгрузочный жилет и другое спецназовское снаряжение. Зарыл вещи в землю, сверху замаскировал. «Если обнаружат, попробую сойти за гражданское лицо. Вот только с раной что делать?» – офицер потрогал руку.

На дворе он, стараясь быть незаметным, по лестнице вскарабкался наверх. Чердак оказался открытым. Офицер с облегчением вздохнул. Сбросил лестницу вниз. И это была его роковая ошибка. Шум привлек хозяев дома. Они прислушались. Услышав шаги наверху, мужчина позвонил по телефону в милицию. Не прошло и десяти минут, как во дворе раздались незнакомые голоса. Разговор шел на «мове». Офицер прильнул к щели, прислушался. Сомнений не было, националисты искали его. «Черт, оружие спрятали! Лучше было бы умереть достойно!» – Пашин пожалел, что остался без оружия.

Хозяева дома пенсионного возраста вышли навстречу людям в униформе. Находясь на чердаке, было трудно разобрать, о чем шел разговор внизу. Дружелюбное общение хозяев с украинскими силовиками насторожило Ярослава. Говорили недолго. Переговариваясь между собой, пенсионеры обошли дом с обратной стороны. Хозяин дома поставил лестницу и поднялся наверх.

– Один, виходь, не бійся, свої!

Спецназовец молчал. Мужчина громче повторил уже на русском языке:

– Выходи, не бойся, свои! Пойдем в хату!

Пашин не знал, что пенсионеры действовали по наводке «правосеков», которые опасаясь встретить вооруженное сопротивление, решили выманить неизвестного человека. Схватили Пашина уже в доме, когда он сидел за столом и жадно пил воду. В дом ввалилось несколько человек: «Стоять! Руки за голову!» Ярослав не стал сопротивляться, решив до конца держаться утвержденной еще в бригаде легенды. Согласно ей он местный житель из небольшого поселка городского типа. Здесь оказался, так как шел за продуктами на украинскую сторону. Ранило шальной пулей. Испугался, что задержат, спрятался на чердаке. За паспорт Пашин не беспокоился. Он принадлежал ополченцу, убитому месяц назад. Его родные и близкие погибли под бомбежкой.

«Правосеки» одели на пленника наручники, натянули шапку на голову, вывели на улицу и посадили в микроавтобус. По незнакомым голосам Пашин понял, что к нему подсадили еще несколько человек. Всю дорогу люди молчали. Говорил только один охранник на русском языке с ярко выраженным западным акцентом. В память надолго врезались его слова: «Сепары», «ватники», вы не люди, вас не должно быть! Если хотите жить, убирайтесь в свою азиатскую Россию, к кавказцам и азиатам! Они вас научат Родину любить!»

Привезли в Мариуполь и сразу повели на допрос. Спецназовец стоял на своей версии. Начали избивать. Сначала били по коленям резиновой дубиной, потом по раненой руке. Затем стали бить битой по почкам, по печени. Напарник следователя надел на руки перчатки и принялся наносить точные удары в голову. Когда он бил по затылку, то Ярославу казалось, что полопаются шейные позвонки. Но всего этого изуверам показалось мало. Они бросили парня на цементный пол. На лицо положили вонючую тряпку и стали медленно лить

воду. Офицер задыхался, но молчал. От кислородного голодания он начал терять сознание. Все тело стало биться в конвульсиях. «В глаза смотри, сука! Хватит притворяться, тварь!». Пашин, хотя и плохо осознавал происходящее с ним, выражение сатанинской злобы во взгляде одного из своих палачей, забыть уже не мог. Издевательства прекратились

Пашина бросили в камеру. Посредине помещения на полу была большая лужа засохшей крови. Вдоль двух стен находились стеллажи, у третьей – ободранный топчан, на который охранники опустили безжизненное тело арестанта. Когда после нескольких часов беспомощности Ярослав пришел в себя, то обнаружил, что не один в камере. Его это немного приободрило. «Если бы раскусили во мне спецназовца, то я бы с другими не сидел вместе. В Киев бы давно отправили». Весь избитый, с сине-багровым лицом новенький у сокамерников вызывал ужас. Люди в камере, в том числе два уголовника, повидавшие на своем веку, были в ужасе от избитого вида молодого парня. У пленника было одно желание: как можно скорее забыть все происходящее и больше не вспоминать.

Ярослав допрашивали еще три дня. На одном из допросов присутствовал гражданский человек. Он внимательно следил за поведением и реакциями подсудимого. Пашина уже больше не топили, но применяли дубинку и электрошокер. Побои и ожоги не давали спать. Рука начала гноиться. Врачи пригласили только на четвертые сутки. Молодая медсестра из воинской медчасти обработала рану и сделала перевязку. В глазах ее было сочувствие к молодому человеку, но подбодрить она его не могла. За ее действиями внимательно следил молодой «правосек» с пышными казацкими усами. Стойкость спецназовца, а еще то, что на всех допросах он отвечал на «мове», были вознаграждены. Как сказал следователь, сведения о нем подтвердились. Только вот он никак не желал верить в случайность ранения арестанта. На какое-то время его оставили в покое. Перевели в изолятор временного содержания, оборудованный неподалеку от Азовского моря. Его свежее дыхание чувствовали арестанты, выходявшие на прогулку.

Однако Пашин зря начал рано успокаиваться. В распоряжение следствия поступила и другая информация. Выяснилось, что пленный и есть как раз тот военный разведчик, который участвовал в захвате американца из иностранного батальона и бойца «Правого сектора». Сведения подтвердил источник из России, сообщивший о пропаже

без вести одного спецназовца ГРУ. И тогда к следствию подключились влиятельные силы из Киева, их представитель даже приезжал в изолятор временного содержания. Поступила команда не трогать подследственного, но усилить его охрану. Здесь не могли знать, что украинская СБУ намерено было использовать Пашина в качестве наживки для поимки его отца, важной фигуры в рядах «сепаратистов», которого давно ищут и в России.

О пропаже своего сына, лейтенанта Пашина, его отец узнал сразу. Он был среди ополченцев, которые встречали разведгруппу в разрушенном здании, оборудованном под временный штаб. Пока спецназовцы усаживались на присланный транспорт, генерал Пашин, представившись советником главы самопровозглашенной республики, отвел командира группы в сторону:

– Как вы понимаете, лейтенант Пашин мой сын. Где он, капитан?

– У Вас достойный сын, благодаря его инициативным и профессиональным действиям была успешно выполнена поставленная задача. Он будет представлен к ордену!

– Капитан, где мой сын?

– Решено было идти разными маршрутами. Он последним из нас покидал вражеский блокпост. Отстал. Но он боец! Он найдется. Я уже сообщил в центр и ополченцам о пропаже и необходимости поиска нашего офицера-переводчика. Простите, что не доглядел!

– Будь здоров, командир! В другой раз береги своих подчиненных, ты за каждого из них в ответе. И за Ярослава тоже.

Генерал и капитан расстались. А уже через неделю советник главы самопровозглашенной республики, установил, где находится его сын, несмотря на то что он там находился под другим именем, уроженца Донецкой области. Необходимо было действовать быстро, пока арестанта не перевели в Харьков или Киев. Федор Михайлович Пашин понимал, что может «засветиться», если начнет действовать активно. Здесь, на Донбассе, он был на полулегальном положении. Лишь глава самопровозглашенной республики знал, что за человек из России работает с ним, являясь его советником по информационным вопросам. Сам Пашин недавно получил неприятную информацию из Москвы – Царьков знает о его нахождении на Донбассе. Более того, Федора Михайловича предупредили по телефону: «Есть заказ на неудобного генерала!». Пашин уже знал, как это делается на примере других непокорных полевых командиров ДНР и ЛНР, которые уже были устранены.

К тому времени Царьков и Колахметов, партнеры в политике и бизнесе, играли не последнюю роль в урегулировании конфликта на Донбассе, реализации так называемых «минских соглашений». Свою подрывную деятельность против планов возрождения Новороссии они активизировали с выходом на свободу небезызвестного политзаключенного Ходора. Михаил Арнольдович практически сразу включился в политическую борьбу с кремлевским режимом в России. После разговора с баронессой Мадлен Рокшилбrait он получил карт-бланш на координацию всех действий по России и Украине. Осенью в Испании Ходора принял Колахметов. Друзья детства решили забыть прежние обиды, вызванные тем, что Ринат Леонидович присвоил себе львиную долю нефтяных активов Михаила Арнольдовича, которые они с Царьковым поделили. Несмотря на трудности своего финансового положения, в связи с революционными событиями на Украине, Колахметов еще до приезда к нему важной персоны из Германии перевел на его счет круглую сумму.

На встрече обсуждали вопросы финансирования, кадров, содержания, форм и методов информационных кампаний против России с территории Украины. Ринат Леонидович представил характеристики на всех владельцев и главредов украинских СМИ. Особенно детально проговорили тему работы в Интернете. Ходор даже сам пришел на подготовительные сборы украинских блогеров и других айтишников, которые в это время проходили в приморском городке на побережье Коста-Бланка. Здесь он впервые заметил Георгия Пашина, который работал в качестве переводчика.

Поэтому, когда в последний день Колахметов по давней дружбе завел разговор о неугодном генерале из России, создавшему немало проблем ему и Царькову, Ходор дал быстрый совет:

– Посылай этого мальчику на Украину, чего ему сидеть здесь возле моря, когда на Украине идет гражданская война. Пускай едет на передовую, собирает интервью у бойцов и пленных ополченцев. Глядишь, выйдет на брата! На своих сыновей отец, Пашин-старший, обязательно клюнет и обьявится. Вот тогда всех вместе можно и ... – главный политический противник Кремля, оборвав фразу, самодовольно заулыбался.

Через два дня в понедельник Ярослав прилетел в Киев, а уже в среду должен был отправиться в Мариуполь. Напоследок Колахметов прямо ему так и сказал:

– Твой брат в Мариуполе. Езжай, делай громкое интервью – один брат заодно с «сепаратистами», а другой – киборг в войне против Рос-

сии! Это я о тебе, хотя, какой ты боец идеологического фронта! Тебе еще надо заслужить это высокое звание. Хватит уже только про футбол и коммерческие разборки писать. Кстати, я просил сделать материал о наркотрафике из Донбасса в Европу и торговлю человеческими органами, чем занимаются «сепары». Сделал?

– Нет еще, информации мало.

– Плохо работаешь! – Колахметов задумался. В прессе прошло сообщение о том, что имеет отношение к наркотикам и потрошению человеческих тел. Поэтому надо было срочно перевести стрелки на «сепаратистов».

– Не забудь довести до конца! И сразу езжай брата навестить! – украинский олигарх злорадно захихикал. Ему нравилась идея одним махом ликвидировать под корень все мужское семя Пашиных.

Георгий очень волновался, когда шел на встречу с братом. Они не виделись уже несколько лет, а говорили по телефону год назад. Тяжелая железная дверь с лязгом отворилась. Ярослав сидел на топчане. В камере он был один.

– Братишка, здравствуй!

Ярослав молчал. Он, не понимая, что происходит, продолжал играть свою роль.

Георгий подошел, хотел обнять родного человека, но тот отстранился от него. Брат представился корреспондентом известного украинского издания.

– Ты меня не узнаешь?

Ярослав отрицательно покачал головой. В этот раз разговора не получилось, и корреспондент был вынужден уйти ни с чем. Пообещал прийти завтра и задать свои вопросы. Вечером Георгий звонил матери, которая после отъезда мужа вернулась в Москву. Обрадовал мать, что виделся с братом. Говорили недолго, Георгий догадывался, что его могут подслушивать. Он еще не понимал, что задумал Колахметов, но чувствовал – ему с братом грозит опасность. Мать это почувствовала без лишних слов, и не могла не дать весточку мужу.

На следующий день братья встретились. Они прогуливались по тюремной территории. Уже пришло зимнее время. Днем температура воздуха была плюсовой. С моря дул холодный ветер. Георгий принял правила игры, предложенные братом. Задавал ему вопросы, а тот отвечал на них на украинском языке.

Между тем их отец не мог сидеть сложа руки, решил действовать незамедлительно, чтобы спасти своих детей. Днем в пределы города

на берегу Азовского моря въехали три белого цвета внедорожника «Тайота» с опознавательными начертаниями на боках ОБСЕ. Впереди и сзади кавалькады двигались милицейские машины с мигалками. Машины специальной мониторинговой миссии ОБСЕ стремительно проскочили центр города и остановились возле изолятора временного содержания. Из первой белой «Тайоты» вышел генерал национальной милиции в высокой фуражке и стройный мужчина в белом бронежилете и каске на голове с надписями «ОБСЕ». Из автомобилей выскочило несколько вооруженных людей, облаченных в униформу милицейского спецназа, и быстро рассредоточились перед входом.

Высокий милицейский чин был реальным украинским генералом, два дня назад перешедшим на сторону ополчения. Рядом с ним шел Федор Михайлович Пашин, советник главы самопровозглашенной республики на Донбассе. Он был в темных очках. События развивались молниеносно. Начальник изолятора, даже не взглянув на удостоверения, взял под козырек. Через несколько минут вывели важного пленника, которого, как сказал генерал, надо немедленно доставить по назначению. Заодно привели и корреспондента, который не успел покинуть изолятор и был вместе с арестантом. Каковы же были удивление и радость отца, когда он живыми увидел обоих своих сыновей. Но мужчина в каске и бронежилете не подал даже виду.

Кавалькада машин стремительно направилась в обратную дорогу. Через пятнадцать минут она уже была далеко за городом. На украинском блокпосту, который был заблаговременно взят под контроль ополченцами, их уже ждали. Бойцы пересели в белого цвета внедорожники «Тайота» и машины понеслись дальше. По прибытии на место Федор Пашин первым выскочил наружу и бросился ко второй машине, где сидели его сыновья. Он на ходу сбросил каску и очки. Сыновья повисли на шее у своего отца.

– Батя, родной мой, здравствуй! – повторял Ярослав.
– Черти, задушите! – у него на глазах выступили слезы.
– Тятя! Прости меня, ради бога! – молил Георгий.
– Бог простит, а я тем более все прощаю! – отец перекрестил сына. – Матери позвонить не забудьте! – он обнял своих парней и направился с ними в здание администрации.

Украинская сторона спохватилась слишком поздно. По тому, как мощно заработали их артиллерия и ракетные установки по западным

окрестностям прифронтового Донецка можно было понять, как раздосадованы и взбешены были украинские правители и их западные покровители. Между тем на Донбассе вновь разгорался вооруженный конфликт. Мощная группировка украинских вооруженных сил стояла на границе самопровозглашенных республик. Нужен был информационный повод. Мировые СМИ денно и нощно вещали о нарушениях сепаратистами режима перемирия со ссылкой на ОБСЕ, а также о российском присутствии в регионе.

Литературно-художественное издание

НЕБРЕНЧИН Сергей Михайлович

Битва конца

Издатель: ФНиМБ

117342, г. Москва, Севастопольский проспект, д. 56/40

Выпускающий редактор – Ю.С. Студеникин

Корректор – С.И. Щетнева

Верстка – Л.А. Юшкевич

Подписано в печать 28.03.2016. Формат 60×90/16
Печать офсетная. Печатных листов 10,5. Заказ № 7

Отпечатано в типографии «Медиа Гранд»
132900 Ярославская область, г. Рыбинск, ул. Луговая, д. 7
Тираж – 1000 экз.